

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ

ЭНН БИШОП

НАСЛЕДНИЦА ТЕНЕЙ

Автор бестселлеров сериала THE BLACK JEWELS

Черные драгоценности

Энн Бишоп

Наследница Теней

«Центрполиграф»

Бишоп Э.

Наследница Теней / Э. Бишоп — «Центрполиграф», — (Черные драгоценности)

Род веками ждал прихода Королевы, живого воплощения магии. Но не все верят, что о Джанелль, молодой девушке, говорит пророчество, не все видят в ней спасителя. Некоторые думают, что она миф. А некоторые пытаются использовать ее как марионетку в своих целях. Но скоро ее магия созреет, день расплаты настанет. И в этот день темные Сферы узнают, что значит быть управляемыми могущественной ведьмой.

Содержание

Драгоценные Камни	5
Иерархия Крови (касты)	6
Пролог	7
Часть первая	9
Глава 1	9
1. Террилль	9
2. Ад	11
3. Террилль	15
4. Кэйлеер	18
5. Террилль	20
Глава 2	24
1. Террилль	24
2. Ад	27
3. Террилль	29
4. Террилль	30
5. Террилль	32
Часть вторая	36
Глава 3	36
1. Кэйлеер	36
2. Кэйлеер	39
3. Искаженное Королевство	43
4. Ад	43
5. Кэйлеер	49
6. Кэйлеер	51
7. Кэйлеер	57
8. Кэйлеер	62
Глава 4	64
1. Ад	64
2. Кэйлеер	64
3. Кэйлеер	74
4. Ад	78
5. Террилль	81
6. Террилль	82
7. Кэйлеер	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Энн Бишоп

Наследница Теней

Посвящается Надин Фаллакаро, сестре по духу

Драгоценные Камни

Белый
Желтый
Тигровый Глаз
Розовый
Небесно-голубой
Лиловый Сумрак
Опал¹
Зеленый
Сапфир
Красный
Серый
Эбеново-серый
Черный

Приносящий Жертву Тьме может опуститься не более чем на три ступени от Камня, носимого по Праву рождения.

Например, если Камень по Праву рождения – Белый, то носящий может опуститься до Розового.

¹ Опал – пограничный Камень между светлыми и темными, потому что может быть и тем и другим.

Иерархия Крови (касты)

Мужчины

Лэнден – представитель любой из рас, не принадлежащий к Крови.

Мужчина Крови – общее название для любого мужчины, принадлежащего к Крови; относится также к тем, кто не носит Камни.

Предводитель – мужчина, носящий Камень, равный по статусу ведьме.

Князь – мужчина, носящий Камень, равный по статусу Жрице или Целительнице.

Верховный Князь – опасный, крайне агрессивный представитель мужского пола, носящий Камень, по статусу чуть ниже Королевы.

Женщины

Лэнден – представительница любой из рас, не принадлежащая к Крови.

Женщина Крови – общее название для любой женщины, принадлежащей к Крови; обычно относится к тем, кто не носит Камни.

Ведьма – женщина Крови, носящая Камень, но не принадлежащая при этом к другим кастам; также может относиться к любой женщине, носящей Камень.

Целительница – ведьма, способная исцелять телесные раны и болезни, по статусу равна Жрице или Князю.

Жрица – ведьма, отвечающая за алтари, Святилища и Алтари Тьмы; заключает помолвки и браки, совершает жертвоприношения, по статусу равна Целительнице или Князю.

Черная Вдова – ведьма, исцеляющая разум, сплетающая сложные паутины снов и видений, обучена творить иллюзии и превосходно разбирается в ядах.

Королева – ведьма, которая правит Кровью, считается сердцем страны и душой Крови, а потому является центральной фигурой в их обществе.

Пролог

Кэйлеер

Темный Совет был созван вновь. Андильвар Яслана, мертвый демон, эйрианский Верховный Князь, сложил темные крылья и оценивающе оглядел других членов Совета. Увиденное ему совершенно не понравилось. Если не считать Трибунала, обязанного являться на все слушания, лишь две третьих общего числа членов должны были посещать каждое заседание, выслушивая бесконечные петиции, или разрешать в Кэйлеере разбирательства людей Крови, которые не могли быть улажены Королевами Краев. Сегодня же ни одно место не пустовало, за исключением соседнего с его креслом.

Однако тот, кто обычно занимал место рядом с Андильваром, был здесь, терпеливо стоял посреди зала, ожидая решения Совета. Смуглый мужчина с золотистыми глазами, густыми черными волосами, уже начавшими серебриться на висках. Глядя на то, как небрежно он опирается на элегантную трость с серебряным набалдашником, можно было подумать, что это красивый мужчина Крови, достигший последних лет зрелости. Однако длинные, окрашенные черным ногти и кольцо с Черным Камнем на правой руке не оставляли сомнений, что это не так.

Один из Трибунов тихо прочистил горло.

– Князь Сэйтан Деймон Са-Дьябло, вы предстали перед Советом с намерением получить опеку над несовершеннолетним ребенком по имени Джанелль Анжеллин. Вы не захотели, согласно требованиям, предъявляемым к делам людей Крови, предоставить нам необходимые сведения о том, как связаться с родными девочки, чтобы они могли присутствовать на этом заседании и высказать свое мнение.

– Им этот ребенок не нужен, – последовал тихий ответ. – А мне – нужен.

– Увы, мы знаем об этом только с ваших слов, Повелитель.

Дураки, подумал Андильвар, наблюдая за тем, как вздымается от гнева грудь Сэйтана.

Первый Трибун продолжил:

– Более всего в данном прошении нас беспокоит тот факт, что вы – Хранитель, один из живых мертвецов, однако при этом желаете взять в свои руки благополучие живого ребенка.

– Не просто живого ребенка, Трибун. *Этого* ребенка.

Первый Трибун с беспокойством поерзал в кресле. Его взгляд скользнул по ярусам кресел, расположенным по обеим сторонам огромного зала.

– Учитывая... необычные... обстоятельства, решение должно быть единодушным. Вы понимаете это?

– Понимаю, Трибун. Я понимаю это как нельзя лучше.

Тот снова нервно откашлялся.

– Начинается голосование по делу Сэйтана Деймона Са-Дьябло, желающего стать опекуном Джанелль Анжеллин. Кто против?

Нерешительно поднялись руки, и Андильвар содрогнулся, заметив необычный взгляд Сэйтана, глаза которого словно остекленели.

После того как голоса были подсчитаны, никто не проронил ни слова, не осмелился даже пошевелиться.

– Проведите голосование еще раз, – тихо произнес Сэйтан.

Первый Трибун ничего не ответил на это, и Второй Трибун коснулась его руки. Через несколько секунд в кресле Первого Трибуна осталась лишь кучка пепла и черная шелковая мантия.

«Мать-Ночь! – воскликнул про себя Андальвар, наблюдая за тем, как один за другим тела возражавших рассыпаются прахом. – Мать-Ночь...»

– Проведите голосование еще раз, – все тем же тихим, мягким тоном произнес Повелитель Ада.

Решение и впрямь было единодушным.

Второй Трибун невольно положила руку на сердце:

– Князь Сэйтан Деймон Са-Дьябло, Совет единогласно дарует вам все отцовские...

– Родительские. Все *родительские* права.

– Все родительские права на ребенка по имени Джанелль Анжеллин, с этого часа до дня, когда она достигнет совершеннолетия, то есть когда ей исполнится двадцать лет.

Как только Сэйтан поклонился Трибуналу и направился к выходу, Андальвар покинул свое кресло и распахнул двойные двери в дальнем конце зала Совета. Он вздохнул с облегчением, когда Сэйтан, тяжело опираясь на трость с серебряным набалдашником, медленно прошел мимо.

Битва еще не окончена, подумал эйрианец, закрывая двери и следуя за Повелителем Ада. Совет, конечно, в следующий раз сумеет противостоять Повелителю более тонко, но этот следующий раз непременно будет.

Когда они наконец шагнули в прохладный ночной воздух, Андальвар повернулся к своему старому другу:

– Что ж, теперь она твоя.

Сэйтан поднял лицо к ночному небу и устало прикрыл золотистые глаза.

– Да. Она моя.

Часть первая

Глава 1

1. Террилль

Окруженный стражниками, Люцивар Яслана, эйрианец-полукровка, Верховный Князь, вошел во двор, ожидая услышать приказ о своей казни. Не было иных причин приводить сюда жалкого раба из соляных шахт. У Зуультах, Королевы Прууля, были причины желать его смерти. Притиан, Верховной Жрице Аскави, он, напротив, был нужен живым, поскольку она до сих пор надеялась превратить его в племенного жеребца. Однако во дворе рядом с Зуультах стояла не Притиан.

Доротея Са-Дьябло, Верховная Жрица Хейлля.

Люцивар расправил темные, кожистые крылья, надеясь, что жгучий воздух пустынь Прууля наконец высушит их.

Леди Зуультах бросила взгляд на капитана стражи. Через мгновение раздался свист плети, оставившей на спине Люцивара глубокий рубец.

Тот зашипел сквозь стиснутые зубы и покорно сложил крылья.

– Любое другое действие, выражающее неповиновение, будет наказано пятьюдесятью ударами, – зло предостерегла Зуультах, отвернувшись и о чем-то заговорила с Доротеей Са-Дьябло.

Какую игру они затеяли? – подумал Люцивар. Что могло выманить Доротею из ее хейлианского логова? И что это за рассерженный Князек с Зеленым Камнем стоит поодаль от женщин, сжимая в руке сложенный отрез ткани?

Осторожно выпустив ментальный импульс, Люцивар уловил эмоции. От Зуультах, как обычно, исходила волна возбуждения и жестокости. От Доротеи – нетерпение и страх. Под гневом неизвестного эйрианцу Князя таилось горе и чувство вины.

Страх Доротеи представлял наибольший интерес, поскольку означал, что Деймона Сади до сих пор не поймали.

Улыбка удовлетворения заиграла на губах Люцивара.

Заметив эту улыбку, Князь с Зеленым Камнем преисполнился враждебности.

– Мы зря теряем время, – сердито бросил он, шагнув к эйрианцу.

Доротея обернулась к нему:

– Князь Александр, подобные вещи стоят де...

Филип Александр развернул ткань, взяв ее за верхние углы.

Люцивар пораженно уставился на запятнанную простынь. Кровь. Сколько крови... Слишком много крови. Кровь была ментальной ниточкой. Если он направит ментальный импульс и коснется этого пятна...

Его душа замерла, едва не разорвавшись на части.

Люцивар заставил себя встретиться с враждебным взглядом Филипа Александра.

– Неделю назад Деймон Сади похитил мою двенадцатилетнюю племянницу и отвел ее к Алтарю Кассандры, где избил и изнасиловал ее. – Филип встряхнул руками, и кровавые пятна заплясали перед глазами у Люцивара.

Тот с трудом сглотнул, пытаясь удержать желудок на положенном месте, и медленно покачал головой.

– Демон не мог изнасиловать ее, – произнес он, убеждая скорее себя, чем Филипа. – Не мог. Он никогда раньше не был способен на подобное.

– Может, раньше просто не представлялось повода! – рявкнул Филип. – Это кровь Джанелль, а Сади был опознан Предводителями, поспешившими ей на выручку!

Люцивар неохотно повернулся к Доротее:

– Вы уверены?

– До моего сведения дошла информация – к сожалению, запоздало, – что Сади проявлял неестественный интерес к этой девочке. – Доротея изящно пожала плечами. – Возможно, он оскорбился, когда она попыталась отклонить его ухаживания. Ты не хуже меня знаешь, на что Сади способен в гневе.

– А тело вы нашли?

Доротея ответила не сразу.

– Нет. Это все, что обнаружили Предводители. – Она указала на простыню. – Но не стоит полагаться только на мои слова. Посмотрим, сможешь ли ты переварить то, что запечатлено в этой крови.

Люцивар сделал глубокий вдох. Эта сука лгала ему. *Должна была* лгать. Потому что, благая Тьма, если это правда...

Демону *действительно* предлагали свободу в обмен на убийство Джанелль. Он отказался от нее – по крайней мере, Сади так сказал. Но что, если он *изменил* свое решение?..

Через мгновение после того, как Люцивар открыл сознание и коснулся импульсом окровавленной простыни, он упал на колени, избавляясь от скудного завтрака, состоявшегося всего час назад, и яростно дрожа. Проклятый Сади. Пусть будет его душа отправлена в недра Ада! Она была всего лишь *ребенком*! Что девочка могла сделать, чтобы заслужить такое? Она была Ведьмой, живой легендой! Она была Королевой, которой они оба мечтали служить! Она была его маленькой дикой Кошкой. *Будь ты проклят, Сади!*

Охранники подняли Люцивара.

– Где он? – требовательно спросил Филип Александр.

Люцивар закрыл глаза, чтобы не видеть окровавленной простыни. Таким усталым и подавленным он не чувствовал себя никогда. Ни в эйрианских охотничьих лагерях, будучи презируемым полукровкой, ни в бесчисленных дворах, где ему приходилось служить на протяжении долгих веков, ни даже здесь, в Прууле, под опекой бдительной Зуультах.

– Где он? – повторил Филип.

Люцивар нехотя открыл глаза.

– Откуда, во имя Ада, мне знать?

– Перед тем как Предводители потеряли след, Сади направлялся на юго-восток – к Пруулю. Всем прекрасно известно...

– Он не пришел бы сюда. – В его разбитой душе разгорелось адское пламя. – Он не осмелился бы прийти сюда.

Доротея Са-Дьябло шагнула к Люцивару:

– А почему бы и нет? Вы не раз помогали друг другу в прошлом. Нет никаких причин...

– Причина *есть*, – яростно бросил эйрианец. – Если я еще хоть раз увижу этого ублюдка с холодной кровью гадюки, то вырву его сердце голыми руками!

Доротея отступила, потрясенная услышанным. Зуультах с опаской наблюдала за своим рабом.

Филип Александр медленно опустил руки.

– Он объявлен вне закона. За его голову назначена цена. Когда Сади поймут...

– Он будет наказан соответствующим образом, – поспешно вставила Доротея.

– Он будет казнен! – яростно возразил Филип.

На мгновение повисло тягостное молчание.

– Князь Александр, – промурлыкала Доротей, – даже человек с Шэйллота должен знать, что среди Крови нет законов, запрещающих убийство. Если у вас не хватило здравого смысла, чтобы отдалить беспокойного, нервного и эмоционально нестабильного ребенка от игр с Верховным Князем, обладающим таким характером... – Она едва уловимо пожалала плечами. – Возможно, девочке досталось по заслугам.

Филип побледнел.

– Она была хорошей девочкой, – возразил он, но его голос едва уловимо дрогнул, выдавая сомнение.

– О да, – вкрадчиво согласилась Доротей. – Настолько хорошей, что вашей семье каждые несколько месяцев приходилось отсылать ее прочь на... перевоспитание.

Эмоционально нестабильный ребенок. Эти слова вновь вызвали к жизни языки яростного пламени, поднявшегося в душе Люцивара, и заставили их покрыться льдом. Эмоционально нестабильный ребенок. «Держись от меня подальше, ублюдок, – с холодным гневом подумал эйрианец. – Лучше держись от меня подальше. Потому что, если мне представится такая возможность, я собственноручно разрежу тебя на кусочки».

Зуультах, Доротей и Филип удалились в дом, чтобы продолжить обсуждение проблемы в прохладных комнатах. Люцивар не обратил на это внимания. Он едва заметил, что его повели обратно в соляную шахту, сунули в руки кирку. Он не обратил внимания на боль, когда струйка едкого пота побежала по свежему следу, оставленному плетью.

У него перед глазами неотступно стояла окровавленная простыня.

Люцивар замахнулся киркой.

Лжец.

Он не видел стены, не видел соляных залежей. Он видел только смуглую, золотисто-коричневую грудь своего брата, видел быющее под ребрами сердце.

Скользкий... придворный... *лжец*.

2. Ад

Андульвар присел на угол большого письменного стола из черного дерева.

Сэйтан поднял взгляд от письма, которое уже некоторое время пытался составить:

– Ты собирался вернуться в свое гнездо.

– Передумал.

Взгляд Андульвара лениво отмечал хорошо знакомые детали интерьера личного кабинета Повелителя и наконец замер на портрете Кассандры, Королевы, носившей Черный Камень и ходившей по Королевствам более пятидесяти тысяч лет назад. Пять лет назад Сэйтан узнал, что она разыграла сцену окончательной смерти и стала Хранительницей, чтобы дожидаться следующую Ведьму.

И что с этой Ведьмой случилось, мрачно подумал Андульвар. Джанелль Анжеллин была необычным ребенком, наделенным большой силой, но вместе с тем таким же уязвимым, как и все остальные. Могущество не смогло уберечь девочку от вольного или невольного участия в бесконечных секретных затеях своей семьи, о которых эйрианцу и Сэйтану оставалось только гадать, а также от жестоких интриг мстительных Доротей и Гекаты, вознамерившихся устранить со своего пути единственную возможную соперницу, которой удалось бы поколебать их власть над Королевством Террилль. Андульвар был уверен, что именно они стояли за коварной жестокостью, заставившей Джанелль разорвать связь со своим телом.

Не успев предотвратить насилие, дружеские руки отняли девочку у мучителей и принесли ее к Алтарю Кассандры. А там Деймон Сади с помощью Сэйтана сумел вывести ее из ментальной бездны на достаточно долгий срок, чтобы исцелить физические раны измученного

тела. Однако, когда Предводители Шэйллота прибыли, чтобы «спасти» ее, она запаниковала и вновь канула в бездну.

Тело продолжало медленно исцеляться, но только Тьма знала, где сейчас находился дух Джанелль – и вернется ли он когда-либо в свою физическую оболочку.

Отбросив эти невеселые мысли, Андальвар взглянул на Сэйтана, сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, раздув на мгновение щеки.

– Прощение об отставке из Темного Совета?

– Мне следовало подать его давным-давно.

– Ты всегда придерживался мнения, что присутствие мертвых демонов в Совете – большое преимущество, поскольку у них нет личной заинтересованности в исходе тех или иных дел.

– В любом случае, боюсь, моя личная заинтересованность в исходе одного конкретного дела ни у кого не вызывает сомнений, верно? – Написав внизу листа свое имя, Сэйтан завершил его изящным росчерком, а затем сложил письмо, положил в конверт и запечатал черным воском. – Не мог бы ты сам доставить это?

Андальвар неохотно принял конверт.

– А что, если Темный Совет примет решение отыскать членов ее семьи?

Сэйтан откинулся на спинку кресла.

– Темный Совет ни разу не созывался в Террилле с тех пор, как закончилась последняя война между Королевствами. У Совета Кэйлеера нет ни малейших причин пытаться искать ее родственников за пределами Царства Теней.

– Если они проверят записи в журналах, сохранившиеся в Эбеновом Аскави, то выяснят, что девочка родилась не в Кэйлеере.

– Джеффри – библиотекарь Цитадели – любезно согласился не находить никаких сведений, которые могут быть полезны членам Совета и помогут им выяснить, что на самом деле она с Шэйллота. Кроме того, имя Джанелль вообще не упоминается в регистрах – и это не изменится, если только не появится стоящая причина включить туда соответствующую запись.

– Ты останешься в Цитадели?

– Да.

– Надолго?

Сэйтан ответил не сразу.

– Я пробуду там столько, сколько понадобится. – Видя, что Андальвар не собирается уходить, Повелитель поинтересовался: – Еще какие-нибудь вопросы?

Эйрианец пристально разглядывал надпись на конверте, сделанную аккуратным мужским почерком.

– В приемной наверху ждет демон, который просил аудиенции. Он говорит, это важно.

Сэйтан отодвинулся от стола и потянулся за тростью.

– Все они так говорят, если наберутся храбрости обратиться ко мне. Кто он?

– Я его раньше не видел, – произнес Андальвар, а затем неохотно добавил: – Он новенький в Темном Королевстве. И он из Хейллы.

Сэйтан, хромая, обошел стол.

– Тогда что ему от меня нужно? Я уже семнадцать веков не ввязываюсь в дела Хейллы.

– Он отказался сказать, зачем ему нужно встретиться с вами. – Андальвар снова помолчал немного. – Он мне не нравится.

– Разумеется, – сухо согласился Повелитель. – Он же хейллианец.

Андальвар покачал головой:

– Дело не только в этом. От него исходит запах внутренней гнили. Он запятнан чем-то...

Сэйтан замер на месте.

– Что ж, в таком случае пойдем побеседуем с нашим хейллианским Братом, – со скрытой мягкой улыбкой угрозой произнес он.

Андальвар не смог подавить дрожь, пробежавшей по его телу. К счастью, Повелитель уже направился к двери и ничего не заметил. Они были друзьями уже много тысяч лет, вместе служили, смеялись, оплакивали друзей. Эйрианец не хотел, чтобы Сэйтан чувствовал боль из-за того, что иногда даже друзья боялись его, Повелителя Ада, и ничего не могли с этим поделать.

Однако, когда Сэйтан открыл дверь и взглянул на него, Андальвар заметил проблеск гнева в золотистых глазах, говоривший о том, что его реакция не ускользнула от внимания друга. Затем Повелитель вышел из своего кабинета, чтобы разобраться с дураком, ожидавшим аудиенции.

Недавно скончавшийся мертвый демон, хейллианский Предводитель, стоял посреди приемной, убрав руки за спину. Он был одет во все черное, включая шелковый шарф, повязанный вокруг шеи.

– Повелитель, – произнес неизвестный, отвесив уважительный поклон.

– Вы что, незнакомы с простейшими правилами хорошего тона, которые приличествует соблюдать, приближаясь к незнакомому Верховному Князю?

– Но, Повелитель... – запнулся тот.

– Мужчина не прячет руки за спиной – если только не держит в них оружия, – пояснил Андальвар, входя следом за Повелителем. Он расправил темные кожистые крылья, загородив дверь.

По лицу Предводителя пронеслась ярость и в тот же миг исчезла. Он покорно вытянул руки перед собой:

– Как видите, мои совершенно бесполезны.

Сэйтан взглянул на обтянутые черными перчатками конечности. Правая заканчивалась кривым когтем. На левой не хватало мизинца.

– Ваше имя?

Предводитель помедлил с ответом на мгновение дольше, чем следовало.

– Грир, Повелитель.

Даже его имя каким-то непостижимым образом отравляло воздух. Нет, дело не только в этом человеке, хотя пройдет не меньше месяца, прежде чем вонь гниющего мяса наконец выветрится. Что-то еще. Взгляд Сэйтана упал на черный шелковый шарф. Его ноздри раздулись, стоило уловить аромат, который он знал слишком хорошо. Вот оно что. Геката по-прежнему отдавала предпочтение этим духам.

– Чего вы хотите, лорд Грир? – спросил Сэйтан, уверенный, что правильно угадал причину, по которой Геката решила подослать к нему своего очередного прихвостня. Не без труда он подавил ледяной гнев, мгновенно вспыхнувший в его душе.

Грир устремил взгляд в пол:

– Я... Я хотел спросить, нет ли у вас каких-нибудь новостей об одной юной ведьме.

В комнате стало так восхитительно холодно... Какой сладостной темнотой она наполнилась... Одна только мысль, простейшее движение, кратчайшее прикосновение силы Черного Камня к незваному гостю – и от Предводителя не останется даже шепота во Тьме.

– Я правлю Адом, Грир, – слишком тихо и спокойно напомнил Сэйтан. – Мне нет никакого дела до какой-то хейллианской ведьмы, юной или не очень. С чего вы взяли, что дела могут обстоять иначе?

– Она была не из Хейллы, – произнес Грир. – У меня сложилось впечатление, что вы – ее друг.

Сэйтан приподнял одну бровь:

– Я?

Грир поспешно облизнул губы. Слова посыпались как из рога изобилия.

– Я был направлен в хейллианское посольство в Белдон Море, столице островного Края под названием Шэйллот, и имел счастье познакомиться с Джанелль. Когда нагрянула беда, я предал доверие Верховной Жрицы Хейллы тем, что помог Демону Сади отвести девочку в безопасное место. – Уцелевшие пальцы левой руки дернули узел шарфа, повязанного на шее, и наконец оттянули черный шелк вниз. – Это была моя награда.

Лживый ублюдок, с ненавистью подумал Сэйтан. Если бы он не считал, что этот ходячий труп еще может сослужить службу своему Повелителю, то прорвался бы сквозь все заслоны в разуме Грира и выяснил, какую роль тот играл *на самом деле*.

– Я знал эту девочку, – прорычал Сэйтан, направляясь к двери.

Грир сделал шаг вперед:

– Знали ее? Она?..

Верховный Жрец Песочных Часов резко развернулся на каблуках:

– Она ходит среди *килдру дьятэ*!

Грир склонил голову:

– Пусть будет милосердна Тьма.

– Пошел вон. – Сэйтан шагнул в сторону, не желая оскверняться прикосновением к этому человеку.

Андульвар сложил крылья и выпроводил Грира из Зала. Эйрианец вернулся спустя несколько минут. На его лице застыло обеспокоенное выражение. Сэйтан смотрел прямо на него, не чувствуя больше необходимости скрывать гнев и ненависть, которые вспыхнули в глубине золотистых глаз.

Андульвар принял боевую стойку эйрианцев, расставив ноги и слегка расправив крылья.

– Знаешь ли, это заявление разойдется по Аду быстрее, чем запах свежей крови.

Сэйтан обеими руками стиснул трость.

– Мне чертовски все равно, кому еще он передаст эти слова, – выплюнул он, – если при этом они дойдут до ушей суки, отправившей его сюда!

– Он так сказал? Он действительно так сказал?

Скорчившись в единственном кресле в комнате, Грир утомленно кивнул.

Геката, самопровозглашенная Верховная Жрица Ада, восторженно закружилась по комнате. Длинные черные волосы хлестали ее по плечам, когда она в очередной раз резко разворачивалась.

Это еще лучше, чем просто уничтожить ребенка. Теперь, когда разум потерян и разбит, а тело мертво, эта девочка превратится в нож, засевший у Сэйтана между ребрами, то и дело проворачивающийся в ране. Постоянное напоминание, что не он один обладает силой, с которой нужно считаться.

Геката замерла на месте, склонила голову набок и торжествующе воздела руки к потолку.

– Она ходит среди *килдру дьятэ*! – Грациозно опустившись на пол, она прислонилась к подлокотнику кресла, в котором сидел Грир, и нежно погладила его по щеке. – И ты, мой дорогой, ответствен за это... О да, теперь она не представляет для него ни малейшей ценности.

– Но ведь девочка больше не может быть полезна и вам, Жрица.

Геката кокетливо надула губки, а в ее золотистых глазах мелькнула жестокость.

– Если ты имеешь в виду первоначальные планы – то нет. Однако она превратится в великолепное оружие против этого помойного сына шлюхи.

Заметив непонимание на лице Грира, женщина встала и отряхнула пыль со своего платья, раздраженно цокнув языком.

– Мертво твое тело, а не разум, Грир! Подумай как следует, дорогой мой. Кто еще интересовался этим ребенком?

Грир неожиданно выпрямился, и на его губах заиграла улыбка.

– Деймон Сади.

– Деймон Сади, – самодовольно подтвердила Геката. – Как ты думаешь, он очень обрадуется, узнав, что его маленькая любимица так безнадежно мертва? И на кого, по-твоему, он возложит вину за ее преждевременный уход из мира живых? Как забавно будет настроить сына против отца! А если они уничтожат друг друга, – Геката широко развела руками, – то Ад снова расколется на части, и те, кто всегда трепетал перед этим Повелителем, не решаясь вступить в противостояние с ним, станут на мою сторону. С силой мертвых демонов, объединившихся в войско, Террилль наконец-то опустится на колени и признает меня *единственной* Верховной Жрицей, как сделали бы много, много веков назад, если бы этот ублюдок не вмешался в мои дела.

Она с отвращением окинула взглядом маленькую, почти пустую комнату.

– Как только он исчезнет, я снова окружу себя великолепием, которое полагается мне по праву. А ты, мой верный, дорогой Грир, будешь служить мне. Идем, – произнесла Геката, увлекая его в другую крошечную комнатку. – Я понимаю, что смерть тела стала для тебя серьезным потрясением...

Грир уставился на дрожащих мальчика и девочку, скорчившихся на соломе.

– Мы же демоны, Грир, – произнесла Геката, погладив его по руке. – Нам необходима плоть и горячая кровь. С их силой мы можем поддерживать свои тела в превосходном состоянии. И хотя некоторые плотские удовольствия нам уже недоступны, есть способы возместить эти потери. – Женщина склонилась к нему, жарко прошептала на ухо: – Это дети лэнденов. Конечно, лучше подошел бы ребенок Крови, однако их гораздо труднее заполучить. Однако даже дитя лэнденов сможет доставить нам удовольствие.

Грир быстро и тяжело дышал, словно ему не хватало воздуха.

– Хорошенькая девочка, верно, Грир? При первом же ментальном прикосновении ее разум обратится в тлеющую золу, но примитивные чувства останутся... надолго... а страх – это восхитительное пиршество.

3. Террилль

«Ты – мое орудие».

Деймон Сади беспокойно заметался на маленькой кровати, поставленной для него в одной из кладовых комнат под домом Красной Луны Дедже.

«Ты мое орудие»... путешествие на Ветрах до Алтаря Кассандры... Сюрреаль уже там, заливаются слезами... Кассандра тоже там, сердится... Столько крови... Кровь Джанелль на его руках... Спуск в бездну... падение, крики... Ребенок, не бывший таковым... Узкая кровать с ремнями, чтобы привязывать руки и ноги... Роскошная постель, застеленная шелковыми простынями... Холодный камень Темного Алтаря... Черные свечи... Ароматические свечи... Детский крик... Его язык сладострастно облизывает маленький витой рог... Он наваливается на нее своим телом, вдавливая в холодный камень, но она борется с ним и кричит... Он умоляет о прощении... Но что он сделал? Золотистая грива... его пальцы щекочут хвост... узкая постель с шелковыми простынями... роскошная постель с ремнями... Прости меня, прости, прости... Он наваливается на нее своим телом, прижимая, не давая двигаться... Что он сделал?..

Гнев Кассандры обдаёт его болью... Что с Джанелль? Она в безопасности? Здорова? Роскошная каменная постель... шелковые простыни с ремнями... детский крик... Сколько крови... «Ты – мое орудие»... «Прости меня, прости, прости»... Что же он наделал?

Сюрреаль прислонилась к стене, слушая приглушенные всхлипывания Деймона. Кто бы мог предположить, что Садист настолько уязвим? Она и Дедже были знакомы с основами цели-

тельского ремесла и сумели залечить раны его тела, однако не имели ни малейшего представления, что делать с жестокими душевными и эмоциональными травмами. Вместо того чтобы окрепнуть, Деймон день за днем становился все более слабым, а его разум – пугающе хрупким.

На протяжении первых нескольких дней с момента их прихода в этот дом Красной Луны Деймон постоянно задавал Сюрреаль один и тот же вопрос. Он хотел знать, что случилось. Но она могла рассказать ему только о том, что знала сама.

С помощью девочки по имени Роза, ставшей мертвым демоном, она проникла в Брайарвуд, убила Предводителя, изнасиловавшего Джанелль, а затем отнесла девочку в Святилище, называемое Алтарем Кассандры. Деймон присоединился к ней уже там. Кассандра поджидала их. Деймон приказал ей выйти из комнаты, где располагался Алтарь, чтобы попытаться вернуть Сущность Джанелль обратно в ее тело. Сюрреаль использовала это время с пользой, чтобы расставить ловушки для «спасателей» из Брайарвуда. Когда прибыли эти похотливые самцы, она сдерживала их так долго, как только могла. К тому времени, когда пришлось вернуться в комнату с Алтарем, Кассандра и Джанелль уже ушли, а Деймон едва держался на ногах. Они вскочили на Ветра и вернулись в Белдон Мор. Последние три недели беглецы укрывались в доме Красной Луны Дедже.

Вот и все, что Сюрреаль могла ему рассказать. Но Деймону нужно было услышать что-то другое. Она не могла ответить на вопрос, спас ли он Джанелль. И похоже, чем больше усилий Сади прилагал, чтобы вернуть воспоминания, тем более раздробленные картины представляли перед ним. Однако у него еще оставалась сила Черного Камня и способность выпустить на волю свое темное могущество. Если он утратит и без того слабую связь с реальностью...

Сюрреаль обернулась на звук ноги, тихо шаркнувшей по ступенькам лестницы, расположенной в конце тускло освещенного коридора. Всхлипы за закрытой дверью утихли.

Быстро и бесшумно двинувшись вперед, Сюрреаль загнала в угол женщину, притаившуюся у подножия.

– Что тебе нужно, Дедже?

Блюда и тарелки, которыми был уставлен поднос, задрезжали, когда женщина невольно вздрогнула.

– Я... я подумала... – Она подняла поднос повыше. – Сэндвичи, горячий чай... Я...

Сюрреаль нахмурилась. Почему Дедже пялится на ее груди? Причем отнюдь не взглядом деловой хозяйки дома Красной Луны, оценивающей одну из своих девочек. И почему она дрожит?

Сюрреаль опустила взгляд. Она стискивала свой любимый кинжал, прижав его кончик к Серому Камню, висевшему на золотой цепочке как раз над вырезом. Она не помнила, как призвала кинжал или Камень. Конечно, непрошеное вторжение встревожило ее и вызвало раздражение, однако...

Девушка заставила кинжал исчезнуть и стянула ворот рубашки, пряча Камень, а затем забрала поднос из рук Дедже.

– Прости. Я становлюсь слишком нервной.

– Серый, – прошептала Дедже. – Ты носишь Серый...

Сюрреаль напряглась:

– Только не в те дни, когда я работаю в домах Красной Луны.

Дедже, похоже, не слышала ее.

– Я даже не знала, что ты настолько сильна.

Сюрреаль перенесла вес подноса на правую руку и небрежно опустила левую, прижав ее к боку. Пальцы сомкнулись на гладкой рукоятке кинжала. Если это необходимо сделать, то все пройдет быстро и чисто. Дедже заслужила хотя бы это.

Она наблюдала за изменениями на лице женщины, которая пыталась сопоставить все, что знала о шлюхе Сюрреаль, с вновь открывшимися ей сведениями о ведьме, давно ставшей

наемной убийцей. Когда Дедже наконец вновь посмотрела на нее, на ее лице появилось уважение и темное удовлетворение.

Затем Дедже вновь перевела взгляд на поднос и нахмурилась:

– К этому чаю следовало бы применить согревающее заклятие, иначе его нельзя будет пить.

– Я об этом позабочусь, – отозвалась Сюрреаль.

Хозяйка направилась вверх по лестнице.

– Дедже... – тихо позвала девушка. – Я всегда возвращаю долги.

Дедже быстро улыбнулась ей и кивком указала на поднос:

– Попытайся впихнуть в него хоть немного еды. Ему нужно набираться сил.

Сюрреаль подождала немного и, услышав, что дверь наверху закрылась, вернулась в кладовку, где сейчас находился самый опасный Верховный Князь во всем Королевстве.

Позже тем же вечером Сюрреаль без стука открыла дверь кладовой и замерла на месте:

– Что, во имя Ада, ты делаешь?!

Деймон на мгновение поднял глаза, а затем продолжил шнуровать ботинок.

– Одеваюсь. – В его глубоком, бархатном голосе появился надрыв.

– Ты свихнулся?! – Сюрреаль прикусила губу, пожалев о не вовремя вырвавшемся слове.

– Возможно. – Деймон вдевал рубиновые запонки в манжеты белой шелковой рубашки. –

Я должен выяснить, что произошло, Сюрреаль. Я должен найти ее.

Сюрреаль раздраженно провела рукой по волосам:

– Ты не можешь уйти среди ночи! К тому же на улице зверский холод.

– А мне кажется, лучше времени и не придумать, ты так не считаешь? – слишком спокойно отозвался Деймон, неуловимым движением натягивая черный смокинг.

– Нет, не считаю! Подожди по крайней мере до рассвета.

– Я хейллианец. Это Шэйллот. Среди бела дня я буду выглядеть слишком уж подозрительно. – Деймон окинул комнатку рассеянным взглядом, пожал плечами, вытащил из кармана гребень и стал тщательно расчесывать густые черные волосы. Закончив, он засунул руки в карманы брюк и поднял бровь, словно спрашивая: «Что скажешь?»

Сюрреаль рассматривала стройное и в то же время мускулистое тело, на котором удивительно ладно сидел строгий черный костюм. Золотисто-коричневая кожа Сади стала пепельной от изнеможения, под глазами появились темные круги. Но даже сейчас он был слишком красив. Ни один мужчина не имел на это права.

– Ты выглядишь как кусок дерьма! – рявкнула она.

Сади дернулся, словно его гнев оставил глубокий порез, затем слабо улыбнулся:

– Не пытайся вскружить мне голову комплиментами, Сюрреаль.

Девушка сжала кулаки. Единственное, что можно в него швырнуть, – это поднос с чаем и сэндвичами. Стоило ей увидеть пустую чашку и нетронутые бутерброды, как она сорвалась:

– Идиот, ты так ничего и не съел!

– Говори тише, если не хочешь, чтобы о моем присутствии узнали все вокруг.

Девушка принялась мерить шагами комнату, осыпая Деймона отборными ругательствами.

– Не плачь, Сюрреаль.

Он обнял ее, и под щекой наемной убийцы оказался прохладный шелк.

– Я и не плачу! – огрызнулась она, с трудом подавив всхлип.

Сюрреаль скорее почувствовала, чем услышала тихий смешок.

– Прости, ошибся. – Деймон легонько коснулся губами ее волос, а затем отстранился.

Сюрреаль громко шмыгнула носом, поспешно вытирая глаза рукавом, и отбросила с лица волосы.

- Ты еще недостаточно окреп, Деймон.
- Мне не станет лучше до тех пор, пока я не найду ее, – тихо отозвался он.
- Ты знаешь, как открывать Врата? – спросила Сюрреаль.

Эти тринадцать мест, обладавших странной силой, связывали Королевства Террилль, Кэйлеер и Ад.

– Нет. Но я отыщу того, кто знает. – Деймон сделал глубокий вдох. – Послушай меня внимательно, Сюрреаль. Во всем Королевстве Террилль очень и очень немногие способны каким-либо образом узнать о твоей связи со мной. Я приложил достаточно сил, чтобы это и дальше все оставалось по-прежнему. Поэтому, если ты не вскочишь на крышу и не начнешь кричать о том, что помогла мне, никто во всем Белдон Море не додумается искать именно тебя. Держись в тени, контролируй свой вздорный нрав. Ты сделала больше чем достаточно. Не увязай еще глубже – потому что меня не будет рядом, чтобы помочь.

Сюрреаль с трудом сглотнула:

- Деймон... ты объявлен сумасшедшим и вне закона. За твою голову назначена цена.
- Неудивительно, если учесть, что я сломал Кольцо Повиновения.

Сюрреаль поколебалась.

- Ты уверен, что Кассандра увела Джанелль в одно из других Королевств?

– Да, по крайней мере, это я знаю наверняка, – тихо отозвался Деймон.

– Значит, тебе необходимо отыскать Жрицу, которая знает, как открывать врата и пройти через них.

- Да. Но сначала мне нужно кое-куда заглянуть.

– Знаешь ли, сейчас не самое подходящее время наносить визиты.

– Это не совсем визит. Доротея не может использовать тебя против меня, потому что даже не подозревает о твоём существовании. Зато она знает о *нем* и в прошлом уже не раз использовала его, чтобы добраться до меня. На сей раз я не дам ей такого шанса. Несмотря на всю его надменность и вздорный характер, он чертовски хороший Верховный Князь.

Сюрреаль устало привалилась к стене.

- Что ты собираешься делать?

Деймон ответил не сразу.

- Вытащить Люцивара из Прууля.

4. Кэйлеер

Сэйтан появился на небольшой паутине, врезанной в каменный пол одного из внешних дворов Цитадели. Сойдя с нее, он невольно поднял взгляд.

Если не знать, что нужно искать, то увидишь лишь черную гору, называемую Эбеновым Аскави, почувствуешь только массивность скалистой громады. Однако именно здесь размещалась Цитадель, Святилище Ведьмы, хранилище долгой, слишком долгой истории Крови. Это место было поистине неприступным – оно идеально подходило для того, чтобы хранить тайны.

Будь ты проклята, Геката, горько подумал он и, тяжело опираясь на трость, направился к одному из входов. Будь проклята ты и все твои амбициозные замыслы, жадная, злобная сука. Он однажды усмирил руку, готовую ударить, поскольку чувствовал, что за ним остался долг – ведь бывшая супруга родила ему двоих сыновей. Но он давно расплатился, и с лихвой. В этот раз он пожертвует своей честью, самоуважением и всем, что у него еще осталось, если это поможет остановить Гекату.

– Сэйтан.

Джеффри, историк и библиотекарь Цитадели, вышел из дверей, скрытых в тени. Как всегда, он был аккуратно одет в черную облегающую тунику и брюки. На нем не было никаких украшений, если не считать кольца с Красным Камнем. Черные волосы, как всегда тщательно

зачесанные назад, открывали взгляду, что растут они правильным треугольником, острием надвигавшимся на лоб. Черные глаза теперь больше походили на угольки, а не на отполированные камни, как раньше.

Сэйтан подошел к библиотекарю, и вертикальная морщинка между его бровями стала еще глубже и заметнее.

– Проходи в библиотеку. Выьем по бокалу ярбараха, – предложил Джефффри.

Повелитель покачал головой:

– Возможно, позже.

Джефффри нахмурился еще больше:

– Для гнева нет места в комнате больного. Особенно сейчас. И особенно для твоего гнева.

Два Хранителя напряженно посмотрели друг на друга. Сэйтан первым отвел взгляд.

Как только они удобно устроились в мягких креслах и Джефффри разлил по бокалам подогретое кровавое вино, Сэйтан заставил себя взглянуть на огромный черный стол, занимавший почти половину комнаты. Обычно он был завален книгами, посвященными истории и Ремеслу, а также всевозможными справочниками, которые Джефффри извлекал из Хранилища. Мужчины день за днем перерывали записи, сохранившиеся на древних страницах, в поисках хоть каких-то указаний, способных помочь им разобраться в поразительных вещах, которые Джанелль то и дело говорила, а заодно понять ее странные, но удивительные способности. Теперь стол был пуст. И эта пустота причиняла боль.

– У тебя нет ни малейшей надежды, Джефффри? – тихо спросил Сэйтан.

– Что? – Джефффри взглянул было на стол, но тут же отвел взгляд. – Мне было нужно... занятие. Сидеть здесь, где каждая книга служит напоминанием...

– Я понимаю. – Сэйтан осушил свой бокал и потянулся за тростью.

Джефффри проводил его до двери. Выйдя в коридор, Сэйтан ощутил легкое, неуверенное прикосновение и повернулся.

– Сэйтан... ты до сих пор надеешься?

Повелитель очень долго обдумывал вопрос, прежде чем дать единственный возможный ответ.

– У меня нет выбора.

Кассандра закрыла книгу, устало повела плечами и потеряла лицо ладонями.

– Никаких изменений. Девочка не поднималась из бездны – или куда там она отправилась. И чем дольше пробудет в таком состоянии, вне досягаемости для другого разума, тем меньше у нас шансов когда-либо вернуть ее.

Сэйтан пристально посмотрел на женщину с рыжими волосами и усталыми изумрудно-зелеными глазами. Давным-давно, когда Кассандра еще была Ведьмой и Королевой, носившей Черные Камни, он был ее Консортом, искренне любил ее. И она по-своему была привязана к нему – до тех пор, пока Сэйтан не принес Жертву Тьме и не получил Черный Камень. После этого их любовь превратилась в торговлю умениями и способностями. Будущий Повелитель Ада грел ей постель в обмен на обучение Ремеслу Черных Вдов. Все кончилось, когда Кассандра разыграла сцену окончательной смерти и скрыла от него, что стала Хранительницей. Ведьма изобразила свою кончину весьма натурально, к тому же Сэйтан всегда верил своей Королеве, поэтому ему и в голову не пришло, что она сделала это только для того, чтобы избавиться от своих обязанностей, а заодно и от него.

Теперь они снова были вместе.

Однако, когда Сэйтан обнял женщину, желая утешить, он ощутил вспыхнувший страх и подавленную дрожь. Кассандра никогда не забывала о том, что он ходил темными дорогами, на которые сама она не осмеливалась ступить, никогда не забывала, что в Темном Королевстве его называли Повелителем, хотя он по-прежнему был жив.

Сэйтан поцеловал ее в лоб и отстранился.

– Отдохни, – мягко посоветовал он. – Я посижу с ней немного.

Кассандра посмотрела на Повелителя, перевела взгляд на постель и покачала головой:

– Даже тебе не удастся дотянуться до нее, Сэйтан.

Он взглянул на бледную, хрупкую девушку, лежащую в море черных шелковых простыней:

– Я знаю.

Когда Кассандра закрыла за собой дверь, Сэйтан не мог не задуматься о том, что бывшая Ведьма, скорее всего, испытывает бессознательное удовлетворение от этого факта, какой бы ужасной ни была сложившаяся ситуация.

Сэйтан покачал головой, пытаясь очистить разум, придвинул кресло к постели и вздохнул. Он очень жалел, что комната так и осталась совершенно безликой. Отполированный черный камень стен нигде не закрывали яркие картины. На мебели из черного дерева не было милых безделушек, которые так дороги юным девушкам. Он очень сильно сожалел об этом.

Но ремонт в этих покоях закончился незадолго до того кошмара у Алтаря Кассандры. У Джанелль не было возможности оставить здесь отпечаток своей личности, хотя бы ментальный запах, который окончательно сделал бы эти комнаты ее собственностью. Тех немногочисленных сокровищ, которые она хранила здесь, было недостаточно – Джанелль слишком редко брала их в руки. Не хватало знакомого якоря, способного вытянуть ее из бездны, бывшей частью Тьмы.

Если не считать его самого.

Опираясь локтем на постель, Сэйтан склонился над Джанелль и нежно откинул с худенького личика золотистые локоны. Ее тело действительно исцелялось, но слишком медленно, поскольку внутри не было никого способного ускорить этот процесс. Джанелль, его юная Королева, дитя его души, затерялась во Тьме – или же где-то в стране видений, называемой Искривленным Королевством. Он не мог пойти за ней туда.

Однако Сэйтан надеялся, что его любовь сможет.

Осторожно положив руку на бледный лоб девушки, Сэйтан закрыл глаза и спустился внутрь, глубоко к Черному. Медленно, осторожно он двигался вниз до тех пор, пока не достиг внутренней паутины. Тогда он выпустил в бездну слова, как делал каждый день на протяжении уже трех недель.

«Ты в безопасности, ведьмочка. Возвращайся. Ты в безопасности».

5. Террилль

Чья-то ладонь прикоснулась к его руке, осторожно сжала плечо.

Люцивар не слишком обрадовался вынужденному пробуждению, вернувшему мучительную боль, которая терзала тело и мешала засыпать. Цепи, приковывавшие его запястья и лодыжки к стене, были слишком короткими и не позволяли лечь удобно, поэтому приходилось спать скорчившись и прижавшись спиной к стене, чтобы хоть немного облегчить боль в ногах. Голова его покоилась на скрещенных предплечьях, крылья прикрывали тело.

Длинные ногти настойчиво царапнули кожу. Рука сильнее сжала плечо.

– Люцивар, – прошептал глубокий голос, хриплый от раздражения и усталости. – Протрясайся, Заноза!

Люцивар поднял голову. Лунный свет, лившийся в зарешеченное окошечко жалкой каморки, был не слишком ярким, но и его хватило, чтобы разглядеть человека, склонившегося над ним. На мгновение он испытал всплеск радости при виде брата. А затем оскалил зубы в хищной ухмылке:

– Ну, здравствуй, Ублюдок.

Деймон отпустил плечо Люцивара и, насторожившись, сделал шаг назад.

– Я пришел, чтобы вытащить тебя отсюда.

Люцивар медленно встал и тихо зарычал, когда звякнули цепи.

– Садист проявляет подобную предусмотрительность? Право, я тронут. – Он бросился на Деймона, но кандалы помешали ему. Сади успел ускользнуть и остановился в нескольких шагах от Люцивара.

– Не слишком радостное приветствие, братец, – тихо произнес Деймон.

– Ты и впрямь ожидал, что во мне вспыхнут родственные чувства, *братец*? – огрызнулся тот.

Деймон пробежался пальцами по волосам и вздохнул:

– Ты ведь прекрасно знаешь, почему я не мог помочь тебе. Вплоть до этого момента.

– Да, я знаю причину, – отозвался Люцивар голосом, походившим на мурлыканье хищной кошки. – И не менее хорошо понимаю, почему ты пришел сюда сейчас.

Деймон отвернулся. Тени скрыли его лицо.

– Ты действительно считаешь, будто мое освобождение загладит твою вину, Ублюдок? Ты действительно считаешь, будто я когда-нибудь смогу простить тебя?

– Ты должен простить меня, – прошептал Деймон и неожиданно вздрогнул.

Люцивар сузил золотистые глаза. В ментальном запахе, исходящем от Сади, мелькнули признаки уязвимости. В другое время это изрядно бы его обеспокоило. Сейчас эйрианец усмотрел в них свое оружие.

– Не следовало тебе приходить сюда, Ублюдок. Я же поклялся убить тебя, если ты примешь это предложение, и я сдержу слово.

Деймон снова повернулся к брату:

– Какое еще предложение?

– Хорошо, возможно, сделка – более удачное слово. Твоя свобода в обмен на жизнь Джанелль.

– Я не принимал этого предложения!

Люцивар сжал кулаки:

– В таком случае ты убил ее ради удовольствия? Или не понимал, что она умирает под тобой, пока не стало слишком поздно?

Они уставились друг на друга.

– О чем ты говоришь? – тихо спросил Деймон.

– Об Алтаре Кассандры! – так же тихо ответил Люцивар, хотя гнев, с каждой минутой разгоравшийся все сильнее, угрожал смести стены, возведенные разумом. – В этот раз ты проявил беспечность. Ты оставил простыню – и всю эту кровь.

Покачнувшись, Деймон уставился на руки.

– Столько крови... – прошептал он. – Все руки были в крови...

Слезы обожгли глаза Люцивара.

– Почему, Деймон? Что она сделала, чтобы пришлось подвергнуть ее таким страданиям? – Он говорил все громче и громче и ничего не мог с собой поделать. – Она была Королевой, о которой мы давно мечтали. Мы так долго ждали ее! Ты, шлюха с сердцем мясника, зачем тебе понадобилось ее убивать?!

В глазах Деймона мелькнула угроза, предупреждающая об опасности.

– Она не умерла.

Люцивар задержал дыхание, всей душой желая поверить в это.

– Тогда где она?

Деймон озадаченно нахмурился и ответил не сразу.

– Не знаю. Не могу сказать наверняка.

Жестокая, отчаянная боль пронзила Люцивара, точно так же, как после прикосновения ментальным импульсом к окровавленной ткани.

– Ты не можешь сказать наверняка! – выверился он. – Ты, Садист, не помнишь, где похоронил жертву? Придумай ложь поискуснее!

– Она не умерла! – взревел Деймон.

Поблизости раздался крик, за которым последовал быстрый топот.

Деймон поднял правую руку. Черный камень блеснул. За стенами хлева, где держали работников, кто-то издал мучительный стон. Затем повисла мрачная тишина.

Зная, что стражникам потребуется очень немного времени, чтобы набраться храбрости и войти в хлев, Люцивар оскалил зубы и ударил по неожиданно открывшемуся уязвимому месту:

– Ну скажи, ты просто швырнул Джанелль на землю и тут же овладел ею? Или совратил, солгал, заверил в том, что любишь ее?

– Я на самом деле люблю ее. – В глазах Деймона отразилась тень сомнения, намек на страх. – Я должен был солгать. Она не желала слушать. У меня не осталось выбора.

– А затем ты совратил ее, подманил поближе, чтобы нанести верный удар.

Деймон неожиданно сорвался с места и стал мерить шагами комнатушку, яростно качая головой.

– Нет, – выдавил он сквозь стиснутые зубы. – Нет, нет, *нет!* – развернулся, схватил Люцивара за плечи и швырнул к стене. – Кто сказал тебе, что она мертва? Кто?!

Люцивар резким движением вскинул руки, освобождаясь от стальной хватки.

– Доротея.

Боль исказила черты Деймона. Он отступил, потрясенный.

– С каких пор ты слушаешь Доротею? – с горечью спросил он. – С каких пор ты веришь этой лживой суке?

– Я ей не поверил.

– Тогда почему...

– Слова могут лгать. Кровь – никогда. – Люцивар сделал паузу, давая брату возможность уловить скрытый смысл сказанного. – Ты оставил простыню, Ублюдок, – с яростью напомнил он. – Всю эту кровь. Всю эту боль.

– Перестань, – прошептал Деймон дрожащим голосом. – Люцивар, я прошу тебя, перестань. Ты не понимаешь. Ей уже причинили зло, ей было больно, и я...

– Совратил ее, солгал и изнасиловал двенадцатилетнюю девочку!

– Нет!

– Тебе понравилось, Ублюдок?

– Я не...

– Тебе понравилось прикасаться к ней?

– Люцивар, прошу тебя...

– Понравилось?

– Да!

Взревев от ярости, Люцивар бросился на Деймона с силой, которой хватило, чтобы разорвать цепи, но, увы, недостаточно быстро. Он рухнул на пол, ободрав кожу на ладонях и коленях. Потребовалось не меньше минуты, чтобы отдышаться. И еще одна ушла на то, чтобы понять, почему он дрожит. Люцивар пристально уставился на толстый слой льда, покрывший каменные стены каморки. Затем он медленно поднялся, покачиваясь на дрожащих ногах, ошущая глубокую горечь, исполозовавшую душу.

Деймон стоял рядом, убрав руки в карманы брюк. Его лицо превратилось в бесстрастную маску, золотистые глаза остекленели и приобрели сонное выражение.

– Я ненавижу тебя, – хрипло прошептал Люцивар.

– В данный момент, *братец*, это чувство взаимно, – слишком спокойно и мягко отозвался Деймон. – Я найду ее, Люцивар. Я найду ее, просто чтобы доказать, что она не умерла. А после того как найду ее, я вернусь и вырву твой лживый язык.

Деймон исчез. Стена с запертой дверью взорвалась.

Люцивар рухнул на пол, крепко прижав крылья к спине и прикрывая руками голову. Мелкие камни и песок обрушились на него дождем.

Новые крики. Приближающийся топот.

Люцивар вскочил, когда в пролом вбежали охранники. Он оскалил зубы и зарычал, в золотистых глазах плескался гнев. Стражники бросили на него один-единственный взгляд и выскочили из камерки. До самого рассвета они караулили выход из камеры, не осмеливаясь войти.

Люцивар наблюдал за ними, дыхание с шипением вырывалось сквозь стиснутые зубы.

Он мог бы применить силу, пройти мимо стражей и последовать за братом. И если бы Зуультах попыталась остановить его, отправив волну боли через Кольцо Повиновения, по-прежнему висевшее на его члене, Деймон обрушил бы на нее силу Черного. Как бы сильно братья ни были злы друг на друга, они всегда объединялись перед лицом третьего врага.

Он мог бы последовать за Деймоном и навязать ему схватку, которая неизбежно уничтожила бы одного из них – или обоих. Вместо этого Люцивар остался в своей камерке.

Он поклялся, что убьет Деймона, и сдержит слово. Но эйрианец не мог заставить себя уничтожить брата. Не сейчас.

Глава 2

1. Террилль

В дверь резко, настойчиво постучали. Доротея Са-Дьябло спрятала дрожащие руки в складках шелкового пеньюара и встала в центре своей спальни, спиной к единственной зажженной свече, неверным огоньком освещавшей комнату.

Она искала Деймона Сади уже семь месяцев. При свете дня, окружив себя ведьмами и Предводителями, служившими при ее дворе, Верховной Жрице почти удавалось убедить себя, что он никогда не вернется в Хейлль, будет жить в какой-нибудь дыре и радоваться свободе. Но ночью ее охватывала страшная уверенность, что, открыв дверь или свернув за угол, она обнаружит там Деймона, жаждущего пролить ее кровь. Он протянет боль через все мыслимые пределы, а потом убьет ее, Доротею. И самое неприятное заключалось в том, что Сади сделает это не из мести за все зло, которое она ему причинила. Он уничтожит ее только из-за этого ребенка.

Проклятый ребенок... Внезапная озабоченность Гекаты, появление Повелителя, смерть Грира, загадочная болезнь ее сына, Картана, ярость Деймона, неожиданная ненависть Люцивара к сводному брату – все нити вели к этой проклятой девчонке.

Дверная ручка неуверенно повернулась. Створка чуть приоткрылась.

– Жрица? – тихо позвал мужской голос.

Облегчение, от которого у Доротеи даже закружилась голова, мгновенно сменилось гневом.

– Заходи, – бросила она.

Лорд Вальрик, капитан стражи, вошел в комнату и поклонился.

– Простите мне вторжение в столь поздний час, Верховная Жрица, но я счел, что вам следует узнать об этом незамедлительно. – Он щелкнул пальцами, и вошли два стражника, грубо держа за плечи мужчину.

Доротея уставилась на молодого парня, по всем признакам принадлежащего к хейллианской Крови, сжавшегося в комок между охранниками. Совсем юнец, чуть старше мальчишки. И какой красавчик! Именно такие ей всегда нравились. Слишком подозрительное совпадение.

Она шагнула к юноше, не без удовлетворения заметив страх в его остекленевшем взгляде.

– Ты не служишь при моем дворе, – промурлыкала она. – Зачем ты здесь?

– Меня прислали сюда, Жрица. Мне было велено с-служить вам.

Доротея присмотрелась к нему. Слова прозвучали слишком уж безжизненно, словно были сказаны против воли. Это не его слова. Существовали многочисленные заклятия подчинения, заставлявшие человека выполнить определенный набор заданий – даже против воли.

Она сделала еще один шаг вперед:

– Кто послал тебя?

– Он не назвал своего...

Не дав ему договорить, Доротея призвала кинжал и по самую рукоятку вонзила его в грудь мальчишки. Ее движение было таким быстрым и яростным, что стражники невольно потеряли равновесие и рухнули на пол вместе с телом. Затем она призвала силу Красного Камня, сокрушила его жалкие внутренние барьеры и выжгла разум, не оставив там никого и ничего способного вернуться и отомстить.

– Отнесите тело в лес за пределами города и оставьте диким зверям – если, конечно, найдутся те, что позарятся на эту падаль, – процедила она сквозь зубы.

Стражники покорно уволокли тело из комнаты, Вальрик последовал за ними.

Доротeya принялась мерить шагами комнату, сжимая и разжимая кулаки. Проклятье, проклятье, проклятье! Надо было хорошенько покопаться в голове у этого юнца, прежде чем полностью уничтожить его разум, и узнать, кто отправил его сюда. Впрочем, это наверняка дело рук Сади! Этот ублюдок играет с ней, пытается измотать ее, заставить утратить бдительность, заставить врасплох!

Она закрыла лицо дрожащими руками.

Сади где-то там. В неизвестности. Если только не умер... *Нem!* Он не мог умереть! Тогда не останется никакой надежды снова подчинить его своей воле. Не останется вообще никакой надежды. Стоит ему стать мертвым демоном, как он объединит свои силы с Повелителем. А она не забыла угрозу, высказанную Сэйтаном на прощание, когда его голос поднялся из глубин кружащейся тьмы: в день, когда умрет Деймон Сади, погибнет весь Хейлль.

Наконец, совершенно утомленная, Доротeya опустилаcь на постель. Поколебавшись мгновение, она погасила свечу. Во тьме больше безопасности – если ее вообще можно сейчас обрести.

Доротeya отбросила капюшон плаща и сделала глубокий вдох, прежде чем войти в небольшую гостиную в старом Святилище. Геката уже сидела у потухшего камина, как всегда скрывая лицо под капюшоном. Перед ней стоял пустой кубок из воронового стекла.

Доротeya призвала серебряную фляжку и поставила ее возле кубка.

Геката раздраженно фыркнула, неприятно удивленная незначительной величиной сосуда, но указала на него пальцем. Фляжка открылась и взмыла над столом. Горячее содержимое алой струей хлынуло в кубок, и он скользнул по воздуху в протянутую руку Темной Жрицы. Она сделала несколько быстрых, жадных глотков.

Доротeya, стиснув руки, лежащие на коленях, выжидала. Наконец, когда терпение лопнуло, она рявкнула:

– Сади до сих пор на свободе.

– И каждый день все сильнее истончает его терпение, – произнесла Геката девчоночьим, почти детским голосом, так не вязавшимся с ее порочной натурой.

– Именно.

Геката удовлетворенно вздохнула:

– Это хорошо.

– Хорошо?! – воскликнула Доротeya, вскочив с кресла. – Вы не знаете его!

– Зато я знаю его отца.

Доротeya содрогнулась.

Геката поставила пустой кубок на стол.

– Успокойся, Сестра. Я уже сплела великолепную сеть для Деймона Сади, из которой ему не выбраться, потому что он сам не захочет этого.

Доротeya вернулась к своему креслу.

– И тогда он снова может быть Окольцован.

Геката тихо, зловеще рассмеялась:

– О нет, в этом случае он будет бесполезен для нас. Но умерь свое беспокойство. Он будет охотиться за более крупной добычей, чем ты. – С этими словами она ткнула пальцем в Доротeya. – Я славно потрудилась для тебя.

Верховная Жрица Хейлля сжала губы, отказываясь заглатывать наживку.

Геката выждала минуту.

– Он отправится за Повелителем.

Доротeya, пораженная, уставилась на нее:

– Почему?

– Чтобы отомстить за девочку.

– Но это же Грир уничтожил ее!

– Да, но Сади-то этого не знает, – произнесла Геката. – Как только я поведаю ему печальную историю о том, *почему* все это произошло с девочкой, Деймон будет думать лишь об одном – он должен голыми руками вырвать сердце Сэйтана. Разумеется, Повелитель не одобрит этого милого начинания.

Доротeya села в кресло и откинулась на спинку. Уже много месяцев она не испытывала такого облегчения.

– Что потребуется от меня?

– Отряд стражников, которые помогут расставить силки.

– Тогда, думаю, стоит выбрать тех, кто не представляет особой ценности.

– Не переживай за своих людей. Сади не представляет для них угрозы. – Геката поднялась, давая тем самым понять, что пора уходить.

Когда они покинули Святилище, Геката недовольно заметила:

– Ты ничего не сказала о моем подарке, Сестра.

– О вашем подарке?

– Я говорю о мальчике. Признаться, я испытывала искушение оставить его у себя, но тебе ведь полагалась небольшая компенсация за утрату Грира. Из него вышел отличный слуга.

* * *

– Ты знаешь, что нужно делать? – спросила Геката, вручая Гриру два хрустальных флакона.

– Да, Жрица. Но вы уверены, что он отправится туда?

Геката погладила раба по щеке.

– По какой-то причине Сади посещает каждый Алтарь на своем пути, медленно продвигаясь к востоку. Он отправится туда. Это единственные оставшиеся на его пути Врата, если не считать Святилища возле руин Зала Са-Дьябло. – Она постучала пальчиками по губе и нахмурилась: – Правда, старая Жрица может стать небольшой проблемкой. Однако ее помощница – разумная, практичная девочка. Эта черта часто встречается в тех, кто одарен менее других. Ты сможешь с ней справиться.

– А старая Жрица?

Геката изящно пожала плечами:

– Нельзя разбрасываться едой.

Грир улыбнулся, склонившись над протянутой рукой, и вышел.

Напевая вполголоса, Геката исполнила несколько первых пируэтов придворного танца. Уже семь месяцев Деймону Сади удавалось избегать ее ловушек, а его возмездие, неизбежно настигавшее тех, кто пытался помешать ему добраться до Врат, заставило даже самых верных ее слуг в Темном Королевстве бояться Садиста. Уже семь месяцев Гекату преследовали неудачи. Но и его тоже. В Террилле остались считанные единицы Жриц, знавших, как открывать Врата. Тех, кто не успел вовремя скрыться после ее первого предупреждения, устранили.

По правде сказать, это стоило ей сильнейших демонов, зато Сади так и не успел узнать, в каком порядке зажигать свечи, чтобы открылись Врата. Разумеется, если бы он отправился в Эбеновый Аскави, то его поиски закончились бы несколько месяцев назад. Однако Геката старательно, век за веком превращала благоговение перед Цитаделью в настоящий суеверный ужас – это было несложно, поскольку первый и единственный визит в Хранилище ужаснул ее саму. Теперь же ни один человек во всем Террилле не отправится туда добровольно с просьбой о помощи или убежище, если только не откается настолько, что будет готов рискнуть всем. И, говоря откровенно, даже это немногих подвигнет на визит в Цитадель.

Поэтому Сади, которому некуда пойти и некому довериться, продолжит скрываться, бежать, искать. Когда он наконец доберется до Врат, где Геката будет ждать его, напряжение долгих месяцев сделает его уязвимым.

– Правь Адом, пока можешь, убудочный сын шлюхи, – произнесла она, обхватив себя руками. – На сей раз мое оружие будет безупречным.

2. Ад

Сэйтан открыл дверь своего кабинета и замер, когда Гарпия, неподвижно стоявшая в коридоре, натянула тетиву лука и направила острие стрелы ему в сердце.

– Довольно примитивный способ добиваться аудиенции, верно, Тишьян? – сухо поинтересовался Сэйтан.

– Боюсь, мое оружие далеко не примитивно, Повелитель, – вызверилась Гарпия.

Сэйтан посмотрел на нее и шагнул обратно в комнату.

– Проходи и говори, с чем пришла. – Тяжело опираясь на трость, Повелитель, хромая, направился к своему креслу за огромным столом из черного дерева и, опустившись на сиденье, приготовился к долгому разговору.

Тишьян медленно вошла в кабинет. От нее исходили волны гнева, подобные ледяным порывам зимнего ветра. Гарпия замерла у порога, глядя на Повелителя, бесстрашная в своей ярости, Королева Деа аль Мон, Черная Вдова. Тетива вновь натянулась, и стрела была готова сорваться в полет – прямо в сердце Повелителя.

Его терпение, и без того истончившееся за последние тяжелые месяцы, лопнуло.

– Опусть эту штуку, прежде чем я сделаю что-нибудь, о чем впоследствии мы оба пожалеем.

Но Тишьян даже не дрогнула.

– Разве ты не успел совершить то, в чем теперь раскаиваешься, Повелитель? Или ты настолько переполнен гноем ревности, что сожалению попросту не хватает места?

По стенам Зала прокатился гулкий рокот.

– Тишьян, – с опасной мягкостью произнес Сэйтан, – третьего предупреждения не будет. Гарпия неохотно заставила лук и колчан исчезнуть.

Сэйтан скрестил руки на груди.

– Говоря откровенно, ваша выдержка немало удивляет меня, леди. Я ожидал этого разговора уже давно.

– Так, значит, это правда? – прошипела Тишьян. – Она действительно стала одной из *килдру дьятэ*?

Сэйтан почувствовал, как нарастает напряжение.

– Что, если да?

Тишьян на одно короткое ужасное мгновение застыла на месте, глядя на Сэйтана, а затем запрокинула голову и испустила резкий, пронзительный крик, исполненный неподдельного горя.

Повелитель потрясенно уставился на нее. Он знал, что по Аду слух разойдется быстро. Он ожидал, что Тишьян, как и Чар, лидер *килдру дьятэ*, поспешат разыскать его как можно быстрее. Он ожидал, что придется столкнуться с их яростью, возможно, даже ненавистью, и смог бы принять и то и другое. Но не эту скорбь.

– Тишьян, – дрогнувшим голосом произнес Сэйтан, – Тишьян, подойди сюда.

Но она не тронулась с места, продолжая громко горестно выть.

Сэйтан, хромая, подошел к ней. Похоже, она даже не заметила, как Повелитель заключил ее в объятия и прижал к себе. Он гладил длинные серебристые волосы и бормотал слова сочувствия на Древнем языке.

– Тишьян, – мягко произнес он, когда рыдания стихли, превратившись в редкие всхлипы, – мне искренне жаль. Я прошу прощения за ту боль, которую причинил тебе, но без этого было нельзя.

Тишьян резко ударила его кулаком в живот, и Повелитель растянулся на полу.

– Тебе жаль! – зарычала она, вихрем проносясь по комнате. – Мне тоже! Очень жаль, что я ударила тебя лишь кулаком, а не ножом! Ты вполне заслужил того, чтобы тебе выпустили кишки! Старый ревнивец! *Чудовище!* Неужели ты не мог позволить ей наслаждаться невинным романом, не разрывая ее на части из ревности?!

Наконец, переведя дыхание, Сэйтан оперся на локоть.

– Ведьма не может стать *килдру дьятэ*, Тишьян, – холодно произнес он. – Ведьма не может стать одной из мертвых демонов. Так скажи мне, какой вариант тебе больше нравится. Я мог сказать, что она теперь на острове *килдру дьятэ*, или оставить невинную, уязвимую девочку на растерзание врагам.

Тишьян замерла на месте. В ее глазах застыло загнанное выражение. Она склонилась над Сэйтаном, лихорадочным взглядом изучая его лицо.

– Ведьма не может стать мертвым демоном?

– Нет. Но во всем Аду, кроме меня, об этом должны знать только ты и Чар.

– Полагаю, – медленно произнесла она, – наиболее верный способ одурачить врага – это одурачить друга.

Гарпия подумала и протянула Повелителю руку, помогая подняться. Затем она принесла его трость и вновь посмотрела прямо в золотистые глаза.

– Гарпия превращается в Гарпию потому, что она так умирает. Поэтому ей легче верить слухам.

Другого прощения от Тишьян было невозможно дожидаться.

Сэйтан принял трость из ее рук, благодарный за поддержку.

– Я скажу тебе то же самое, что сказал Чару, – произнес он. – Если ты по-прежнему остаешься моим другом и хочешь помочь, есть кое-что, о чем я хочу попросить.

– О чем же, Повелитель?

– Не теряй этой ярости.

В глазах Тишьян полыхнуло пламя. Улыбка коснулась ее губ и тут же исчезла.

– Стрела, которая летит мимо цели, должна показаться достаточно убедительной даже самому взыскательному взгляду.

Сэйтан приподнял бровь и цокнул языком.

– Ведьма из рода Деа аль Мон – и не попадет в цель?

Тишьян пожала плечами:

– Даже Деа аль Мон не всегда везет.

– На всякий случай, если у тебя не получится промахнуться, постарайся, пожалуйста, не целиться в жизненно важные части тела, – сухо попросил Сэйтан.

Тишьян моргнула, а затем ее губы вновь изогнулись в легкой усмешке.

– Есть только одна часть тела мужчины, в которую целится Гарпия, Повелитель. Как по-вашему, она очень важна?

– Иди, – велел Сэйтан.

Тишьян поклонилась и ушла.

Повелитель Ада еще несколько мгновений смотрел на закрытую дверь, а затем, хромая, направился к креслу. Вдохнув, он опустился на сиденье, вытянув ноги. Еще через минуту Сэйтан вышел из кабинета и направился по извилистым коридорам в верхние комнаты Зала, надеясь, что Мефис или Андальвар где-то здесь.

Ему нужна компания. И желательно – мужская.

С таким другом, как Тишьян, не слишком легко расслабиться.

3. Террилль

В лунном свете лужайка казалась подернутой серебром, приняв призрачные очертания. Ветер задумчиво ерошил стебли травы. На протяжении всего жаркого летнего дня на горизонте собирались грозовые тучи, и где-то вдалеке то и дело рокотал гром.

Сюрреаль застегнула куртку и обхватила себя руками, пытаясь согреться. В воздухе заметно похолодало. Через час гроза обрушится на Белдон Мор. Но к тому времени она уже успеет добраться до дома Красной Луны Дедже – в качестве почетной гостьи на прощальном торжественном ужине.

После той ночи у Алтаря Кассандры она обнаружила, что игры в постели ей претят, даже несмотря на то, что так гораздо легче убить мужчину. В конце концов, она не умрет с голоду, если перестанет быть шлюхой. Лорд Маркус, ведущий дела Сади, взялся следить за ее вложениями и оказался воистину незаменимым. Кроме того, Сюрреаль всегда куда больше нравилось быть наемной убийцей и проливать кровь, чем пускать мужчин в свою постель.

Девушка покачала головой. Об этом можно подумать и позже.

Бесшумно двинувшись вперед через кусты, окружавшие лужайку, она оказалась возле большого дерева с прямым толстым суком, идеально подходившим для качелей. И действительно, с этого сука свисало кое-что – только вот, увы, не предназначавшееся для развлечений.

Сюрреаль подняла глаза, пытаясь разглядеть призрачный силуэт, полупрозрачное, серебристое детское тельце.

– Ты больше ее не найдешь, – произнес детский голосок. – Марджана ушла.

Сюрреаль развернулась на месте и уставилась на девочку с перерезанным горлом, одетую в окровавленное платье. Она познакомилась с Розой семь месяцев назад, когда Джанелль открыла ей страшные тайны Брайарвуда. На следующую ночь им вдвоем удалось вызволить юную Королеву из этих стен, но они не успели предотвратить жестокое изнасилование.

– А что с ней случилось? – поинтересовалась Сюрреаль, глядя на дерево. Какая глупость – спрашивать подобное о девочке, которая давно умерла...

Роза пожала плечами:

– Она исчезла. Все старые призраки наконец-то вернулись во Тьму. – Девочка пристально посмотрела на незваную гостью. – Зачем ты здесь?

Сюрреаль глубоко вздохнула:

– Пришла попрощаться. Утром я уезжаю из Шэйллота – и больше никогда не вернусь.

Роза обдумала ее слова.

– Если возьмешь меня за руку, наверное, сможешь увидеть Денни. Я не знаю, как Джанелль всегда ухитрялась видеть даже самых старых призраков. Мне это не удастся и сейчас, когда я стала мертвым демоном – только в ее присутствии. Она сказала, это потому, что мы находимся в одном из Королевств живых.

Сюрреаль покорно взяла предложенную руку. Они вместе направились к грядкам.

– С Джанелль все в порядке? – неуверенно спросила Роза.

Сюрреаль отбросила с лица прядь волос, растрепанных ветром.

– Не знаю. С ней сделали нечто ужасное. Ведьма у Алтаря Кассандры отвела ее в безопасное место. Возможно, они даже успели вовремя добраться до Целительницы.

Они остановились у морковной гряды, где тайно закопали двух рыженьких сестричек – впрочем, других похорон здесь и не бывало. Но сегодня Сюрреаль не увидела призрачных силуэтов, не услышала тихого шепота. Она не чувствовала беспросветного, отупляющего ужаса, охватившего ее в тот день, когда она впервые оказалась в этом саду. Теперь здесь осталось лишь горе, смешанное с надеждой на то, что юные девочки наконец утратили страшные воспоминания о том, что с ними сделали.

Осталась только Денни. Сюрреаль пыталась не смотреть на призрачную культю, торчащую в том месте, где должна была быть нога. Ее желудок скрутило спазмом. Девушка изо всех сил старалась не думать о том, кому эта нога досталась на ужин.

Решительно отогнав жалость, Сюрреаль отправила в сторону призрачной девочки ментальную нить тепла и дружбы.

Денни улыбнулась.

Даже в смерти Кровь очень жестока, подумала Сюрреаль, стискивая холодную ладошку Розы. Какими пустыми и одинокими, должно быть, были годы тех, кому не хватило сил, чтобы стать мертвыми демонами, но вместе с тем не довелось возвратиться во Тьму. Они остались здесь, навеки прикованные к своим могилам, невидимые, неслышимые, безразличные всем, кроме Джанелль.

Что же все-таки с ней случилось?

Наконец Сюрреаль и Роза вернулись в маленький сад, поросший невысокими кустами.

– Им всем следовало бы выпустить кишки, – прорычала девушка, отпустив руку проводницы. Она прислонилась к дереву и окинула пристальным взглядом здание. За большинством створок царил тьма, но в некоторых горел тусклый свет. Призвав свой любимый кинжал, она взвесила его в руке и хищно улыбнулась. – Может, один или двое успеют подкормить сад, прежде чем я уеду.

– Нет, – резко возразила Роза, преграждая путь Сюрреаль. – Ты не можешь прикоснуться ни к одному из брайарвудских дядюшек. Никто не сможет.

Сюрреаль выпрямилась. В ее золотисто-зеленых глазах появилось жестокое, злое выражение.

– В своем ремесле мне мало равных, Роза.

– Нет, – настаивала та. – Когда пролилась кровь Джанелль, пробудилась сложная паутина, которую она сплела. Это ловушка для всех дядюшек.

Сюрреаль снова подняла глаза на здание, затем на Розу. Действительно, по городу ходили слухи о таинственной болезни, поразившей некоторых высокопоставленных членов Шэйллотского совета мужчин, в том числе и Роберта Бенедикта, а также некоторых весьма родовитых людей. Вроде Картана Са-Дьябло.

– И эта ловушка убьет их?

– Со временем, – спокойно отозвалась Роза.

Глаза Сюрреаль засветились мстительным, жестоким удовольствием.

– А как насчет лекарства?

– Брайарвуд – это сладкий яд. От него нет лекарства.

– Им будет больно?

Роза ухмыльнулась:

– К каждому вернется то, что он дал.

Сюрреаль заставила кинжал исчезнуть.

– Тогда пусть эти ублюдки кричат во всю глотку.

4. Террилль

В неверном свете двух дымящихся факелов юная Жрица вновь проверила, все ли готово на Алтаре Тьмы: ритуальный канделябр с четырьмя черными свечами, маленькая серебряная чашка, два хрустальных флакона с темной жидкостью, один с белой пробкой, второй – с красной.

Незнакомец с искалеченными руками, отдавая оба сосуда, заверил ее, что противоядие позволит избежать воздействия зелья, призванного сломить Верховного Князя.

Она мерила шагами пространство перед Алтарем, грызя ноготь большого пальца. Ее задача была предельно проста, и все же...

Жрица замерла на месте, не осмеливаясь даже вздохнуть. Она вглядывалась во тьму за коваными железными воротами. Там что-то есть?..

Ничего. Только тишь в ночной тиши, тень среди теней, скользнувшая к Алтарю с опасной грацией хищника.

Жрица опустила на корточки позади Алтаря, сломала печать на флаконе с белой пробкой и поспешно проглотила содержимое. Заставила сосуд исчезнуть, поднялась. Бросив взгляд на кованые ворота, она невольно стиснула в кулаке свой Желтый Камень, словно он мог защитить ее.

Он стоял по другую сторону Алтаря, наблюдая за ней. Несмотря на поношенную одежду и растрепанные волосы, от мужчины исходила аура холодной, чувственной силы.

Жрица облизнула пересохшие губы и вытерла влажные ладони о свое черное одеяние. Его золотистые глаза приобрели сонное выражение и казались остекленевшими.

Он улыбнулся.

Девушка содрогнулась и сделала глубокий вдох.

– Ты пришел сюда за советом или помощью?

– За помощью, – глубоким, хорошо поставленным голосом отозвался он. – Ты обучена открывать Врата?

Неужели мужчина может быть так красив? – мелькнула непрощенная мысль. Жрица кивнула.

– За все нужно платить. – Ее голос, казалось, поглотили тени.

Левой рукой он небрежно вытащил из внутреннего кармана конверт и положил его на Алтарь:

– Надеюсь, этого будет достаточно?

Потянувшись за конвертом, девушка встретилась с ним взглядом, и ее рука замерла. В тоне его голоса было нечто, предупреждавшее, что будет куда лучше, если цена окажется достаточной.

Жрица заставила себя поднять конверт и заглянуть внутрь. Не в силах удержаться на ногах, она прислонилась к Алтарю. Тысяча золотых марок. Это по меньшей мере в десять раз больше того, что ей предложил незнакомец с искалеченными руками.

Но она уже согласилась на его предложение. К тому же времени на то, чтобы прикарманить марки, будет вполне достаточно, прежде чем прибудет стража.

Жрица осторожно положила конверт на дальний край Алтаря.

– Весьма щедро, – произнесла она, надеясь, что бесстрастный тон ей удался.

Глубоко вдохнув, она подняла серебряную чашу высоко над головой, а затем бережно опустила ее на Алтарь перед собой. Сломав печать на флаконе с красной пробкой, Жрица вылила его содержимое в чашу и протянула ее пришедшему:

– Путешествие через Врата – суровое испытание. Это поможет тебе.

Он не принял чашу из ее рук.

Жрица нетерпеливо вздохнула и сделала глоток, пытаясь не морщиться. Зелье оказалось отвратительно горьким на вкус. Затем она снова протянула ему чашу.

Незнакомец поднял сосуд левой рукой, принохиваясь, но пить не стал.

Прошла минута. Другая.

Едва уловимым движением он пожал плечами и осушил чашу.

Жрица задержала дыхание. Когда зелье подействует? Успеют ли стражники прибыть сюда?

Выражение глаз мужчины изменилось. Он покачнулся, а затем прислонился к Алтарю, глядя на Жрицу взглядом, исполненным любви и восхищения. Так любовник смотрит на свою

госпожу. Она не могла оторвать взгляд от его губ. Мягких. Чувственных. Девушка склонилась к нему. Один поцелуй. Один-единственный сладостный поцелуй...

За миг до того, как их губы соприкоснулись, его правая рука с сокрушительной силой сжала ее запястье.

– Сука! – прорычал он.

Испуганная, Жрица попыталась вырваться.

Но его пальцы еще крепче стиснули тонкую руку. Жрица в ужасе уставилась на кольцо с Черным Камнем.

Длинные ногти пронзили нежную кожу. Жрица почувствовала, как игла змеиного зуба на его безымянном пальце входит в ее плоть и смертельный яд холодит кровь.

Она замахнулась было другой рукой, пытаясь дотянуться до его лица, закричать, позвать на помощь, но зрение затуманивалось, а легкие отказывались наполняться таким нужным сейчас воздухом.

Незнакомец с хрустом сломал оба запястья девушки и грубо оттолкнул ее от себя.

– Яд в моем змеином зубе действует не так быстро, как тебе, возможно, показалось, – слишком тихо и нежно произнес он. – В конце концов, ты сможешь кричать. Это разорвет тебя на части, но ты будешь кричать.

С этими словами он исчез. Не осталось ничего, кроме тиши в ночной тиши, тени среди теней.

К тому времени, как подоспели стражники, она уже кричала.

5. Террилль

Пол беспрестанно качался, дразня ноги, и без того дрожащие от изнеможения. Мышцы сводило судорогой – последствия приема одного мерзкого зелья.

За той дверью находилось безопасное место. Когда он добрался до створки, пол снова накренился, заставив его потерять равновесие. Ударившись плечом о дверь и пробив старую полусгнившую древесину, он ввалился в комнату, приземлившись на бок.

– Сука, – тихо прорычал он.

Серый полумрак. Разбитая хрустальная чаша. Черные свечи. Золотистые волосы. Кровь. Сколько крови...

«Слова могут лгать. Кровь – никогда».

– Заткнись, Заноза, – хрипло прорычал он.

Пол кренится то в одну, то в другую сторону. Он вонзил в дерево длинные ногти, пытаясь сохранить равновесие и здраво мыслить.

Поднялся опасный жар, тело горело в лихорадке. Он понимал, что нуждается в пище, воде и отдыхе. Сейчас он был добычей тех, кто рыскал по округе и мог заглянуть в этот заброшенный дом, где давным-давно он провел детство вместе со своей настоящей матерью, Терсой.

За все нужно платить.

Если бы он сдался на милость хейллианских стражников у Святилища три дня тому назад, то сейчас не переживал бы таких мук от зелья. Однако вместо этого он безжалостно гнал тело вперед, истязая себя до изнеможения, чтобы оказаться у Врат возле руин Зала Са-Дьябло.

И каждый раз, когда усталость угрожала поглотить его с головой, каждый раз, когда сила воли давала трещину, его разум заволакивала серая дымка, которая – он знал это наверняка – скрывала под собой нечто ужасное. Нечто такое, чего он не хочет видеть, не хочет знать.

«Ты – мое оружие».

Слова, как огоньки черных свечей, всплывали из этой дымки, угрожая испепелить его душу.

«Слова могут лгать. Кровь – никогда».

До Врат осталось не больше мили.

– Люцивар, – прошептал он. Но у него не хватало сил даже на то, чтобы злиться на неожиданное предательство своего брата.

«Ты – мое орудие».

– Нет. – Он попытался подняться, но не смог этого сделать. И все же что-то в нем требовало бросить вызов этим словам. – Нет. Я не твоё орудие. Я – Деймон... Сади...

Он закрыл глаза, и серая мгла поглотила его.

Застонав, Деймон перекатился на спину и медленно открыл глаза. Даже это простое движение потребовало колоссальных усилий. Сначала ему показалось, что он ослеп. Затем Сади стал различать смутные, тусклые образы, выступившие из тьмы.

Ночь. Сейчас ночь.

Медленно вздохнув, он принялся анализировать свое состояние.

Он чувствовал себя сухим, как трут, и твердым, как камень. Все мышцы горели. От голода болел живот, а жестокая жажда сводила с ума. В какой-то момент началась сильная лихорадка, но...

Что-то было не так.

«Слова могут лгать. Кровь – никогда».

Слова, сказанные Люциваром, плавали вокруг, буквы становились все крупнее, наливаясь силой. Они обрушились на его разум, разбивая его на части.

Деймон закричал.

«Ты – мое орудие».

Слова Сэйтана, загрохотавшие в его сознании, причинили еще больше боли – и принесли с собой страх. Страх, что дымка, окутавшая его разум, разойдется и откроет ему нечто ужасное.

«Деймон...»

Из последних сил цепляясь за воспоминание о тихом, ласковом голосе Джанелль, произнесшем на прощание его имя, Деймон поднялся на ноги. До тех пор пока он помнит эту нежность, он сможет удержать другие голоса на расстоянии.

Ноги казались непомерно тяжелыми, однако он сумел выйти из дома и направиться прочь по остаткам старой дороги, которая должна привести его в Зал. Несмотря на то что каждое движение причиняло острую, мучительную боль, к тому времени, как Деймон добрался до цели, он вновь обрел привычную скользкую, почти кошачью походку.

И все равно он знал: случилось нечто страшное. Было слишком трудно цепляться за личность Верховного Князя по имени Деймон Сади, сохраняя чувство самости. Но он должен был продержаться еще немного. Должен был.

Собрав остатки сил и воли, Деймон осторожно приблизился к маленькому зданию, где располагался Алтарь Тьмы.

Геката металась по маленькой комнате, стоявшей в тени руин Зала Са-Дьябло. Она то и дело вздымала руки к небесам, раздраженная сверх всякой меры трехдневным ожиданием. Несмотря на это, каждый раз, огибая Алтарь, она невольно смотрела на стену, боясь, что та обратится в туман, пропуская через Врата Сэйтана, пришедшего, чтобы бросить ей вызов.

Но Повелитель Ада был в последнее время слишком занят собственными проблемами, чтобы обращать хоть какое-то внимание на свою бывшую жену.

А ее главной проблемой сейчас был Деймон Сади.

Выпив зелье, которое она приготовила, он попросту *не мог* уйти прочь от Темного Алтаря, что бы там ни несли эти идиоты стражники. Но если он действительно стремился добраться до этих Врат... К этому моменту вторая составляющая ее зелья уже начала действовать и вот-вот достигнет пика. На этом этапе его разум должен был стать уязвимым к тщательно подобранным словам. Геката намеревалась вливать в его разум смертельный яд, помогая ему

пережить лихорадку и боль. Как только жар достигнет пика, эти слова обретут кровь и плоть, превратятся в ужасную правду, от которой Деймон не сможет скрыться. И тогда вся его сила и гнев станут клинком, направленным прямо в сердце Сэйтана.

И все ее планы могут пойти прахом только потому...

Геката замерла на месте.

Странное ощущение – тишь в ночной тиши.

Она взглянула на потухшие факелы, висящие на стенах, и решила, что зажигать их не стоит. В конце концов, лунного света вполне достаточно.

Не желая зря растрчивать силу, создавая щит невидимости, Геката шагнула в темный угол. Как только он войдет во внутреннее святилище, где располагается Алтарь, она окажется прямо за его спиной и сможет застать врасплох.

Ведьма терпеливо ждала. В тот миг, как она уже решила, что ошиблась, из ниоткуда появился Деймон Сади. Он стоял у кованых ворот и смотрел на Алтарь, но не вошел в комнату.

Нахмурившись, Геката повернула голову к Алтарю. Все в полном порядке. Потускневший канделябр, черные свечи, которые она оставила гореть, чтобы они не казались новыми.

Опасаясь, что Деймон может уйти, Геката шагнула к кованым воротам:

– Я ожидала вас, Князь.

– Неужели? – Его хриплый голос сочился изнеможением.

Прекрасно.

– Это тебя я должен благодарить за демонов, поджидавших меня у других Алтарей? – спросил он.

Откуда он узнал, что она демон? Неужели Сади понял, кого видит перед собой? Геката утратила уверенность, оказавшись перед сыном, слишком похожим на отца. Она покачала головой:

– Нет, Князь. В Аду есть лишь одна сила, способная управлять демонами. Я пришла сюда потому, что у меня была юная подруга, которой я весьма дорожила. Подруга, которая, как я полагаю, была таковой для нас обоих. Именно поэтому я ждала тебя здесь.

Огни Ада! Неужели в этих глазах не может мелькнуть хоть какое-то выражение, чтобы понять, задела она его или нет?

– Юность – понятие относительное, не находишь?

Да он *играет* с ней! Геката злобно скрипнула зубами.

– Я говорю о ребенке, Князь. Об особенной девочке. – Она с трудом заставила свой голос звучать умоляюще. – Я пошла на большой риск. Если Повелитель выяснит, что я попыталась что-то сказать ее друзьям... – Геката покосилась на стену позади Алтаря.

Никакой реакции. Мужчина по-прежнему неподвижно стоял за коваными воротами.

– Она ходит среди *килдру дьятэ*.

– Это невозможно, – наконец произнес он после долгого молчания. Его голос был ровным, бесстрастным, лишенным даже намека на эмоции.

– Это *правда*. – Может, она все-таки ошиблась на его счет? Вдруг Деймон только пытался ускользнуть от Доротеи? Но нет, нет... Он был влюблен в девочку... Геката вздохнула. – Повелитель весьма ревнив, Князь. Он не любит делиться тем, что считает своим по праву, – и в особенности это касается женского тела. Когда он узнал, что девочка питает чувства к другому мужчине, ничего не сделал, чтобы предотвратить изнасилование. А он мог бы, Князь. *Мог*. Девочка сумела сбежать впоследствии. Со временем – если ей помочь – она бы полностью исцелилась. Но Повелитель не желал этого и, делая вид, будто хочет помочь ей, использовал другого мужчину, чтобы завершить начатое. Это окончательно ее уничтожило. Тело умерло, а разум разлетелся на части. Теперь она превратилась в мертвого демона с пустым взглядом, в игрушку, которая забавляет его.

Геката подняла глаза и с трудом сдержалась. Ей хотелось кричать от досады. Он что, вообще не слушал ее?

– Он должен заплатить за то, что сделал! – пронзительно выкрикнула она. – Если у тебя хватит храбрости, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, я могу открыть для тебя Врата. Человек, который помнит, кем она могла стать, должен потребовать расплаты за содеянное!

Он долгое время молча смотрел на нее. А затем повернулся и направился прочь.

Выругавшись, Геката вновь заметалась по внутреннему святилищу. Почему он ничего не сказал? Ее история вышла на редкость правдоподобной. Конечно, она знала, что Деймона обвиняли в изнасиловании, но она также знала, что это неправда. К тому же ей не верилось, что он действительно был у Алтаря Кассандры в ту ночь. Все мужчины, разумеется, *клялись* самым святым, что видели его... но они ведь были связаны с Брайарвудом. Разумеется, эти типы наплели бы что угодно, лишь бы Королева Шэйллота не обратила взор на *них самих*. Конечно...

Ночную тишину разорвал крик.

Геката подскочила на месте, пораженная страшным, отчаянным воплем. Звериный, человеческий, животный. В нем сплелось все и в то же время ничего. Что бы ни издало его...

Геката быстро зажгла свечи и принялась нетерпеливо ждать, когда стена обратится в дымку. За мгновение до того, как шагнуть через Врата, она сообразила, что по другую сторону не остается никого способного погасить их за ее спиной и таким образом закрыть вход в другие Королевства. Если это существо...

Геката подняла руку и заперла кованые ворота силой Красного.

Еще один крик расколол ночь надвое.

Геката пулей полетела через Врата. Мертвый демон или нет, но ей не хотелось, чтобы создание, способное так кричать, последовало за ней в Темное Королевство.

Слова плавали вокруг, разрезая на части разум и испарывая душу.

Серая дымка расступилась, открывая Темный Алтарь.

Кровь. Сколько крови... «Повелитель использовал другого мужчину, чтобы завершить начатое»...

Слова разбились на части.

«Ты мое орудие».

Его разум разлетелся на куски.

«Это окончательно ее уничтожило».

В крике Деймона боль сплелась с яростью, и он устремился прочь сквозь туманную дымку по дорогам, омытым кровью и усыпанным осколками хрусталя.

«Слова могут лгать. Кровь – никогда».

Он снова закричал и оказался в раздробленном мире, который лэндены называли безумием, а Кровь – Искаженным Королевством.

Часть вторая

Глава 3

1. Кэйлеер

Карла, пятнадцатилетняя Королева Иннеи, ткнула в ребра своего кузена Мортон:

– А это еще кто?

Мортон покорно взглянул в ту сторону, куда кивнула нетерпеливая девица, а затем продолжил наблюдать за молодыми Предводителями, собравшимися в конце банкетного зала.

– Новая фаворитка дядюшки Гобарта.

Карла изучала юную ведьму сузившимися глазами льдисто-голубого оттенка.

– Не думаю, что она намного старше меня.

– К сожалению, ты совершенно права, – мрачно произнес Мортон.

Карла взяла кузена за руку, обретя некоторое утешение в его близости.

Иннеанское общество стало быстро меняться после того «несчастливого случая» шесть лет назад, когда погибли родители Карлы и Мортон. Группа мужчин-аристократов немедленно сформировала совет «во благо Края» под лидерством Гобарта, Предводителя, носившего Желтый Камень и являвшегося дальним родственником отца юной Королевы.

Каждая Королева Провинции, отказавшаяся стать пешкой совета, не признала и Королеву из какой-то небольшой деревни, которая была в конечном счете избрана советом и стала править Краем. Это, разумеется, разделило Инею на два лагеря, но вместе с тем не дало мужскому совету обрести слишком большую власть и внести свои «улучшения» в иннеанское общество.

И все-таки все эти шесть лет в воздухе витало неуловимое ощущение неправильности.

У Карлы было не много друзей. Она была слишком остра на язык, обладала взрывным характером, по Праву рождения носила Сапфир. Помимо этого, она от природы была Черной Вдовой и Целительницей. Однако, поскольку теперь главой семьи считался лорд Гобарт, ей пришлось большую часть времени проводить с дочерьми других членов мужского совета. Взгляды, которых придерживались эти девочки, были непристойными и глупыми: уважающие себя ведьмы должны предоставить власть мудрым мужчинам, которые знают больше их; мужчины Крови не должны служить или подчиняться Королевам, потому что они – представители сильного пола. И единственная причина, по которой Королевы и Черные Вдовы стремятся к власти, заключается в том, что они по самой своей природе не способны стать настоящими женщинами.

Ужасающие непристойности. И это действительно пугало.

Когда Карла была моложе, она нередко гадала, почему Королевы Провинций и Черные Вдовы позволили загнать себя в угол вместо того, чтобы бороться.

«Иннея заперта в мрачной, темной, ледяной зиме, – сказали ей Черные Вдовы. – Мы должны приложить все усилия, чтобы сохранить свою силу до тех пор, когда вернется весна».

Но сумеют ли они протянуть пять долгих лет, оставшихся до ее совершеннолетия? Доживет ли до него она сама? Смерти ее матери и тети были отнюдь не случайны. Кто-то устранил самых сильных Королев и Черных Вдов в Иннее, оставив Край уязвимым для...

Для чего?

Джанелль могла бы ответить на этот вопрос, но она...

Карла прикусила губу, прогоняя прочь горький гнев, в последнее время то и дело угрожающе близко подбирившийся к поверхности. Заставив себя вернуться в реальность, она приоткрыла глаза к новой любовнице Гобарта и снова ткнула Мортон в ребра.

– Прекрати, – отрывисто бросил он.

Карла не обратила на эти слова ни малейшего внимания.

– Почему она не снимет меховую накидку?

– Это подарок дядюшки Гобарта, приподнесенный в день, когда она официально стала его спутницей.

Карла накрутила на палец прядь коротких, прямых платиновых волос.

– Я никогда не видела такого меха. Это не шкура белого медведя.

– Думаю, на ней мех арсериянского кота.

– Арсериянского кота? – Это не могло быть правдой. Большинство иннеанцев не рискнули бы охотиться в Арсерии, потому что пресловутые коты были огромными, опасными хищниками и шансы охотника самому не превратиться в добычу были минимальны. Кроме того, с мехом что-то было не так... Она чувствовала это даже на таком расстоянии. – Я собираюсь засвидетельствовать им свое почтение.

– Карла! – Не распознать скрытое предупреждение было попросту невозможно.

– Чмок-чмок. – С этими словами она коварно улыбнулась и нежно сжала руку кузена, прежде чем направиться к группке женщин, восхищавшихся накидкой.

Проскользнуть между ними оказалось на удивление легко. Некоторые из дам обратили на нее внимание, но большинство не сводило восхищенных глаз с девушки – Карла была не в силах назвать Сестрой ту, которая счастливо сплетничала.

– ...охотники из очень далеких краев, – закончила свой рассказ та.

– У меня есть воротник из шкуры арсериянского кота, но он не сравнится с этим, – с завистью вздохнула одна из слушательниц.

– Эти охотники нашли какой-то новый способ добывать мех. Гоби рассказал мне после того, как мы... – Она хихикнула и умолкла.

– Какой же?

– Это секрет.

Девушки наперебой принялись ее уговаривать.

Очарованная белоснежным мехом, Карла прикоснулась к нему в тот самый миг, когда любовница ее дяди снова захихикала и наконец открыла тайну:

– Они снимают шкуру *заживо*.

Карла отдернула руку, словно ожегшись, и замерла, пораженная. *Заживо!*..

И часть силы существа, когда-то носившего эту шкурку, по-прежнему сохранилась. Вот что сделало мех таким потрясающим.

Ведьма. Одна из Крови, которую Джанелль называла родством.

Карла покачнулась. Они зверски убили ведьму.

Она растолкала женщин локтями и, спотыкаясь, неверными шагами направилась к двери. Через мгновение ее нагнал Мортон и обхватил рукой за талию.

– Прочь, – сдавленно пробормотала она. – Кажется, меня сейчас вырвет.

Как только они оказались на улице, девушка резко вдохнула колючий морозный воздух и заплакала.

– Карла, – пробормотал Мортон, прижимая ее к себе.

– Она была ведьмой, – всхлипывая, бормотала Королева. – Она была ведьмой, а они заживо содрали с нее шкуру, чтобы эта маленькая сучка могла...

Карла почувствовала, как содрогнулся Мортон. Его руки сжались, словно объятия могли защитить ее. И он действительно попытался бы защитить свою кузину, только поэтому Карла ничего не рассказывала ему об опасности, которую чувствовала каждый раз, когда дядюшка

Гобарт смотрел на нее. В свои шестнадцать лет Мортон едва успел начать обучение службе при дворе.

Кроме него, у нее не осталось настоящей семьи – и друзей тоже.

Внезапно в ней вскипел горький гнев.

– Прошло уже два года! – яростно выкрикнула она, отталкивая Мортон. Тот покорно разжал объятия. – Она провела в Кэйлеере уже два года и ни разу не пришла повидать меня! – Девушка принялась мерить шагами узкую площадку.

– Люди меняются, Карла, – осторожно произнес ее кузен. – Дружья не всегда остаются дружьями.

– Не Джанелль. И не со мной. Этот зловещий ублюдок в Зале Са-Дьябло ухитрился каким-то образом посадить ее под замок. Я знаю это, Мортон. – Она ткнула его в грудь с такой силой, что юноша вздрогнул. – Я это чувствую – вот здесь!

– Темный Совет назначил его официальным ее опекуном...

Карла сорвалась теперь уже на него.

– Не смейте говорить со мной об опекунах, лорд Мортон! – прошипела она. – Я знаю о них все!

– Карла... – слабо произнес Мортон.

– «Карла», – горько передразнила она. – Всегда «Карла». Карлу постоянно кто-то должен контролировать. Она становится слишком эмоциональной из-за обучения в ковене Песочных Часов. Карла стала слишком нервной, возбудимой, враждебной, неуправляемой. Карла не желает хныкать и хихикать, как остальные пустоголовые дуры, и сюсюкать, потому что это привлекает мужчин!

– Мужчин привлекает не...

– И Карла непременно прирежет следующего сына блудливой шлюхи, посмеявшегося запустить ей руку или другую часть тела между ног!

– Что?

Девушка обернулась к Мортону.

Огни Ада, Мать-Ночь, и пусть Тьма будет милосердна! Она не собиралась говорить этого...

– Поэтому ты остригла волосы после того, как дядюшка Гобарт настоял, чтобы ты вернулась в семейное поместье? Поэтому сожгла все свои платья и стала носить мою старую одежду? – Мортон схватил кузину за руку и повернул к себе. – Поэтому?

Глаза Карлы наполнились слезами.

– Мужчинам нравятся сломленные ведьмы, – тихо произнесла она. – Разве не так, Мортон?

Молодой человек покачал головой:

– Ты ведь носишь Сапфир по Праву рождения. В Иннее нет мужчин, носящих камень темнее Зеленого.

– Мужчина Крови может превзойти силу ведьмы, если дождетя нужного момента и получит помощь.

Мортон грязно выругался вполголоса.

– Что, если Джанелль больше не приходит ко мне именно поэтому? Вдруг он сделал с ней то же самое, что дядюшка Гобарт хочет сделать со мной?

Мортон отступил на шаг.

– Я удивлен, что ты вообще терпишь мое присутствие.

Она чувствовала, что правда оставила в сердце кузена глубокую, кровоточащую рану. К сожалению, изменить истину Карла не могла, но рану исцелить вполне в ее власти.

– Ты – моя семья.

– Я *мужчина*.

– Ты – Мортон. Ты исключение из правила.

Мортон поколебался, но, решившись, все-таки раскрыл объятия:

– Иди сюда?

Сделав шаг вперед, Карла прижалась к кузену.

– Послушай, – хрипло произнес он. – Напиши Повелителю и спроси, нельзя ли Джанелль приехать повидать тебя. Попроси, чтобы он ответил письмом.

– Этот старый хрыч ни за что не позволит мне отправить гонца в Зал Са-Дьябло.

– Дядюшка Гобарт ни о чем не узнает. – Мортон сделал глубокий вдох и продолжил: – Я лично доставлю письмо и дождусь ответа.

Прежде чем он успел предложить ей свой платок, Карла отстранилась, шмыгнула носом и вытерла щеки рубашкой, которую позаимствовала из гардероба кузена. Она всхлипнула в последний раз и наконец успокоилась.

– Карла, – осторожно произнес Мортон, недоверчиво глядя на кузину, – ты ведь напишешь *вежливое* письмо, верно?

– Приложу все усилия, чтобы так и получилось, – заверила его Карла.

Мортон застонал.

О да. Она напишет Повелителю. И так или иначе, получит ответ.

Пожалуйста... Благая Тьма, пожалуйста... Пусть она снова станет моей подругой...

Мне так не хватает тебя...

Обратившись к силе Сапфира, Карла бросила во Тьму одно-единственное слово: «Джанелль!»

– Карла? – вопросительно произнес Мортон, прикоснувшись к ее руке. – Банкет вот-вот начнется. Мы должны соблюдать хотя бы видимость приличий – это ненадолго.

Карла застыла на месте, не осмеливаясь даже дышать.

«Джанелль?»

Прошло несколько томительных секунд.

– Карла? – снова позвал Мортон.

Девушка вздохнула, преисполнившись горького разочарования. Она приняла предложенную кузеном руку и направилась вместе с ним в банкетный зал.

Он держался поблизости весь вечер, и Карла была благодарна за это. Однако она, не задумываясь, променяла бы поддержку и заботу Мортонна на знание о том, что темное ментальное прикосновение ей не просто почудилось.

2. Кэйлеер

Когда Андальвар Яслана устроился в кресле перед столом из черного дерева, занимавшим значительную часть рабочего кабинета Сэйтана, Повелитель поднял глаза от письма, на которое он тупо смотрел последние полчаса.

– Ознакомься, – произнес он, передав лист бумаги своему старому другу.

Пока Андальвар читал письмо, Сэйтан устало оглядывал стопки бумаг на письменном столе. Прошло несколько месяцев с тех пор, как он был в этом Зале в последний раз, и еще больше времени с того дня, как Королевы, управлявшие Провинциями и Округами в его Крае, удостоились аудиенции. Старший сын Повелителя, Мефис, взял на себя большую часть забот о Демлане и успешно правил этим Краем на протяжении нескольких веков, но остальное...

– Полумертвый кровосос?! – пораженно переспросил Андальвар.

Сэйтан не без веселья наблюдал за тем, как его друг, читая письмо, грозно сверкает глазами и сдавленно рычит. Когда Повелитель сам впервые пробежал послание глазами, ему было не до смеха, однако подпись и еще по-детски округлый почерк смягчили его гнев – и только усугубили горе.

Андульвар бросил письмо на стол:

– Кто эта Карла и как она посмела написать тебе нечто подобное?

– Мало того что она осмелилась пойти на это. Ее посланник ждет ответа.

Андульвар пробормотал несколько до неприличия грубых слов.

– Что же до того, кто она такая... – Сэйтан призвал папку, которую обычно держал под замком в своем личном кабинете глубоко в недрах Зала в Аду. Пролистав несколько страниц, исписанных его изящным, немного старомодным почерком, он вручил один лист Андульвару.

Плечи эйрианца поникли.

– Проклятье.

– Именно.

Сэйтан убрал бумаги обратно в папку и заставил ее исчезнуть.

– И что ты ей ответишь?

Повелитель откинулся на спинку кресла.

– Правду. По крайней мере, ее часть. Я два года сдерживал натиск Темного Совета, отвечая отказом на их вполне обоснованные просьбы повидать Джанелль. Я не приводил никаких причин. Пусть думают что хотят – впрочем, я догадываюсь, в каком направлении движутся их мысли. Но ее друзья... Вплоть до этого дня молодость – или, быть может, робость – не позволяла им спрашивать, что с Джанелль. Теперь это наконец случилось. – Сэйтан выпрямился в кресле и отправил призыв Беале, Предводителю, носившему Красный Камень и исполнявшему в Зале Кэйлеера обязанности дворецкого.

– Проводите ко мне посланника, – велел Сэйтан, когда Беале появился на пороге.

– Мне уйти? – поинтересовался Андульвар, не торопясь подниматься из кресла.

Сэйтан только пожал плечами, мысленно подбирая слова для ответа. В последние несколько лет Демлан и Иннея окончательно утратили связь, но он достаточно слышал о лорде Гобарте и о его положении в Малом Террилле, чтобы прийти к выводу о том, что куда лучше отправить устный ответ, а не письменный.

Много веков назад Малый Террилль был основан выходцами из Светлого Королевства, мечтавшими начать новую жизнь на новой земле. Однако, несмотря на искреннее желание преуспеть, они чувствовали себя не слишком спокойно в обществе представителей большинства рас, населявших Царство Теней. Поэтому, хотя Малый Террилль и был одним из Краев Кэйлеера, он, разумеется, искал покровительства Светлого Королевства, и это обстоятельство не изменилось по сей день. Большинство терриллианцев вообще не верили в существование Царства Теней – доступ в Кэйлеер был закрыт для них уже очень и очень давно. И это, в свою очередь, означало, что любое влияние на Королевство из Террилля так или иначе шло от Доро-теи. Одного этого было достаточно, чтобы обеспокоить Повелителя.

Сэйтан и Андульвар обменялись быстрыми взглядами, когда Беале открыл дверь перед посыльным.

Андульвар отправил короткую мысль на Красной нити. На острие копья копьё, то есть предназначенную только для мужчины.

«Слишком он юн для официального представителя».

Сэйтан поднял правую руку. Кресло послушно проплыло по воздуху и опустилось по другую сторону стола.

– Прошу вас, присаживайтесь, Предводитель.

– Благодарю, Повелитель.

Перед ними предстал молодой человек со светлой кожей, светлыми волосами и голубыми, как у большинства иннеанцев, глазами. Несмотря на юные годы, двигался он с уверенностью и грацией, свойственными аристократам Крови, и отвечал с уверенностью и знанием Кодекса. Значит, парень воспитывался и обучался при дворе.

Это определенно не просто один из посыльных, подумал Сэйтан, наблюдая за тем, как парень пытается скрыть неуверенность. «Зачем же ты явился сюда, мальчик?» – про себя поинтересовался он.

– Мой дворецкий, по всей видимости, забыл о хороших манерах и не представил вас, – мягко произнес Сэйтан. Он сложил вместе ладони, и длинные, выкрашенные в черный цвет ногти коснулись подбородка.

Юноша побледнел, увидев кольцо с Черным Камнем, и нервно облизнул пересохшие губы.

– Меня зовут Мортон, Повелитель.

Ага, теперь ты уже не так уверен в том, что Кодекс сможет защитить тебя, верно, мальчик? Сэйтану очень хотелось ухмыльнуться, но он сдержался. Если этот юнец собирается и дальше иметь дело с Верховным Князем, носящим темный Камень, пусть сразу узнает, чем это чревато.

– Вы в услужении?

– Я... я пока не служу при дворе.

Сэйтан удивленно поднял бровь:

– Вы служите лорду Гобарту? – с явной прохладой поинтересовался он.

– Нет. Лорд Гобарт – всего лишь глава семьи. Вроде нашего дядюшки.

Сэйтан взял письмо со стола и отдал его посетителю:

– Прочтите.

Он отправил короткую мысль Андильвару.

«Какую игру ты ведешь?! – был ответ. – Парень слишком неопытен, чтобы...»

– Только не это, – простонал Мортон. Письмо плавно спланировало на пол. – Она же обещала, что не станет грубить... Я сказал ей, что дождусь ответа, и она ведь пообещала... – Юноша покраснел, затем побледнел. – Я ее придушу.

Обратившись к Ремеслу, Сэйтан взял покорно подлетевшее письмо. Все сомнения отпали, но ему стало очень интересно, почему вопрос, содержащийся в нахальном послании, был задан только сейчас.

– Вы хорошо знаете Карлу?

– Она моя кузина, – ответил Мортон тоном, в котором явно сквозила обида.

– Могу вам только посочувствовать, – улыбнулся Андильвар, расправляя крылья и поудобнее устраиваясь в кресле.

– Благодарю, сэр. Конечно, куда лучше заполучить привязанность Карлы, нежели враждебность, и все же... – Мортон пожал плечами, не договаривая.

– Это верно, – сухо произнес Сэйтан. – У меня есть юная подруга с таким же характером. – Увидев на лице Мортонна удивление, Повелитель весело рассмеялся. – Мальчик, даже мне нелегко справляться со своевольными ведьмами.

«Особенно если это Гарпия из числа Деа аль Мон, – развеселившись, закончил его мысль Андильвар. – Ты уже оправился от ее прошлой попытки помочь?»

«Если уж остался здесь, будь, по крайней мере, полезен!» – рявкнул Сэйтан в ответ.

Эйрианец снова повернулся к Мортону.

– И как, ваша кузина сдержала слово? – Когда парень непонимающе уставился на него, Андильвар пояснил: – Вы нашли письмо достаточно вежливым?

Кончики ушей Мортонна предательски заалели, и он беспомощно пожал плечами:

– Ну, для Карлы... Полагаю, да.

– О, Мать-Ночь... – пробормотал Сэйтан. Внезапно его посетила неприятная мысль, и он едва не поперхнулся. Ему потребовалось некоторое время, чтобы перевести дыхание и обдумать наиболее неприятные возможные последствия.

Наконец взяв себя в руки, он, осторожно подбирая слова, произнес:

– Лорд Мортон, ваш дядя, наверное, не знает о том, что вы здесь, правда? – Обеспокоенный взгляд парня был красноречивым ответом. – Где вы, по его мнению?

– В совершенно другом месте.

Сэйтан пристально посмотрел на Мортон, заинтересовавшись внезапной переменой в его манерах. Перед ним теперь сидел не юноша, перепуганный незнакомым и зловещим местом и встречей с Повелителем, а Предводитель, защищающий свою юную Королеву. «Ты ошибся, мальчик, подумал Сэйтан. Ты уже выбрал, кому служить».

– Карла... – Мортон замешкался, подбирая слова. – Ей приходится нелегко. Она носит Сапфир по Праву рождения, к тому же она Королева, Черная Вдова от природы и Целительница, а дядюшка Гобарт...

Сэйтан напрягся, прочитав горечь в голубых глазах гостя.

– Они с дядей не слишком ладят, – уклончиво закончил Мортон, отводя взгляд. Когда он вновь поднял глаза на Сэйтана, в них застыла тревога. – Я знаю, что Карла хочет, чтобы Джанелль вновь навещала ее, как раньше, но, возможно, та не откажется хотя бы написать записку? В знак дружбы?

Сэйтан прикрыл свои золотистые глаза. За все надо платить, подумал он. За все надо платить. Сделав глубокий вдох, он вновь посмотрел на юношу.

– Больше всего на свете я бы хотел, чтобы она могла сделать это. – Он снова вздохнул. – То, что я сейчас расскажу, не предназначается ни для кого, кроме твоей кухни. Ты должен поклясться, что будешь молчать.

Мортон тут же согласно кивнул.

– Два года назад Джанелль очень серьезно пострадала. Она не может писать, не способна ни на какое общение. Она... – Сэйтан замолчал ненадолго и продолжил, только убедившись, что голос не дрогнет: – Она никого не узнает.

Мортон был потрясен.

– Как? – наконец прошептал он.

Сэйтан не смог найти ответ, однако, взглянув на исказившееся лицо Мортон, понял, что не стоило утруждаться. Мальчик все понял по этому молчанию.

– Значит, Карла была права, – с горечью произнес он. – Мужчине вовсе не обязательно быть достаточно сильным, если он выберет нужный момент.

Сэйтан резко выпрямился в кресле:

– Карлу заставляют подчиниться и отдаться мужчине? В *пятнадцать* лет?!

– Нет. Не знаю. Может быть... – Руки Мортон стиснули подлокотники кресла. – Когда жила с Черными Вдовами, она была в полной безопасности, но теперь, вернувшись в семейный особняк...

– Огни Ада, мальчишка! – взревел Сэйтан. – Даже если они не очень ладят, почему твой дядя не пытается защитить ее?!

Мортон прикусил губу и ничего не ответил.

Потрясенный до глубины души, Сэйтан осел в кресло. Нет, только не здесь. Только не в Кэйлеере. Неужели эти дураки не понимают, что теряется, когда Королеву вот так ломают?!

– Тебе пора возвращаться домой, – мягко произнес он.

Юноша кивнул и поднялся.

– И вот что передай Карле: если понадобится, я предоставлю ей убежище в Зале – и свою защиту. Как и тебе.

– Благодарю, – произнес Мортон. Поклонившись Сэйтану и Андильвару, он вышел из кабинета.

Сэйтан схватил свою трость с серебряным набалдашником и, хромя, направился к двери.

Андильвар, однако, добрался до нее первым и преградил Повелителю путь.

– Темный Совет возжадет твоей крови, если дашь покровительство еще одной девушке. Сэйтан долгое время молчал, а затем одарил старого друга хищной улыбкой, исполненной угрозы.

– Если Темный Совет дошел до того, что полагает, будто Гобарт – лучший опекун, чем я, то, пожалуй, они заслуживают особой экскурсии по Аду. Ты так не считаешь?

3. Искаженное Королевство

Физической боли не было, но мучения не прекращались ни на миг.

«Слова могут лгать. Кровь – никогда».

«Ты – мое оружие».

«Шлюха с сердцем мясника».

Он бродил по странным местам, затянутым туманом, полным разбитых воспоминаний, расколовшихся хрустальных чаш, разлетевшихся на части надежд.

Иногда он слышал отчаянные крики.

Иногда даже узнавал собственный голос.

Иногда ему удавалось на мгновение заметить юную девушку с золотистыми волосами, убегающую прочь. Он всегда следовал за ней, силясь догнать, отчаянно желая объяснить...

Он не помнил, что ему было необходимо сказать ей.

«Не бойся! – кричал он ей вслед. – Пожалуйста, не бойся!»

Но она мчалась прочь, и он упорно следовал за ней по странному, изломанному странству из перекрученных дорог, которые никуда не вели, и пещер, заваленных костями и залитых кровью.

Вниз. Все время вниз.

Он следовал за ней, униженно прося подождать, умоляя не бояться его, всегда надеясь услышать звук ее голоса, когда она произносит его имя...

Если бы он только мог вспомнить, как ее голос звучал...

4. Ад

Геката бережно расправила складки длинного плаща, ожидая, пока ее верные охранники-демоны приведут мальчишку, принадлежащего к *килдру дьятэ*. Она удовлетворенно вздохнула, поглаживая нежный мех. Арсерианский. Мех Предводителя. Она чувствовала боль и гнев, навсегда запертые в ворсе.

Родство. Кровь на четырех ногах. По сравнению с людьми они были примитивны. Эти простые умы были попросту не способны уловить величие ее устремлений. Однако родство яростно защищало того, кому приносило присягу. Впрочем, не менее яростно они бросались на любого, кто осмеливался их предать.

Она совершила несколько подобных незначительных ошибок в последний раз, когда пыталась стать Верховной Жрицей всех Королевств. Это стоило ей войны между Терриллем и Кэйлеером пятьдесят тысяч лет тому назад. Она ошиблась, недооценив силу Крови, населявшей Царство Теней. И еще большую оплошность допустила, недооценив родство.

Первое, что Геката сделала, оправившись от потрясения, вызванного метаморфозой в мертвого демона, – истребила все родство в Террилле. Некоторые сумели скрыться и выжить, но лишь ничтожное количество. Им пришлось скрещиваться с животными-лэнденами, и с течением времени, наверное, вновь появились существа, приблизившиеся к Крови, но не настолько сильные, чтобы носить Камни.

Однако дикари из родства здесь, в Кэйлеере, заперлись в собственных Краях после войны и оплели свои границы неисчислимыми заклинаниями. К тому времени, как эти заслоны стали утрачивать силу, периодически пропуская пришельцев, родство превратилось скорее в миф.

Геката стала мерить комнату шагами. Огни Ада! Да сколько же времени может потребоваться, чтобы двое взрослых мужчин поймали одного-единственного мальчишку!

Через минуту она замерла и снова любовно разгладила складки плаща. Нет, нельзя, чтобы мальчишка видел ее нетерпение. Он может заупрямиться. Геката провела рукой по гладкому, шелковистому меху, наслаждаясь этим прикосновением и понемногу успокаиваясь.

На протяжении веков, тщетно ожидая, чтобы Террилль вновь превратился в достойную награду победителю, она помогла Малому Терриллю протянуть ниточку связи в Королевство Света. Но только за последние несколько лет ей удалось наконец закрепить свою власть в Иннее – с помощью амбиций лорда Гобарта.

Она выбрала этот Край потому, что он был севернее прочих и жителей можно было с легкостью изолировать от других людей Крови. К тому же там жил Гобарт, мужчина, чьи амбиции намного превышали возможности. Был в Иннее и Алтарь Тьмы. Поэтому впервые за очень долгое время у Гекаты появились Врата, оказавшиеся в ее полном распоряжении, а заодно и способ отправить с их помощью в Кэйлеер нужных мужчин, чтобы выслеживать все время ускользавших от нее жертв.

Это, разумеется, была не единственная из игр, которыми Геката забавлялась в Царстве Теней, но все прочие требовали немалых времени и терпения, а также уверенности в том, что на сей раз никто и ничто не нарушит ее планов.

Она уже начала сомневаться в верности своих стражников, когда они вернулись, таща за собой упирающегося мальчишку. Грязно выругавшись, они прижали его спиной к высокому, плоскому камню.

– Боли не причинять! – рявкнула Геката.

– Да, Жрица, – покорно, но недовольно отозвался один из них.

Она принялась рассматривать мальчишку, с вызовом глядевшего на нее. Чар, юный Предводитель, лидер *килдру дьятэ*. Несложно догадаться, почему его так прозвали. Только юноша с многообещающими способностями к Ремеслу мог спасти столько плоти от огня. Должно быть, он уже в этом возрасте был очень, очень силен. Жаль, что она не поняла этого еще семь лет назад, когда впервые столкнулась с ним. Что ж, теперь это упущение можно легко исправить.

Геката медленно приблизилась к нему, наслаждаясь беспокойством, промелькнувшим во взгляде мальчика.

– Я не желаю вам зла, Предводитель, – ласково пропела она. – Мне просто нужна ваша помощь. Я знаю, что Джанелль теперь ходит среди *килдру дьятэ*. Я бы хотела повидать ее.

То, что осталось от губ мальчика, изогнулось в издевательской ухмылке.

– Не все *килдру дьятэ* на этом острове.

Золотистые глаза Гекаты полыхнули яростью.

– Ты лжешь. Призови ее. Сейчас же!

– Повелитель направляется сюда, – произнес Чар. – Он может оказаться здесь в любую минуту.

– Почему? – требовательно спросила Жрица.

– Потому что я посылал за ним.

– Зачем?

Глаза мальчика наполнились странным светом.

– Я вчера видел бабочку.

Ей хотелось кричать от злости. Вместо этого Геката подняла руку, сложив пальцы шепотью:

– Если тебе дороги глаза, мой юный Предводитель, ты призовешь Джанелль *сейчас же*.

Чар уставился на нее:

– Вы действительно так хотите увидеть ее?

– Да!

Мальчик запрокинул голову и издал странный, лающий вой.

Невольно испугавшись, ведьма размахнулась и отвесила ему оплеуху.

– Геката!

Она содрогнулась, безошибочно распознав бушующую ярость в громоподобном голосе Сэйтана. Геката оглянулась через плечо и замерла. Неожиданное возбуждение волной прокатилось по всем нервам.

Сэйтан тяжело опирался на трость с серебряным набалдашником. Его золотистые глаза мерцали от гнева. В густых черных волосах появились новые нитки седины, лицо выглядело изможденным. Он казался... очень усталым.

К тому же на нем был только Красный Камень, доставшийся по Праву рождения.

Она не стала тратить время на быстрый спуск в бездну, чтобы собрать каждую крупинку силы, – просто подняла руку и выпустила всю мощь Красного Камня, направив ее на больную ногу бывшего мужа.

Крик боли, который издал Сэйтан, падая, был музыкой для ее ушей.

– Схватить его! – приказала она, обращаясь к своим демонам.

Стражники поколебались было, однако, когда Сэйтан попытался подняться, но не смог, послушно вытащили ножи и ринулись к нему.

Земля содрогнулась – слабо, но ощутимо. Клубы вихрящегося тумана поплыли над камнями и черной, выжженной землей.

Геката тоже бросилась к Сэйтану, не желая пропустить момент, когда ножи вонзятся глубоко в его тело, мечтая увидеть, как бежит его кровь. Кровь Хранителя! Какой насыщенный вкус, какая сила сокрыта в ней! Она напьется досыта, прежде чем заняться этим настырным мелким демоном...

Из бездны поднялся мучительный вой, исполненный радости и боли, гнева и торжества.

Волна темной, чистой силы затопила остров *килдру дьятэ*. Молнии выпущенной магии запыхали в сумрачном небе Ада, гром сотряс землю. Странный, замогильный звук все не смолкал.

Геката упала на землю, сжавшись в комочек.

Ее демоны громко вопили, корчась в страшных мучениях.

«Уходи, – мысленно молила Геката. – Что бы ты ни было, уходи!»

Ужасное, холодное нечто коснулось ее внутренних барьеров, и Геката поспешно опустошила свой разум, на время изгнав все мысли и образы.

К тому времени, как все стихло, от волны силы не осталось и следа.

Геката с трудом села. Горло конвульсивно сжалось, стоило ей увидеть, что осталось от ее верных демонов.

Ни следа Сэйтана или Чара.

Геката медленно, осторожно поднялась с земли. Что это было? Джанелль – или то, что от нее осталось? Возможно, она все же *не стала килдру дьятэ*? Возможно, девчонка не превратилась в мертвого демона, а стала призраком, и теперь от нее осталась только бесплотная сила?

Что ж, в таком случае она все равно что умерла окончательно, подумала Геката, поймав Белый ветер и направляясь к каменному зданию, которое надменно называла своими владениями. Только к лучшему, что остатки этой силы и сущности навсегда прикованы к Темному Королевству. Пытаться обуздать нечто подобное... Нет, девчонка все равно что умерла.

Боль окружала и наполняла его. Голова словно была туго набита ватой. Он продирался через притупляющие все звуки завалы, отчаянно пытаясь добраться до приглушенных голосов,

раздававшихся где-то наверху: сердитое, раскатистое бормотание Андальвар, обеспокоенный, хриловатый шепот Чара.

Огни Ада! Почему же они просто сидят здесь?! Впервые за два года Джанелль ответила на чей-то зов! Почему они не пытаются связаться с ней?

Потому что она скользит по бездне глубже, чем любой из них. Только он сам способен ощутить ее присутствие. Но Сэйтан не мог сейчас запросто опуститься до Черного и попытаться призвать ее. Он должен был оказаться рядом с ней физически, прикоснуться к ней, чтобы суметь убедить Джанелль вернуться в свое тело и остаться в нем.

– Почему колдовской шторм так повлиял на него? – со страхом спросил Чар.

– Потому что он осел, – прорычал Андальвар в ответ.

Сэйтан удвоил усилия, прикладываемые, чтобы прорваться через странную пелену, заглушающую все звуки. Тогда он сможет хотя бы зарычать на старого друга. Вероятно, он действительно передавал слишком много силы Черного Джанелль, не оставляя для себя почти ничего, чтобы восстановиться. Может, поступал глупо, упрямо отказываясь пить свежую кровь, чтобы поддерживать силы. Но это не давало эйрианскому воину права вести себя как упрямая, назойливая Целительница!

Джанелль загнала бы его в угол и не выпускала до тех пор, пока он не сдался.

Джанелль. Так близко. Вероятно, другой возможности не представится.

Он приложил все силы к освобождению из непонятного плена. «Помогите же мне. Я должен добраться до нее! Помогите...»

– Повелитель!

– Огни Ада, Са-Дьябло!

Сэйтан схватил Андальвара за руку и попытался сесть в постели.

– Помогите мне, иначе станет слишком поздно.

– Тебе нужен отдых! – возмутился тот.

– На это нет времени! – Сэйтан пытался кричать, но его голос больше всего походил на придушенное карканье. – Джанелль еще не успела уйти далеко, я смогу дотянуться до нее.

– *Что?!*

В следующее мгновение Повелитель уже сидел на постели, а старый друг поддерживал его, обняв за плечи. Чар опустился на колени перед ним. Сэйтан сосредоточился на мальчишке.

– Как тебе удалось призвать ее?

– Не знаю, – зарыдал Чар. – Не знаю. Я просто пытался отвлекать Гекату до тех пор, пока вы не придете. Она настаивала на том, чтобы увидеть Джанелль, вот я и подумал... Мы когда-то играли с ней в прятки и издавали именно такие звуки. Я не знал, что она ответит, Повелитель. Я звал так не один раз с тех пор, как она ушла, и Джанелль ни разу не отзывалась!

– До сегодняшнего дня, – тихо произнес Сэйтан. Но почему сейчас? Он наконец заметил хорошо знакомую спальню. – Мы в Цитадели в Кэйлеере?

– Дрейка настояла на том, чтобы я привез тебя сюда, – пояснил Андальвар.

Сенешаль Цитадели выделила ему комнату неподалеку от покоев Королевы. А это означало, что он лишь в нескольких ярдах от бессознательного тела Джанелль. Случайность? Или же Дрейка тоже ощутила присутствие девушки?

– Помогите мне, – прошептал Сэйтан.

Андальвар потащил его на себе по коридору к двери, возле которой их обоих ожидала Дрейка.

– Когда вернешься, выпьешь чашку теплой крови, – хладнокровно велела она.

«Если я вернусь», – мрачно подумал Повелитель, с помощью Андальвара забираясь в постель, где лежало неподвижное тело Джанелль. Другой возможности может не представиться. Он вернет ее сейчас или уничтожит себя, пытаясь сделать это.

Оставшись наедине с девушкой, Сэйтан обхватил ее лицо руками, вытянул из Камней всю силу, еще сохранившуюся в них, до последней капли и поспешно спустился в бездну, добравшись до уровня Черного.

«Джанелль!»

Она продолжала скользить в глубину по спирали. Сэйтан не знал, что происходит: девочка игнорирует призыв или же попросту не слышит его?

«Джанелль! Ведьмочка!»

Силы убывали с поразительной скоростью. Бездна давила на разум, и это ощущение быстро превращалось в боль.

«Ты в безопасности, ведьмочка! Возвращайся! Ты в безопасности!»

Но она скользила все дальше и дальше, уносясь прочь. Однако маленькие импульсы силы поднялись вверх, и Сэйтан ощутил, что они наполнены гневом.

Найди и догони. Детская игра. Он посылал в бездну сообщения, полные любви и обещания безопасности, на протяжении двух лет. Чар все это время направлял приглашения поиграть.

Молчание.

Очень скоро нужно будет подниматься, иначе его разум разлетится на части.

Тишина.

Найди и догони. Разве он сам не любил эту игру когда-то?

Сэйтан ждал, отчаянно борясь за каждую секунду.

«Ведьмочка!»

Он услышал, как в реальном мире что-то разбилось, услышал чей-то крик. А затем ощутил, как что-то врезается в грудь прямо под сердцем, не давая дышать.

Не зная, что еще можно сделать, Сэйтан полностью опустил барьеры, оставляя себя на милость чужой воли. Он ожидал, что Джанелль врежется в него и разорвет на части. Вместо этого Повелитель ощутил чужое удивление и любопытство, за которым последовало легкое как перышко прикосновение. Едва-едва уловимое.

А потом она выбросила его из бездны.

Резкое возвращение в физический мир принесло с собой сильное головокружение, все чувства смешались. Должно быть, только поэтому Сэйтану примерещился маленький витой рог посередине лба Джанелль. Поэтому ее ушки показались ему слегка заостренными, а вместо привычной золотистой копны кудряшек его взору предстала грива цвета солнца, нечто среднее между человеческими волосами и мехом. Поэтому его сердце бешено колотилось. Странное ощущение – его словно сжимала чья-то рука.

Сэйтан закрыл глаза, пытаясь побороть головокружение. Когда через мгновение он вновь устремил взор на Джанелль, необычные перемены в ее внешности успели исчезнуть. Однако странное, неприятное чувство в груди не исчезло.

Охнув, Повелитель поспешно опустил взгляд. Чьи-то пальцы сжались вокруг его сердца.

Рука Джанелль погрузилась в его грудь. Вытащив руку, девушка вынет его сердце. Но это не имело значения – оно принадлежало ей задолго до их первой встречи. Сэйтан испытал странную гордость, вспомнив, с каким раздражением и удовольствием пытался научить ее пропускать один твердый предмет сквозь другой.

Пальцы сжались еще сильнее.

Ее глаза неожиданно распахнулись – бездонные сапфировые озера, бездумные, но не безразличные. В них полыхал глубокий, нечеловеческий гнев.

Джанелль моргнула. Ее глаза затуманились, скрыв очень и очень многое. Она снова моргнула и уставилась на Повелителя.

– Сэйтан? – хриплым голосом спросила она.

Его глаза наполнились слезами.

– Ведьмочка, – хрипло прошептал Жрец.

Он снова охнул, когда Джанелль шевельнула пальцами.

Девушка перевела взгляд на грудь наставника и нахмурилась:

– Ой.

Она медленно разжала пальцы и извлекла руку.

Сэйтан ожидал увидеть кровь, однако кожа девушки осталась безукоризненно чистой. Быстро оценив собственные ощущения, Сэйтан понял, что еще несколько дней грудь будет побаливать, но серьезного вреда Джанелль не причинила. Он наклонился и осторожно прижался к ее лбу своим.

– Ведьмочка, – снова прошептал он.

– Сэйтан? Ты что, плачешь?

– Да. Нет. Не знаю.

– Тебе следовало бы прилечь. Кажется, ты неважно себя чувствуешь.

Он придвинулся к Джанелль, и это забрало все оставшиеся силы. Когда девушка доверчиво повернулась и прижалась к нему, Сэйтан крепко обнял ее.

– Я пытался достучаться до тебя, ведьмочка, – пробормотал он, прижавшись щекой к светлым волосам.

– Я знаю, – сонно отозвалась она. – Иногда я слышала тебя, но мне же нужно было отыскать все осколки, чтобы собрать хрустальную чашу.

– Все получилось? – спросил Сэйтан, не осмеливаясь даже дышать в ожидании ответа.

Джанелль счастливо кивнула:

– Некоторые осколки, правда, как в тумане и еще не совсем встали на место... – Она помолчала, нахмурившись. – Сэйтан, а что случилось?

Его наполнил ужас. Повелитель Ада понял, что ему не хватит смелости честно ответить на этот вопрос. Как она поступит, узнав, что случилось на самом деле? Если Джанелль вновь разорвет связь со своим телом и нырнет в бездну, вряд ли ему когда-либо удастся вновь убедить ее вернуться.

– Ты серьезно пострадала, милая. – Он крепче обнял дочь своей души. – Но теперь все будет хорошо. Я тебе помогу. Ничто не сможет причинить тебе вред, ведьмочка. Ты должна помнить об этом. Здесь ты в безопасности.

Джанелль нахмурилась:

– Здесь – это где?

– Мы в Цитадели. В Кэйлеере.

– А-а, – протянула она. Ее веки дрогнули и смежились.

Сэйтан сжал плечо Джанелль. Потом потряс ее, испугавшись.

– Джанелль? Джанелль, нет! Не покидай меня. Пожалуйста, не уходи!

Девушка с усилием открыла глаза:

– Уходить? О, Сэйтан, я так устала... неужели мне действительно пора уходить?

Он из последних сил попытался взять себя в руки. Нужно сохранять спокойствие, только тогда Джанелль действительно почувствует себя в безопасности.

– Ты можешь оставаться здесь столько, сколько сама захочешь.

– И ты тоже останешься?

– Я никогда не оставлю тебя, ведьмочка. Клянусь.

Джанелль вздохнула.

– Тебе тоже надо поспать, – пробормотала она.

Сэйтан долго прислушивался к ее спокойному, ровному дыханию. Он хотел открыть свой разум и прикоснуться к ее сознанию, но сейчас в этом не было нужды. Он прекрасно чувствовал разницу – в его объятиях теперь покоилось живое тело, а не пустая оболочка.

Поэтому вместо этого он связался с Андальваром.

«Она вернулась».

Долгое, очень долгое молчание.

«На самом деле?»

«На самом деле». И ему понадобятся все силы – впереди долгий день. «Сообщи остальным, – велел Сэйтан. – И передай Дрейке, что теперь я не откажусь выпить чашку свежей, теплой крови».

5. Кэйлеер

Ведомый лишь инстинктом и подстегиваемый возрастающим беспокойством, Сэйтан, не постучавшись, вошел в спальню Джанелль в Цитадели.

Она стояла перед высоким зеркалом на подставке, глядя на свое отраженное в нем тело.

Сэйтан закрыл дверь и, хромая, подошел к девушке. Пока она находилась вдали от тела, связь с ним была достаточно сильна, чтобы можно было кормить ее и осторожно выводить на прогулки, не позволяя атрофироваться мышцам. Ее остаточного присутствия хватило и на то, чтобы вместилище, лишенное души, стало медленно перестраиваться согласно требованиям возраста.

Ведьмы достигали зрелости позже, чем лэндены, а их телам требовалось значительно больше времени, чтобы подготовиться к физическим переменам, отличавшим девочку от женщины Крови. Однако плоть Джанелль, лишенная населявшей ее сущности, не начала меняться вплоть до ее четырнадцатого дня рождения. Несмотря на то что метаморфозы протекали очень медленно и плавно, едва заметно, тело ее теперь совсем не походило на фигуру двенадцатилетней девочки.

Сэйтан замер в нескольких футах за ее спиной. Сапфировые глаза Джанелль встретились с его взглядом в зеркале, и Повелителю пришлось приложить немалые усилия, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица.

Эти глаза... Ясные, холодные и опасные, если Джанелль не успевала вовремя нацепить маску человечности. Теперь он знал наверняка, что это и впрямь была всего лишь маска. Это превращение не имело ничего общего с расщеплением сущности, к которому девочка прибегала в детстве, чтобы скрыть, что она Ведьма. Маскарад превратился в целенаправленное стремление быть человеком. И это пугало его.

– Я должен был рассказать тебе... – тихо произнес он. – Мне следовало подготовить тебя к этому заранее. Но ты проспала большую часть времени в эти четыре дня, и я... – Повелитель замолчал.

– Сколько времени прошло? – спросила она голосом, в котором смешались полночь и горное эхо, гуляющее по пустым, мрачным пещерам.

Сэйтану, прежде чем ответить, пришлось прочистить горло, чтобы голос звучал естественно.

– Два года. Вообще-то даже немного дольше. Через несколько недель тебе исполнится пятнадцать.

Она ничего не сказала, и Сэйтан не знал, как заполнить повисшее молчание.

Наконец Джанелль повернулась к нему:

– Ты хотел бы заняться сексом с этим телом?

Кровь. Столько крови...

Горло конвульсивно, судорожно сжалось, желудок свело. Ее маска отлетела прочь. Сколько он ни искал, обнаружить Джанелль в этих сапфировых глазах не удалось.

Сэйтан должен был дать ответ. Более того, он должен был дать *правильный* ответ.

Он медленно втянул воздух.

– Теперь я – твой законный опекун. Приемный отец, если хочешь. А отцы не занимаются сексом со своими дочерьми.

– Разве? – полуночным, вкрадчивым шепотом уточнила она.

Внезапно пол, на котором Сэйтан стоял, исчез. Комната бешено завертелась перед глазами. Он бы непременно упал, если бы Джанелль не обхватила его руками за талию.

– Не обращай к Ремеслу, – сквозь стиснутые зубы пробормотал он.

Слишком поздно. Джанелль уже успела поднять его в воздух и направить к дивану. Сэйтан покорно опустился на мягкое сиденье. Девушка устроилась рядом и отбросила с шеи длинные золотистые волосы.

– Тебе нужна свежая кровь.

– Вовсе нет. У меня просто немного закружилась голова.

Верховный Жрец Песочных Часов и без тогопил по чашке свежей человеческой крови утром и вечером на протяжении последних четырех дней – почти такого же количества ему обычно хватало на год.

– Тебе нужна свежая кровь! – На сей раз голос Джанелль звучал резко, с надрывом.

Что ему действительно нужно, так это найти того ублюдка, который тогда изнасиловал ее, и разорвать на мелкие-мелкие кусочки.

– Мне не нужна твоя кровь, ведьмочка.

В ее глазах вспыхнул гнев, и Джанелль гневно оскалилась.

– С моей кровью все в полном порядке, Повелитель, – прошипела она. – Она ничем не запятнана.

– Разумеется, она не запятнана! – рявкнул он в ответ.

– Тогда почему отказываешься принять дар? Раньше ты всегда соглашался.

В сапфировых глазах Джанелль теперь носились тени и облачка тумана. Видимо, в ее случае ценой человечности были уязвимость и чувство неуверенности.

Взяв ее руку, Сэйтан нежно поцеловал тыльную сторону ладони, гадая, можно ли как-нибудь деликатно намекнуть на то, что было бы лучше накинуть халат, и при этом не обидеть ее. Не все сразу, Са-Дьябло, подумал он.

– Есть три причины, по которым я не хочу прямо сейчас принимать твою кровь. Во-первых, до тех пор, пока ты не окрепнешь окончательно, каждая капля пригодится тебе самой. Во-вторых, твое тело претерпевает превращение из детского в женское, меняются и свойства крови, в том числе магические. Поэтому, думаю, стоит проверить, все ли в порядке, прежде чем я выпью жидкую молнию.

Она захихикала.

– И в-третьих, Дрейка тоже решила, что мне необходима свежая кровь.

Глаза Джанелль расширились.

– Ну надо же... Бедный папа. – Она тут же прикусила губу. – Можно я буду так тебя называть? – тихо и очень неуверенно уточнила девушка.

Сэйтан обнял дочь своей души и прижал к себе.

– Это будет честью для меня. – Он легонько поцеловал девушку в лоб. – В комнате прохладно, ведьмочка. Тебе лучше накинуть халат. И надеть тапочки.

– Ты уже говоришь как настоящий отец, – проворчала Джанелль.

Сэйтан улыбнулся:

– Я очень долго ждал, чтобы наконец получить право суетиться и беспокоиться. И теперь намереваюсь воспользоваться им в полной мере.

– Я смотрю, мне повезло, – прорычала она.

Повелитель рассмеялся:

– Нет. Это *мне* повезло.

6. Кэйлеер

Сэйтан пристально смотрел на тоник в маленькой чашке из темного, почти черного, дымчатого стекла. Он уже поднес ее к губам, когда раздался стук в дверь.

– Войдите, – с явным облегчением и даже радостью произнес Повелитель.

На пороге появился Андильвар. За ним следовали его внук, Протвар, и Мефис, старший сын Сэйтана. Протвар и Мефис, как и Андильвар, превратились в мертвых демонов давным-давно во время кровопролитной войны между Терриллем и Кэйлеером. Джеффри, историк и хранитель библиотеки Цитадели, вошел последним.

– Попробуй-ка вот это, – попросил Сэйтан, сунув чашку в руку своему старому другу.

– Зачем? – удивился Андильвар, с подозрением глядя на чашку. – Что это?

Проклятая эйрианская недоверчивость.

– Это тоник, который Джанелль сделала для меня. Она говорит, я по-прежнему выгляжу изможденным.

– Так и есть, – проворчал Андильвар. – Поэтому лучше выпей.

Сэйтан скрипнул зубами.

– Пахнет неплохо, – задумчиво произнес Протвар и невольно прижал крылья под угрозаяющим взглядом Повелителя.

– На вкус тоже очень даже ничего, – произнес Сэйтан, пытаясь судить беспристрастно.

– Тогда в чем проблема? – поинтересовался Джеффри, скрестив руки на груди. Он нахмурился, изучая чашку, и густые черные брови в точности повторили очертания треугольника волос на лбу. – Ты боишься, что она недостаточно обучена, чтобы изготавливать нечто подобное? Думаешь, девочка в чем-то ошиблась?

Сэйтан поднял одну бровь:

– Мы же говорим о Джанелль.

– А... – протянул библиотекарь, вновь глядя на чашку, но теперь уже с долей беспокойства. – Верно.

Сэйтан подал ему чашку.

– Скажи мне, что думаешь об этом.

Андильвар упер руки в бока.

– А почему ты так хочешь поделиться им с кем-нибудь? Если с тоником все в полном порядке, почему бы тебе самому его не выпить?

– Я и пью. Каждый день на протяжении последних двух недель, – проворчал Сэйтан. – Просто средство оказалось чертовски... сильнодействующим.

Последнее слово прозвучало умоляюще.

Джеффри взял чашку, сделал маленький глоток, посмаковал теплую жидкость и проглотил. Он передал чашку Андильвару и в тот же миг закашлялся, прижимая руки к животу.

– Джеффри?! – Встревожившись, Сэйтан подхватил Хранителя за руку, когда тот покачнулся.

– Скажи, я должен себя чувствовать именно так? – пропыхтел он.

– Как? – осторожно уточнил Повелитель.

– Как будто на желудок обрушилась лавина.

Сэйтан вздохнул с облегчением:

– Это, к счастью, продлится недолго, к тому же тоник и впрямь обладает удивительными целебными свойствами, но...

– Но первое ощущение несколько нервирует.

– Именно, – сухо согласился Жрец.

Андальвар пристально посмотрел на обоих Хранителей и пожал плечами, а затем взял чашку, сделал глоток и передал Протвару. Тот, в свою очередь, отпив немного, вручил ее Мефису.

Когда чашка вновь оказалась в руках Сэйтана, в ней осталось две трети напитка. Повелитель вздохнул, сделал глоток и поставил сосуд на пустующий старинный столик.

«И почему Дрейка не кладет на него груды всякой чепухи, как все нормальные люди?» – кисло подумал Сэйтан. По крайней мере, тогда можно было бы спрятать эту чертову штуковину, раз уж Джанелль наложила на нее какие-то хитрые чары, не дающие заставить ненавистный сосуд исчезнуть.

– Огни Ада, – наконец высказался Андульвар.

– Что она туда намешала? – спросил Мефис, потирая живот.

Протвар пристально смотрел на Джеффри.

– Знаешь, такое чувство, что еще чуть-чуть – и у тебя появится румянец...

Джеффри едва не прожег эйрианского Предводителя негодующим взглядом.

– Так... зачем вы вообще ко мне пришли? – наконец поинтересовался Сэйтан.

Они тут же вспомнили об официальной цели своего визита и заговорили все одновременно:

– Видишь ли, Са-Дьябло, эта несносная девчонка...

– ...Для юной девушки это, разумеется, сложный период, я прекрасно все понимаю, но...

– ...Совершенно не хочет нас видеть!

– ...Почему-то такая робкая...

Сэйтан поднял руку, заставляя их умолкнуть.

За все нужно платить. Глядя на них, Сэйтан прекрасно понимал: он должен рассказать им то, что понял сам на протяжении последних двух недель. «За все нужно платить, – горько подумал он, – но, благая Тьма, разве мы отдали мало?»

– Джанелль еще не исцелилась.

Никто не ответил, и Повелитель невольно усомнился в том, что действительно сказал это вслух.

– Объяснись, Са-Дьябло, – пророкотал Андульвар. – Ее тело в порядке и теперь, когда она вернулась в него, скоро окрепнет...

– Да, – согласился Сэйтан мягко. – Ее тело в порядке.

– Поскольку она, по всей видимости, способна не только на то, чтобы придерживаться основ Ремесла, ее внутренняя сеть должна была остаться неповрежденной, – заметил Джеффри.

– Это так, внутренняя сеть не пострадала, – согласился Сэйтан. Огни Ада... Почему он оттягивает неизбежное? Да потому, что, как только слова будут произнесены, они станут реальностью.

Он наблюдал за тем, как глаза Андульвара загораются пониманием – и гневом.

– Тот ублюдок, который ее изнасиловал, ухитрился разбить хрустальную чашу, верно? – медленно произнес Андульвар. – Он разнес ее разум, и Джанелль оказалась в Искаженном Королевстве. – Он помолчал немного, взглянув на Сэйтана. – Или же... в каком-то другом месте?

– Кто знает, что покоится глубоко в бездне? – горько произнес Повелитель. – Я не из их числа. Затерялась ли она в безумии, или же просто шла дорогами, которые мы все не способны постичь? Невозможно сказать наверняка. Я знаю только одно: она сильно изменилась, иногда бывает трудно увидеть в этой новой девушке прежнюю Джанелль, ребенка, которого мы все любили. Она сказала мне, что сумела собрать хрустальную чашу, и, судя по всему, это действительно так. Но Джанелль не помнит, что произошло у Алтаря Кассандры. Она не помнит ничего о том, что происходило на протяжении нескольких месяцев до той страшной ночи. И

что-то скрывает. Именно поэтому девочка отдаляется от нас. Сплошные тени и секреты. Она боится доверять кому бы то ни было из-за проклятых застарелых тайн.

Воцарившееся молчание нарушил Мефис.

– Возможно, – медленно произнес он, – если мы убедим ее иногда собираться вместе с нами в одной из приемных, хотя бы на несколько минут, то Джанелль сможет снова начать доверять нам. Особенно если мы не будем давить на нее или задавать неприятные вопросы, – грустно добавил он. – Скажи, разве запирается в самой себе, живя в собственном теле, лучше, чем блуждать в бездне?

– Нет, – тихо произнес Сэйтан, – не лучше. – Это рискованно. Мать-Ночь, это даже опасно! – Я поговорю с ней.

Андальвар, Протвар, Мефис и Джефффри вышли, договорившись встретиться в одной из малых гостиных. Сэйтан выждал несколько минут, а затем прошел те несколько ярдов, что отделяли его комнаты от покоев Королевы. Как только Джанелль соберет собственный двор, в это крыло не сможет войти без приказа ни один мужчина, кроме ее Консорта, Советника и капитана стражи. Даже ее законный опекун.

Сэйтан тихо постучал в дверь ее спальни. Не получив ответа, он заглянул в комнату. Пусто. Повелитель проверил смежную гостиную. Там тоже никого.

Взъерошив пальцами волосы, он стал гадать, куда могла отправиться его воспитанница. Он чувствовал, что Джанелль неподалеку. Однако Сэйтан успел узнать еще и то, что девушка оставляла такой сильный ментальный след, что иногда было очень сложно угадать, где именно она находится. Возможно, так было всегда, просто они никогда раньше не проводили вместе больше одного-двух часов. Теперь же ее незримое присутствие наполняло всю огромную Цитадель, а темный, восхитительный ментальный аромат был одновременно удовольствием и мукой. Чувствовать ее, мечтать о том, чтобы подарить ей свое сердце и служить одной лишь Королеве, – и быть изгнанным из ее жизни...

Более страшной пытки Сэйтан с ходу не придумал.

И он собрался рискнуть ее душевным покоем, попросив о встрече, не только ради Андальвара, Мефиса, Протвара и Джефффри. Была еще одна причина, никогда не покидавшая его мысли. Если Джанелль никогда не исцелится до конца, если не сможет выносить прикосновение мужчины...

Он не был тем ключом, который открыл бы эту последнюю дверцу. Разумеется, Сэйтан мог сделать очень и очень многое, но не это. Ключ находился не в его руках.

У Деймона Сади.

«Деймон, Деймон... Где же ты? Почему не пришел?»

Сэйтан уже собрался было повернуть назад и отправиться на поиски Дрейки – она знала, в каком месте Цитадели находятся все ее обитатели, – когда раздавшийся шум заставил его замереть у неплотно закрытой двери в дальнем конце коридора.

Крадучись приближаясь к проему, Повелитель не мог не отметить, что его нога болит гораздо меньше и лучше слушается с тех пор, как Джанелль стала поить его своей адской смесью. Если он выдержит еще пару недель этого зверского лечения, то сможет снова забыть о трости – и, как он надеялся, о тонике.

Сэйтан почти добрался до двери, когда кто-то в комнате испуганно вскрикнул. Послышалось громкое шипение, угасшее с треском, а затем из проема повалил лиловый, серый и розовый дым. Звонкий женский голос рассерженно пробормотал:

– Проклятье, проклятье и еще раз проклятье!

Облако стало медленно осыпаться на пол.

Сэйтан протянул руку и устался на мелкую крошку лилового, серого и розового оттенков, усыпавшую его ладонь и манжет рубашки. Внезапно в животе возникло странное ощущение

ние, словно внутри бьются сотни бабочек и щекочут его крыльями, отчего у Повелителя Ада появилось иррациональное желание побегать по коридорам, громко хихикая.

Усилием воли он загнал внутрь готовый вырваться смешок, грозно выпрямился, вернув осанке горделивость, и осторожно заглянул в проем.

Джанелль стояла у огромного рабочего стола, скрестив руки и хмуро уставившись в книгу по Ремеслу, зависшую в воздухе над столом. Свечи по обеим сторонам толстого фолианта горели разноцветными огоньками, невольно напомнив Сэйтану витражи и несколько смягчив царящий в комнате хаос. Все вокруг, включая Джанелль, было щедро усыпано лиловым, серым и розовым порошками. Чистой осталась только книга. Наверное, девушка наложила на нее соответствующее заклинание, прежде чем начать работать...

– Честно признаться, не думаю, что хочу узнать, чем вызвано все это, – сухо произнес Сэйтан, гадая, как Дрейка отреагирует на учиненный беспорядок.

Джанелль окинула его взглядом, в котором раздражение смешалось с весельем.

– Думаю, что нет, – согласилась она, а затем одарила его неуверенной, но широкой улыбкой. – Полагаю, помочь тебе тоже вряд ли захочется...

Огни Ада! На протяжении всех тех лет, когда он обучал ее Ремеслу и мечтал разобраться в одном из этих сложных, причудливых заклинаний, Сэйтан надеялся получить подобное приглашение.

– К сожалению, – произнес он с нескрываемым разочарованием, – нам нужно сначала кое-что обсудить.

Джанелль преспокойно села прямо в воздухе, закинув ноги на несуществующую скамеечку, и уделила приемному отцу все свое внимание.

Сэйтан запоздало припомнил, что ее пристальное внимание всегда заставляло его нервничать.

Он прочистил горло и окинул комнату взглядом, надеясь обрести источник вдохновения. Возможно, ее рабочий кабинет, в котором столько предметов, связанных с Ремеслом, и впрямь лучшее место для этого разговора.

Сэйтан вошел и прислонился к косяку. Хорошее, нейтральное место. Он не вторгается в личную жизнь Джанелль и вместе с тем заявляет о своем праве быть ее частью.

– Меня кое-что беспокоит, ведьмочка, – тихо произнес он.

Джанелль склонила голову набок:

– Что именно?

– Ты сама. Ты избегаешь всех нас. Закрываешься от окружающих, прячешься здесь.

Ее глаза источали смертный холод.

– У всех есть свои границы и внутренние барьеры.

– Я говорю не о границах и внутренних барьерах, – произнес он. Напускное спокойствие продержалось недолго. – Разумеется, они есть у всех. Они оберегают внутреннюю паутину и Сущность каждого из нас. Но ты выстроила настоящую стену, отделяющую тебя от всех, ни с кем не разговариваешь, стараешься вообще не попадаться на глаза...

– Возможно, ты должен быть благодарен за это, Сэйтан, – произнесла Джанелль странным полуночным голосом, при первом же звуке которого у него пробежала дрожь вдоль позвоночника.

Сэйтан. Не папа – Сэйтан. И она произнесла его имя совсем не так, как обычно. Это больше походило на то, как Королева обращается к своему Верховному Князю.

Он не знал, как ответить на это предупреждение.

Джанелль спрыгнула со своего невидимого кресла и отвернулась от Сэйтана, опустив обе руки на усыпанный разноцветным порошком стол.

– Послушай меня, – твердо произнес он, подавив острое желание закричать. – Ты не можешь вот так отдаляться от нас. Ты не можешь провести остаток жизни в этой комнате,

создавая прекрасные заклинания, которые никто никогда не увидит. Ты – Королева. Ты должна проводить время при своем дворе, общаясь с подданными.

– У меня никогда не будет двора.

Сэйтан уставился на нее, пораженный:

– Разумеется, у тебя будет двор. Ты же Королева.

Джанелль одарила его ледяным взглядом, от которого Повелитель невольно съезжился.

– Я не обязана собирать собственный двор. Я проверяла. К тому же я не хочу править.

Не хочу руководить ничьей жизнью, кроме собственной.

– Но ты же Ведьма.

В тот миг, как он произнес это слово, в комнате резко похолодало.

– Да, – слишком тихо и спокойно произнесла она. – Я – Ведьма.

Джанелль обернулась к нему.

Она отбросила маску, называемую человеческой плотью, и наконец впервые за все это время позволила ему увидеть правду.

Маленький витой рог в центре лба. Золотистая грива – не густой мех, но и не волосы. Изящные, заостренные ушки. Руки с изогнутыми коготками. Ноги, которые заканчивались маленькими копытцами. Узкая полоска золотистого меха, спускающаяся вниз по спине и переходящая в хвост, бьющий по бедрам. Странное, узкое, экзотическое лицо с огромными, сапфировыми глазами.

Будучи много лет Консортом Кассандры, Сэйтан наивно полагал, что знает и понимает, что значит быть Ведьмой. Теперь он наконец осознал, что Кассандра и прочие Королевы до нее, также носившие Черный Камень, лишь *назывались* Ведьмами. Джанелль же была ожившей легендой, воплотившейся мечтой.

Как глупо было с его стороны полагать, что все мечтатели были людьми...

– Именно, – холодно и тихо произнесла Ведьма.

– Ты прекрасна, – прошептал Сэйтан. – И очень, очень опасна.

Джанелль уставилась на него, озадаченная, и Повелитель осознал, что у него не будет лучшей возможности сказать то, что ей необходимо услышать.

– Мы любим вас, Леди, – тихо произнес он. – Мы всегда любили вас, и нам больно оказаться изгнанными из вашей жизни, так больно, что слова бессильны это описать. Вы не знаете, как нелегко нам было дожидаться тех нескольких драгоценных минут, которые вы могли бы теперь проводить вместе с нами; как все мы переживали, не зная, куда вы исчезли и вернетесь ли, как завидовали людям, не ценившим ваше присутствие. А теперь... – Его голос сорвался. Сэйтан стиснул губы и глубоко вздохнул. – Мы принесли вам присягу давным-давно. Даже вы не сможете изменить этого. Делайте с нами все, что вашей душе угодно. – Он помолчал и затем добавил: – И, ведьмочка... мы *не* испытываем благодарности за эту стену.

Не дожидаясь ответа, Сэйтан поспешно вышел из комнаты. В его глазах блеснули слезы.

За спиной раздался тихий плач, полный невыразимой муки.

Он не мог выносить их доброту. Было трудно терпеть сочувствие и понимание. Джеффри подогрел Повелителю бокал ярбараха. Мефис набросил плед отцу на колени. Протвар развел огонь, надеясь хоть немного прогреть комнату, прогнать холод. Андальвар сел рядом, сочувственно помалкивая.

Сэйтан стал дрожать, едва сделав первый шаг в гостиную. Он упал бы на пол, если бы старый друг не подхватил его вовремя и не подвел к креслу. Они не задавали никаких вопросов, и, если не считать хриплого «Не знаю», выведенного сквозь зубы, Повелитель ничего не сказал о том, что случилось, – и о том, что он увидел.

И они приняли это.

Час спустя, почувствовав себя немного лучше, как физически, так и эмоционально, Сэйтан по-прежнему был не в состоянии выносить чрезмерную доброту и навязчивое сочувствие окружающих. И еще большее было знать, что сейчас происходит в том рабочем кабинете.

Неожиданно двери гостиной распахнулись.

На пороге стояла Джанелль, держа в руках поднос с двумя маленькими графинчиками и пятью бокалами. Обе маски были на месте.

– Дрейка сказала, что все вы прячетесь здесь, – произнесла она, словно оправдываясь.

– Мы не то чтобы «прячемся», ведьмочка, – сухо парировал Сэйтан. – И даже в этом случае места в комнате хватит на всех. Не хочешь присоединиться к нам?

Ее ответная улыбка вышла застенчивой и неуверенной, но Джанелль энергичным шагом быстро прошла по комнате и встала возле кресла Сэйтана. Нахмурившись, она снова повернулась к двери:

– Раньше комната была больше.

– Это твои ножки были короче.

– Да, видимо, так вот почему мне так неудобно ходить по лестницам, – пробормотала она, наполняя два бокала из одного графина и три – из другого.

Сэйтан устался на предложенный ему напиток. Желудок свело судорогой.

– Э-э... – протянул Протвар, когда Джанелль раздала остальные бокалы.

– Пейте, – отрезала она. – Вы все в последнее время выглядите утомленными. – Они продолжали колебаться, и девушка еще более резким тоном добавила: – Это всего лишь тоник.

Андульвар покорно сделал первый глоток.

Сэйтан вознес молчаливую благодарность Тьме за то, что эйрианцы всегда с такой охотой бросаются в схватку, и поднес свой бокал к губам.

– А сколько этой штуки ты делаешь зараз, несносная девчонка? – поинтересовался Андульвар.

– А что? – с опаской поинтересовалась Джанелль.

– Видишь ли, ты совершенно права, мы действительно немного вымотались. Возможно, не повредит выпить еще стаканчик попозже.

Сэйтан откашлялся, пытаясь скрыть внезапное беспокойство и дать другим время побороть охватившие их чувства. Одно дело, когда Андульвар сам бросается в битву. Но тащить за собой их всех было совершенно не обязательно.

Джанелль задумчиво взъерошила волосы:

– Он начинает терять свои свойства через час после приготовления, но сделать еще одну порцию чуть позже совсем не сложно...

Андульвар с серьезным видом кивнул:

– Большое спасибо.

Джанелль застенчиво улыбнулась и вышла из комнаты.

Сэйтан подождал немного, чтобы удостовериться, что девушка ничего не услышит, а потом повернулся к Андульвару.

– Ах ты, бессовестный мерзавец! – рявкнул он.

– Я бы сказал, это весьма сдержанный комментарий со стороны человека, которому теперь придется пить по два стакана этой гадости в день, – самодовольно сообщил Андульвар.

– Можно было бы выливать его в горшки, заодно и цветы подкормим... – предположил Протвар, оглядываясь в поисках какой-нибудь растительности.

– Это я уже пробовал, – прорычал Сэйтан. – Дрейка прокомментировала это следующим образом. Если еще хоть один цветок неожиданно погибнет в страшных муках, она попросит Джанелль разобраться, в чем дело.

Андульвар рассмеялся, и четверо мужчин гневно зарычали на него.

– Все полагают, что хейллианцы славятся своей изворотливостью. Зато эйрианцы сыскали славу прямых и честных людей. Поэтому если один из *нас* начинает изворачиваться...

– Ты сделал это только для того, чтобы у Джанелль появилась причина заглядывать к нам иногда, – догадался Мефис, рассматривая содержимое своего бокала. – Я безмерно тебе благодарен за это, Андильвар, но неужели нельзя было...

Сэйтан вскочил с кресла:

– Тоник же теряет свойства через час после изготовления!

Андильвар поднял бокал над головой.

– Именно.

Повелитель Ада улыбнулся:

– Если мы будем оставлять половину каждой порции на потом, ожидая, когда большая часть целебных свойств успеет исчезнуть, а потом смешаем его со свежей порцией...

– То получим неплохой тоник, который вполне можно пить, – закончил Джеффри, явно довольный таким поворотом событий.

– Если она узнает об этом, то убьет нас всех на месте, – проворчал Протвар.

Сэйтан иронично поднял бровь:

– Учитывая все обстоятельства, мой дорогой демон, боюсь, сейчас слишком поздно беспокоиться об этом. Ты так не считаешь?

На лице Протвара появился легкий румянец.

Сэйтан взглянул на Андильвара, сузив золотистые глаза:

– Но мы же узнали о том, что он теряет свойства через час, только *после* того, как ты попросил добавки.

Эйрианец пожал плечами:

– Большую часть лекарственных отваров необходимо принимать непосредственно после изготовления. Стоило рискнуть. – Он улыбнулся Сэйтану с надменностью, на которую были способны только эйрианские мужчины. – Как бы то ни было, если ты собираешься признать, что боишься за сохранность своих яиц...

Ответ был колким, лаконичным и весьма непристойным.

– Значит, никаких проблем, верно? – отозвался Андильвар.

Они взглянули друг на друга. В двух парах золотистых глаз отразилась память о долгих веках дружбы и соперничества – и понимание. Они подняли бокалы, ожидая, когда остальные присоединятся к тосту.

– За Джанелль, – произнес Сэйтан.

– За Джанелль, – хором отозвались остальные.

Они одновременно вздохнули и наполовину осушили бокалы.

7. Кэйлеер

Сэйтан с легким беспокойством смотрел на огни Риады – самого большого поселения Крови в Эбеновом Рихе и ближайшего к Цитадели, – мерцающие в окутанной тьмой долине, словно пойманные звездные лучи.

Он сегодня наблюдал за рассветом. Нет, более того. Сэйтан стоял в одном из маленьких садиков и чувствовал солнечное тепло на своем лице. Впервые за очень много веков, которым Повелитель давным-давно утратил счет, он не ощутил резкой, пронзительной боли в висках, от которой желудок словно завязывался в узел. Эта мигрень была напоминанием о том, как далеко он ушел от живых. Но сила его не ослабла ни на йоту.

Он был так же силен сейчас, как в те годы, когда только стал Хранителем, едва начав ходить по тонкой грани, отделяющей мертвых от живых.

Это сделала Джанелль – и ее тоник. Но причина была не только в этом.

Сэйтан успел забыть, какое удовольствие может приносить еда, и в последние несколько дней искренне наслаждался несколькими кусочками говядины и молодой картошки или жареной курицы и свежих овощей. Он забыл, как целителен сон, не похожий на полубодствование, которым приходилось довольствоваться Хранителям на протяжении дня.

Забыл он и о том, как гложет голод или какой беспорядок царит в голове человека, достигшего крайней усталости.

За все нужно платить.

Он осторожно улыбнулся Кассандре, которая тоже подошла к окну.

– Ты сегодня великолепно выглядишь, – произнес Сэйтан, обводя взглядом длинное черное платье, кружевную изумрудную шаль и рыжие, словно припорошенные пылью волосы, собранные в высокую прическу.

– Какая жалость, что Гарпия не удосужилась одеться соответственно случаю, – колко отозвалась Кассандра и сморщила нос. – Ей следовало бы, по крайней мере, нацепить что-нибудь на шею.

– А тебе следовало бы воздержаться от комментариев и предложений одолжить ей платье с высоким воротом, – столь же ядовито отозвался Сэйтан. Он стиснул зубы, пытаясь сдержать рвущиеся с языка слова. Тишьян не нужен защитник, особенно после ее презрительного замечания о не в меру тонких чувствах и заносчивых слабонервных ведьмах из высшего общества.

Он наблюдал за тем, как в Риате один за другим гаснут огни.

Кассандра глубоко вздохнула.

– Все должно быть совсем не так, – тихо произнесла она. – Черный Камень не может достаться кому-то по Праву рождения. Я сама стала Хранительницей только потому, что наивно полагала, будто следующей Ведьме понадобится друг, человек, способный помочь ей понять, чем она станет, принеся Жертву Тьме. Однако то, что произошло с Джанелль, изменило ее так сильно, что она никогда не сможет быть нормальной.

– Нормальной? А что, по-вашему, «нормально», леди?

Кассандра бросила выразительный взгляд в другой конец комнаты, где Андальвар, Протвар, Мефис и Джеффри пытались вовлечь Тишьян в разговор и вместе с тем держаться от нее на подобающем расстоянии.

– Джанелль отпраздновала свой пятнадцатый день рождения. Вместо шумной вечеринки с юными хохочущими подругами она провела вечер с демонами, Хранителями – и Гарпией. Неужели ты действительно считаешь, что это абсолютно нормально?

– Я слышал все это и раньше, – проворчал Сэйтан. – И мой ответ не изменился: да, для Джанелль это действительно нормально.

Кассандра пристально посмотрела на него, а затем тихо произнесла:

– Да, ты и впрямь так считаешь, верно?

Комнату на миг заволокло красным туманом, но Повелитель сумел обуздать свой гнев.

– И что это должно значить?

– Ты стал Повелителем Ада, оставаясь при этом живым. Тебе бы и в голову не пришло, что это странно – играть с *килдру дьятэ*, обучаться у Гарпии правильному поведению с мужчинами...

Сэйтан со свистом выдохнул сквозь стиснутые зубы.

Предвидя ее приход, ты назвала ее дочерью моей души. Но это были просто слова, не так ли? Таким образом ты хотела убедиться, что я действительно стану Хранителем, моя сила будет в полном твоём распоряжении и ее хватит, чтобы уберечь твою ученицу, юную ведьмочку, которая будет сидеть у твоих ног и с благоговением ловить каждое слово, наслаждаясь вниманием Ведьмы, носящей Черный Камень. Только получилось совсем не так. Пришедшая Ведьма действительно стала дочерью моей души, она ни перед кем не преклоняется и не сидит ни у чьих ног.

– Может, она ни перед кем и не преклоняется, – холодно произнесла Кассандра, – зато у нее никого нет. – Голос ее немного смягчился, и она добавила: – И поэтому мне очень ее жаль.

«У нее есть я!» – огрызнулся про себя Сэйтан.

Колкий, резкий взгляд Кассандры поразил его в самое сердце.

Да, у Джанелль был он. Князь Тьмы. Повелитель Ада. И именно по этой причине, больше, чем по какой-либо другой, Кассандра жалела ее.

– Нам следует присоединиться к остальным, – бросил Сэйтан, неохотно предлагая даме руку. Несмотря на бушующую в нем ярость, Повелитель попросту не смог повернуться спиной к женщине.

Кассандра начала было отнекиваться, не желая принимать его любезность, однако, заметив, что Андальвар и Тишьян бросают на них холодные взгляды, сдалась.

– Дрейка хочет поговорить с нами, – сообщил Андальвар, как только они приблизились, и сразу же отошел в сторону, расправляя крылья, словно подыскивал подходящее местечко для схватки.

Сэйтан понаблюдал за ним еще несколько мгновений, а затем начал укреплять собственную защиту. Они были очень разными, однако Повелитель всегда доверял предчувствиям старого друга, с уважением относясь к его инстинктам.

Дрейка вошла в комнату медленно и очень спокойно. Руки ее, как всегда, были спрятаны в длинных рукавах мантии. Она подождала, пока все усядутся и будут готовы уделить ей безраздельное внимание, а затем пригвоздила Сэйтана к месту холодным взглядом.

– Леди иссполнилось пятнадцать ссегодня, – прошипела она.

– Да, – осторожно согласился Повелитель, не понимая, к чему Сенешаль клонит.

– Она осталась довольна нашими маленькими подношениями.

Иногда было сложно уловить интонации в бесстрастном шипении Дрейки, но эти слова больше походили на утверждение, чем на вопрос.

– Да, – согласился Сэйтан. – Полагаю, что так.

Долгое молчание.

– Пришла пора ей покинуть Цитадель. Ты – ее ззаконный опекун. Ты все уладишь.

Сэйтан почувствовал, как сжимается горло. Мышцы шеи конвульсивно напряглись и не желали расслабляться.

– Я обещал Джанелль, что она сможет оставаться здесь столько, сколько захочет.

– Леди пора уходить. Она будет жжить ссс тобой в Ззале Ссса-Дьябло.

– Я могу предложить другой вариант, – поспешно вмешалась Кассандра, уперев руки в бока. Она даже не взглянула в сторону Повелителя. – Джанелль может жить со мной. Все знают, кто такой Сэйтан и что он собой представляет, но я-то...

Тишьян развернулась в кресле:

– Ты что, на самом деле считаешь, будто никто в Царстве Теней не знает, что ты тоже Хранительница?! Неужели ты искренне веришь в то, что нелепый маскарад, когда ты старательно корчишь из себя живую, может хоть кого-то одурачить?!

В глазах Кассандры вспыхнул гнев.

– Я всегда была осторожна...

– Ты всегда была лгуньей. А Повелитель, по крайней мере, никогда и не скрывал своей сущности.

– Но он же Повелитель – в том-то и дело!

– Дело в том, что ты хочешь воспользоваться Джанелль точно так же, как Геката! Отлить форму по своему выбору и наполнить ее тем, чем считаешь нужным, вместо того, чтобы позволить девочке просто быть собой!

– Да как ты смеешь так говорить со мной?! Я – Королева, носящая Черный Камень!

– Ты же не моя Королева, – ехидно осадил ее Гарпия.

– *Леди*. – Голос Сэйтана больше походил на далекий раскат грома. Сделав над собой усилие и взяв себя в руки, Повелитель вновь повернулся к Дрейке.

– Она будет жжжить в Зззале, – твердо произнесла та. – Это решшено.

– Раз уж ты не удосужилась обсудить этот вопрос с кем-либо из нас, может, скажешь, *кто* принял такое решение? – резко поинтересовалась Кассандра.

– Лорн решил.

Сэйтан забыл, что нужно дышать.

Огни Ада, Мать-Ночь, и пусть Тьма будет милосердна!

Никто не осмелился возразить. Они боялись издать хоть один звук.

Сэйтан запоздало заметил, что у него дрожат руки.

– А я могу поговорить с ним? Есть кое-что, чего он, возможно, не знает о...

– Он ззнает все, Повелитель.

Верховный Жрец Песочных Часов пораженно уставился на Сенешаля Эбенowego Аскави.

– Время вашей встречи еще не пришло, – размеренно прошипела Дрейка. – Но оно насстанет. – Она слегка склонила голову. Это был редкий знак уважения, которым она почти никогда никого не одаривала. За исключением, возможно, Джанелль.

Они наблюдали за тем, как Сенешаль плавной, змеиной походкой скользит к выходу, и еще долго прислушивались к эху шагов, пока и оно не стихло.

Андальвар шумно выдохнул.

– Когда она хочет подрезать кому-то поджилки, то с выбором ножа не промахивается.

Сэйтан склонил голову на спинку кресла и прикрыл глаза.

– Да уж, это точно.

Кассандра закуталась в шаль и грациозно поднялась с кресла, не глядя на присутствующих.

– Если вы извините меня, я, пожалуй, пойду.

Все поспешно встали и пожелали Королеве доброй ночи.

Вскоре и Тишьян собралась уходить. Однако на полпути она обернулась и криво улыбнулась Сэйтану:

– Возможно, жить в Зале с Джанелль будет нелегко, Повелитель, но совсем не по тем причинам, о которых вы думаете сейчас.

– Мать-Ночь, – только и ответил Сэйтан. Затем он повернулся к оставшимся в комнате мужчинам.

Мефис прочистил горло.

– Будет не так-то просто сообщить несносной девчонке, что она должна покинуть Цитадель. Ты вовсе не обязан делать это в одиночестве.

– Обязан, Мефис, – утомленно произнес Сэйтан. – Я обещал ей. Значит, именно я должен сообщить о том, что слово придется нарушить.

Он пожелал всем доброй ночи и медленно направился прочь по каменным коридорам Цитадели. Вскоре Сэйтан стоял у подножия лестницы, ведущей наверх, в покои Джанелль. Однако, вместо того чтобы не мешкая подняться по ступенькам, он привалился к стене, дрожа всем телом.

Он обещал Джанелль, что она сможет пробыть здесь столько, сколько пожелает. Он *обещал* ей.

Но Лорн решил по-другому.

* * *

Было уже далеко за полночь, когда Сэйтан наконец нашел Джанелль в маленьком огороженном садике, примыкавшем к ее покоям. Девушка сонно улыбнулась ему и протянула руку. Сэйтан благодарно сжал ее пальчики.

– Замечательный был праздник, – произнесла Джанелль, когда они неспешно двинулись по тропинке. – Я очень рада, что ты пригласил Чара и Тишьян. – Она помолчала немного и добавила: – Правда, мне очень жаль, что Кассандре так трудно с этим смириться.

Сэйтан задумчиво посмотрел на нее.

Джанелль только пожала плечами в ответ.

– И что именно ты услышала?

– Подслушивать очень некрасиво, – чопорно отозвалась она.

– Дипломатичный ответ, который на самом деле лишь помогает уклониться от сути, – сухо прокомментировал Сэйтан.

– Я вообще ничего не слышала. Я просто *почувствовала*, что вы ссоритесь.

Повелитель подошел ближе к приемной дочери. От нее исходил нежный аромат диких цветов, прогретых солнцем полей и поросших папоротником родников. Этот запах был диким, едва уловимым и зачаровывал мужчину просто потому, что не был предназначен для этого.

Он помогал расслабиться – и вместе с тем возбуждал.

Даже зная, что это нормальная реакция Верховного Князя на присутствие Королевы, подавить которую до конца он никогда не сможет, даже понимая, что никогда не пересечет границу между привязанностью отца и страстью любовника, Сэйтан устыдился пережитых чувств.

Он взглянул на нее, желая получить прямо сейчас напоминание о том, что перед ним совсем юная девушка, его дочь. Однако в его глаза смотрела Ведьма, чья рука так крепко стиснула его пальцы, что он не сумел разорвать физическую связь.

– Полагаю, даже мудрый человек иногда ведет себя как глупец, – полуночным, глубоким голосом произнесла Ведьма.

– Но я никогда бы... – Его голос сорвался. – Ты же знаешь, что я бы никогда...

В этих древних, призрачных глазах он заметил веселый блеск.

– Да, *я-то* знаю. А ты? Ты ведь обожаешь женщин, Сэйтан. И так было всегда. Ты наслаждаешься их присутствием. Тебе нравится прикасаться к ним... – И она подняла их соединенные руки.

– С тобой все иначе. Ты – моя дочь.

– Поэтому ты и впредь будешь держаться подальше от Ведьмы? – грустно спросила она.

Он обхватил девушку руками и обнял так, что она придушенно пискнула.

– Никогда, – с яростной убежденностью произнес Повелитель.

– Папа... – слабо позвала Джанелль. – Папа, мне нечем дышать...

Он поспешно ослабил хватку, но и не подумал отпустить девушку.

Тихие ночные звуки заполнили сад. Нежно вздыхал весенний ветер.

– Ты сегодня такой из-за Кассандры, да? – проникательно спросила Джанелль.

– Отчасти, – честно отозвался Сэйтан, прижавшись щекой к густым волосам девушки. –

Нам придется покинуть Цитадель.

Ее тело так напряглось, что он невольно вздрогнул.

– Почему? – наконец произнесла Джанелль, отстранившись немного и пристальным взглядом изучая его лицо.

– Потому что Лорн решил, что нам следует жить в Зале.

– О... – протянула девушка. – Что ж, неудивительно, что ты в таком настроении.

Сэйтан рассмеялся:

– Да уж. Он знает, как лишить человека права на выбор. – Он нежно убрал выбившийся из прически локон с лица своей дочери. – Я действительно очень хотел бы жить вместе с тобой в Зале. Я очень этого хочу, поверь. Но если ты бы предпочла остаться в каком-нибудь другом месте или не хочешь сейчас покидать Цитадель, я не побоюсь вступить с ним в противоборство.

Ее глаза удивленно расширились.

– Ой, какой ужас! Это не самая лучшая идея, Сэйтан. Он *гораздо* больше тебя.

Сэйтан попытался сглотнуть.

– Это меня не остановит.

– Ой... – Она сделала глубокий вдох. – Давай лучше попробуем пожить в Зале.

– Спасибо, ведьмочка, – слабо произнес он.

Джанелль обняла его за пояс:

– Ты выглядишь усталым.

– Что ж, в таком случае я выгляжу гораздо лучше, чем чувствую себя, – произнес он, обнимая Джанелль за плечи. – Пойдем, ведьмочка. Следующие несколько дней будут суматошными, так что обоим нужно как следует отдохнуть.

8. Кэйлеер

Сэйтан открыл дверь Зала Са-Дьябло и оказался в средоточии хаоса.

Повсюду сновали горничные. Лакеи перетаскивали мебель из одной комнаты в другую, причем принцип их действий для Повелителя был покрыт мраком. То и дело пробежали садовники с охапками свежих цветов.

В самом центре большого зала стоял дворецкий, Беале, носящий Красный Камень. В руках он держал *очень* длинный список, управляя нескончаемым потоком людей и отдавая множество распоряжений.

Несколько сбитый с толку, Сэйтан направился к нему, надеясь получить объяснение происходящему. Однако, едва сделав пять шагов, он сообразил, что в царящей вокруг суматохе движущееся препятствие в его лице в расчет не принималось. То и дело в него врезались горничные, выражение лица которых быстро сменялось с раздраженного на почтительное, стоило только узнать в нем господина, хотя отрывистое «Извините, Повелитель» граничило с грубостью.

Наконец добравшись до Беале, Сэйтан резко ткнул его в плечо.

Беале покосился назад, увидел будто окаменевшее лицо Повелителя и поспешно опустил руки. За этим тут же последовал грохот, чей-то плач и возмущенный крик горничной:

– Только посмотри, что ты наделал!

Беале смущенно кашлянул, поспешно оправляя жилет, и принял невозмутимый вид, приличествующий дворецкому. Общее впечатление портили только покрасневшие щеки.

– Скажи-ка мне вот что, Беале, – проворковал Сэйтан. – Ты знаешь, кто я?

Тот удивленно моргнул:

– Вы – Повелитель, Повелитель.

– О, это просто замечательно. Раз уж ты меня узнаешь, значит, я не утратил человеческого облика.

– Повелитель?

– Вроде бы я не похож на торшер или, скажем, горшок, поэтому никто не пытается запихать меня в дальний угол и засунуть пару свечей в уши. И вряд ли меня можно перепутать с письменным столом, который нужно привязать к стулу, чтобы я не успел слишком далеко сбежать.

Глаза Беале полезли из орбит, но он быстро оправился от удивления.

– Нет, Повелитель. Вы выглядите точно так же, как вчера.

Сэйтан скрестил руки на груди и неспешно обдумал этот ответ.

– В таком случае, как ты полагаешь, если я сейчас отправлюсь в свой кабинет и останусь там, то смогу избежать смахивания пыли, нанесения полироли и прочих, несомненно, полезных в хозяйстве процедур?

– О да, Повелитель! Ваш кабинет был приведен в порядок сегодня утром.

– Надеюсь, я его хотя бы узнаю? – пробормотал Сэйтан. Он поспешно направился в свой кабинет и вздохнул с облегчением, увидев, что мебель совсем не изменилась и стоит на своих местах.

Сняв длинный черный пиджак, он небрежно бросил его на спинку стула, а затем опустился в огромное кожаное кресло за письменным столом и закатал рукава белой шелковой рубашки. Глядя на закрытую дверь кабинета, он покачал головой, но его золотистые глаза приняли несвойственный им теплый оттенок, а легкая улыбка выразила понимание. В конце концов, он сам был причиной этого переполоха, сообщив слугам новость заранее.

Завтра Джанелль вернется домой.

Глава 4

1. Ад

– Этот ублюдочный сын блудливой шлюхи что-то замышляет, я знаю!

Решив, что будет лучше промолчать, Грир откинулся на спинку кресла, покрытую запла-
тами, наблюдая за тем, как Геката меряет комнату шагами.

– На протяжении двух очень, очень славных лет он никуда не высовывался, его не видели ни в Аду, ни в Кэйлеере. Его сила медленно, но верно угасала. Я *знаю* это! А теперь он неожиданно вернулся и поселился в Зале в Кэйлеере. *Поселился!* Ты знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз появлялся в одном из Королевств, населенных живыми?

– Тысяча семьсот лет? – предположил Грир.

Геката замерла на месте и медленно кивнула:

– Верно. Тысяча семьсот лет. Ноги его не было ни в Террилле, ни в Кэйлеере с того самого дня, как Деймона Сади и Люцивара Яслану забрали у него. – Она закрыла глаза и мстительно улыбнулась. – Как он, должно быть, выл от горя, когда Доротея отказала ему в праве отцовства над Сади во время Церемонии, устанавливающей Право рождения! Но старый дурак ничего не смог бы сделать, не пожертвовав своей бесценной честью! Поэтому он уполз оттуда, скуля, как побитая собака, утешая себя мыслью о том, что у него есть еще один ребенок, на которого Черные Вдовы Хейллия не могли претендовать! – Геката обхватила себя руками и открыла глаза. – Но Притиан уже успела побеседовать с мамашей и скормила ей огромное количество полуправды, которой можно смело пугать тех, кто ничего не знает о Хранителях. Это был едва ли не единственный правильный поступок этой бескрылой дуры! – Выражение удовольствия быстро исчезло с ее лица. – Так почему Сэйтан вернулся сейчас?

Грир, поразмыслив немного, покачал головой.

Геката задумчиво постучала кончиками пальцев по подбородку:

– Неужели он нашел замену своей маленькой игрушке? Или же наконец решил превратить Демлан в пастбище, где много вкусной свежей крови? Или дело в чем-то другом?..

Она направилась к Гриру, соблазнительно покачивая бедрами и кокетливо улыбаясь. Тому оставалось только пламенно сожалеть о том, что он не знал эту женщину в те времена, когда был способен не просто оценить намек.

– Грир, – ласково протянула она, обхватив его за шею и прижавшись к нему соблазнительной грудью. – Я хотела попросить тебя об одном маленьком одолжении.

Тот с беспокойством ждал продолжения. Кокетливая улыбка Гекаты стала жестче.

– Что, твои яйца уже успели скукожиться и ты боишься рискнуть, ми-и-ильный?

В глазах Грира вспыхнул гнев, но он сумел быстро подавить его.

– Ты хочешь, чтобы я отправился в Зал в Кэйлеере?

– И рискнуть тобой? Я ведь могу потерять тебя, – надулась Геката. – Нет, милый, нет никакой необходимости отправляться в тот мерзкий Зал. У нас есть преданный союзник, живущий неподалеку – в Хэлавэе. Ему нет равных в получении и анализе необходимых сведений. Побеседуй с ним. – Поднявшись на цыпочки, она легонько поцеловала Грира в губы. – Я думаю, он тебе понравится. Вы очень похожи.

2. Кэйлеер

Беале распахнул дверь кабинета.

– Леди Сильвия, – объявил он и отступил в сторону, пропуская Королеву Хэлавэя.

Встретив женщину в центре комнаты, Сэйтан протянул в знак приветствия обе руки, ладонями вниз.

– Леди.

– Повелитель, – отозвалась она, поднеся к его рукам свои, ладонями вверх, оставляя запястья незащищенными. Это было традиционное формальное приветствие.

Сэйтан сумел сохранить нейтральное выражение лица, но не без удовольствия ощутил давление на его руки снизу – легкое напоминание о том, что стоящая перед ним Королева обладает немалой силой. Некоторых Королев сильно задевала необходимость смириться с тем, что Демлан в Террилле и Кэйлеере остается под властью мужчины, свободный от посягательств Хейллы. О да, их оскорбляла необходимость подчиняться Повелителю, а не Королеве Края. Разумеется, большинство правительниц никогда не понимали, что он по-своему всегда служил Королеве. Он всегда служил Ведьме.

К счастью, Сильвия не являлась одной из них.

Эта женщина была первой Королевой, рожденной в Хэлавэе с тех пор, как Провинцией правила ее прапрабабушка. Она была гордостью небольшого поселения. На следующий день после создания собственного двора Сильвия лично явилась в Ад и с холодной вежливостью сообщила Сэйтану о том, что Хэлавэй, возможно, и существует для того, чтобы служить Залу, но тем не менее это ее земля и ее народ. Если Повелителю будет угодно получить что-либо от людей или Провинции, она сделает все, что будет в ее скромных силах, дабы удовлетворить его просьбу – разумеется, если таковая не выйдет за грани разумного.

Сейчас же Сэйтан одарил гостью теплой, но настороженной улыбкой и повел в ту часть кабинета, которая была обставлена менее официально и больше подходила для доверительной беседы.

Увидев, что Королева опустилась на краешек мягкого кресла, Сэйтан устроился на диванчике, обтянутом черной кожей. Их разделял низкий столик из черного дерева. Повелитель поднял графин с ярбароком, налил немного в один из бокалов из дымчатого, почти непрозрачного воронова стекла и медленно подогрел его над язычком колдовского огня, а затем предложил гостье.

Как только она приняла бокал из его рук, Сэйтан все свое внимание уделил собственной порции. В противном случае он рисковал оскорбить Королеву неуместным смехом – вероятно, похожее выражение появлялось в последний раз на ее лице, когда один из сыновей попытался всучить ей огромного, уродливого жука, которого только маленький мальчик мог найти красивым.

– Кровь ягненка, – мягко пояснил Повелитель, откинувшись на спинку кресла и положив ногу на ногу.

– О! – Женщина робко улыбнулась. – Это вкусно?

Голос Сильвии становился хриплым, когда она волновалась, не без нотки веселья заметил про себя Сэйтан.

– Да, вино неплохое. И полагаю, придется вам по вкусу куда больше, нежели человеческая кровь. Вы ведь опасались, что с вином смешали именно ее...

Она сделала осторожный глоток, изо всех сил стараясь не подавиться.

– К вкусу необходимо немного привыкнуть, – невозмутимо заметил Сэйтан. Интересно, Джанелль уже пробовала кровавое вино? Если нет, нужно будет как можно быстрее исправить это упущение. – Должен признаться, вы пробудили мое любопытство. – Он теперь говорил совсем другим тоном – вкрадчивым, успокаивающим. – Очень немногие Королевы добровольно явились бы на аудиенцию ко мне в полночь, не говоря уже о том, чтобы потребовать ее.

Сильвия осторожно поставила кубок на стол, а затем прижала руки к коленям.

– Мне было необходимо встретиться с вами тайно, Повелитель.

– Почему?

Сильвия облизнула пересохшие губы, сделала глубокий вдох и посмотрела Сэйтану в глаза.

– В Хэлавэе что-то неладно, Повелитель. Не могу объяснить... Это нечто неуловимое. Я чувствую... – Она нахмурилась и покачала головой, обеспокоенная.

Сэйтану очень захотелось протянуть руку и разгладить морщинку, появившуюся между красиво очерченными бровями.

– Что именно вы чувствуете?

Сильвия прикрыла глаза.

– Лед на реке посреди лета. Силы земли иссякают. Урожай гниет в полях. Ветер доносит запах страха, но я никак не могу определить его источник. – Женщина открыла глаза и застенчиво улыбнулась. – Простите меня, Повелитель. Мой предыдущий Консорт часто говорил, что мои объяснения больше похожи на бессвязный бред.

– Вот как? – слишком тихо и мягко произнес Сэйтан. – В таком случае, боюсь, у вас был неподходящий Консорт, леди. Потому что я понял вас даже слишком хорошо. – Он осушил вино и с чрезмерной осторожностью опустил свой кубок на стол. – Кто среди ваших людей страдает больше всего?

Сильвия сделала глубокий вдох:

– Дети.

Комнату напомнило гневное рычание. Только когда Королева нервно оглянулась на дверь, Сэйтан сообразил, что звук вырвался из его собственных губ. Он поспешно взял себя в руки, но сладостный ледяной гнев никуда не делся. Сделав неровный вдох, он попятился от убийственной пропасти. Еще шаг – и контроля как не бывало.

– Прошу меня извинить.

Не дав Королеве времени придумать какой-нибудь предлог поспешно ретироваться, Сэйтан вышел из кабинета, приказал принести закуски и еще несколько минут мерил шагами большой зал, заставляя себя успокоиться. К тому времени, как он присоединился к своей гостье, Беале уже принес чай и поднос с маленькими тонкими сэндвичами.

Сильвия вежливо отказалась от бутербродов и не притронулась к чаю, который Сэйтан собственноручно разлил по чашкам. Ее очевидное беспокойство стало раздражать. Повелитель ненавидел это выражение в глазах женщин.

Сильвия облизнула губы. Ее голос стал совсем хриплым, почти утратив мелодичность.

– В конце концов, это я Королева. Значит, и проблема тоже моя. Мне не следовало беспокоить вас, Повелитель.

Сэйтан с такой силой опустил чашку, что блюдце расколосось надвое. Он вскочил с кресла и отошел подальше, чтобы продолжить мерить шагами кабинет, а заодно не дать Королеве добраться до двери.

Это не должно иметь ни малейшего значения. Давно пора привыкнуть. Если бы она боялась его с того самого момента, как вошла в комнату, Сэйтан как-нибудь это пережил бы. Однако она *не* боялась. Будь Сильвия проклята, она *не* боялась его!

Повелитель резко развернулся, не приближаясь к женщине. Их по-прежнему разделяло кресло с высокой спинкой и стол.

– Я никогда не причинял вреда ни вам, ни вашему народу, – рявкнул он. – Я использовал свою силу, Ремесло, Камни – да, в том числе и гнев – с одной-единственной целью – защитить Демлан. Даже когда меня не было здесь, я ни на миг не прекращал беспокоиться о вас. Есть много вещей – включая очень, очень личные, – которые я мог бы потребовать от вас или любой другой Королевы в этом Краю, но я никогда, ни разу не предъявлял подобных требований. Я взял на себя ответственность, согласившись править Демланом, но я никогда, будьте вы прокляты, *никогда* не злоупотреблял своим положением или властью!

Смуглая кожа Сильвии постепенно теряла здоровый оттенок. Сэйтан заметил, что пальцы женщины задрожали, когда она поднесла чашку к губам и робко отхлебнула чай. Вновь опустив ее на блюдечко, Королева выпрямилась и дерзко подняла подбородок.

– Недавно я познакомилась с вашей дочерью и поинтересовалась, не трудно ли ей уживаться с вами и терпеть ваш нрав. Она была искренне озадачена этим вопросом и спросила: «Какой еще нрав?»

Сэйтан молча уставился на гостью, чувствуя, как исчезает гнев. Он потер затылок и сухо произнес:

– Да, Джанелль всегда отличалась своеобразным взглядом на многие вещи.

Прежде чем он успел призвать Беале, чайник и грязные чашки исчезли. На их месте появился свежий чай, чистые приборы и тарелка с пирожками.

Сэйтан подозрительно покосился на дверь и вернулся к дивану. Он налил чай для Сильвии и наполнил свою чашку.

– Он и тогда не принес их, – тихо произнесла Королева.

– Да, я заметил, – отозвался Сэйтан – и невольно задумался о том, насколько близко к двери стоял его дворецкий. Повелитель поспешно оградил комнату заглушающим щитом.

– Возможно, он боится вас.

Сэйтан только невежливо фыркнул.

– Человек, счастливо женатый на миссис Беале, не боится ничего и никого – включая меня.

– Кажется, я поняла, на что вы намекаете. – Сильвия взяла сэндвич с тарелки и принялась есть.

С облегчением отметив, что на ее лицо вновь вернулись краски и женщина больше не боится его, Сэйтан поднял свою чашку и откинулся на спинку кресла.

– Я выясню, что происходит в Хэлавэе. И остановлю это. – Он нерешительно посмотрел на Сильвию и сделал маленький глоток чаю. Сэйтан уже знал, что этот вопрос необходимо задать. – Когда все началось?

Сильвия одарила его неприязненным взглядом:

– Ваша дочь здесь ни при чем, Повелитель. Я встретила ее однажды, когда гуляла с Микелом, моим младшим сыном. Но я знаю, что девушка здесь ни при чем. – Она покрутила чашку в руках, снова забеспокоившись. – Однако, возможно, именно она послужила причиной. Хотя, наверное, будет правильнее сказать, что ее присутствие заставило меня заметить неладное.

Сэйтан задержал дыхание. Было нелегко уговорить Джанелль посещать Хэлавэйскую школу на протяжении нескольких недель до начала лета. Он надеялся, что если она начнет общаться с другими детьми, то захочет возобновить старую дружбу – с той же Карлой. Вместо этого Джанелль еще более замкнулась, стала избегать всех. А вежливые вопросы, задаваемые лордом Мензаром, касательно ее образования и обучения этикету – точнее, отсутствия и того и другого – беспокоили Сэйтана еще больше. Однако с того самого дня, как они переехали в Зал, Повелитель начал понимать, что нити, сплетенные им и связывавшие их друг с другом, исчезают едва ли не быстрее, чем он успевает латать дыры. Он не имел ни малейшего представления, почему это происходит. До нынешнего момента.

– Почему?

Сильвия, успевшая погрузиться в размышления, озадаченно уставилась на него.

– Почему именно она послужила причиной?

– О! – Между ровными бровями Сильвии вновь залегла морщинка, когда она сосредоточилась на вопросе. – Джанелль... не похожа на других.

«Не срывайся, – велел себе Сэйтан. – Просто слушай».

– Берон, мой старший сын, учится вместе с вашей дочерью, и мы не раз говорили о ней. Разумеется, ваши семейные дела – не повод для сплетен, но она постоянно удивляет его, и мальчик задает мне много вопросов.

– Почему Джанелль удивляет вашего сына?

Королева вновь взялась за бутерброд и, задумчиво прожевав и проглотив следующий кусочек, ответила:

– Берон говорит, она очень застенчивая. Но если сумеет разговорить ее, Джанелль может рассказать нечто удивительное.

– Да, в это я с легкостью могу поверить, – сухо произнес Сэйтан.

– Иногда, когда она беседует с кем-то или отвечает на уроке, может замолчать в середине предложения, склонив голову набок, словно прислушивается к тому, кого или что остальные не могут уловить. Если это происходит, иногда она продолжает с того самого места, на котором остановилась. Чаще же замыкается в себе и не общается ни с кем до конца дня.

Какие же голоса слышит Джанелль? Кто – или что? – зовет ее?

– Порой во время перемены она уходит от других детей и иногда не возвращается до следующего утра, – сообщила Сильвия.

В Зал она не возвращалась, иначе Сэйтан уже знал бы об этом. И по Ветрам не путешествовала. Он бы с легкостью ощутил ее отсутствие, если бы Джанелль отделилась от деревни. Мать-Ночь, так куда же она девалась? Неужели возвращалась в бездну?

Эта возможность привела его в ужас.

Сильвия снова вздохнула. И еще раз.

– Вчера старшие ученики отправились в путешествие к Марастенским Садам. Вы знаете, где это?

– Огромное поместье на границе с Демланом и Малым Терриллем. Оно славится роскошными садами, подобных которым в нашем Крае нет.

– Именно. – Сильвии, похоже, стало трудно глотать. Она аккуратно вытерла кончики пальцев льняной салфеткой. – По словам Берона, Джанелль отстала от других детей, хотя этого никто не заметил до тех пор, пока не пришла пора уходить. Он отправился на поиски... и обнаружил ее, в слезах стоящую на коленях у дерева. Джанелль копала землю, руки были исцарапаны до крови. – Королева перевела взгляд на чайник, тяжело вздохнув. – Берон помог ей подняться и напомнил о том, что им нельзя забирать с собой растения. А девочка сказала, что посадила его. Когда он спросил почему, она ответила: «В напоминание».

От внезапно разлившегося по венам холода Сэйтан почувствовал, как все тело сводит судорогой, словно кровь превратилась в лед. Но это был не очищающий, обжигающий холод гнева. Он испытывал страх.

– А Берон узнал растение?

– Да. Я показывала ему этот цветок год назад и объяснила, что он означает. Хвала милосердной Тьме, в Хэлавэе они не растут. – Сильвия вновь подняла на Сэйтана взгляд, в котором ясно читалось беспокойство. – Повелитель, она сажала ведьмину кровь.

Почему же Джанелль ничего не сказала ему?

– Если ведьмина кровь зацветет...

Сильвия пришла в ужас:

– Не должна, если только... Она не должна цвести!

Сэйтан очень осторожно подбирал слова, словно боялся рассыпаться от их звуков.

– Я обязательно проверю это поместье. Тайно. И позабочусь о проблеме, возникшей в Хэлавэе.

– Благодарю вас. – Сильвия принялась расправлять складки своего платья.

Сэйтан молча ждал, заставляя себя быть терпеливым. Он хотел остаться в одиночестве, чтобы спокойно обдумать услышанное. Но Сильвию, очевидно, интересовало что-то еще, но она никак не решалась высказаться.

– Вас беспокоит еще что-нибудь?

– По сравнению с уже сказанным это незначительно.

– И все же?

Одним быстрым взглядом Королева окинула его с ног до головы:

– У вас прекрасный вкус в одежде, Повелитель.

Сэйтан потер лоб, пытаясь отыскать связь между ее предыдущим рассказом и этим замечанием.

– Благодарю.

Огни Ада! Каким образом женщинам удастся с такой скоростью перескакивать с одного на другое? Более того, *зачем* они это делают?!

– Но вы, вероятно, не слишком хорошо разбираетесь в модной одежде для молодых леди. – Интонацию Королевы было нельзя счесть вопросительной даже при очень большом желании.

– Если таким деликатным образом вы пытаетесь намекнуть на то, что Джанелль выглядит так, будто весь ее гардероб взят с пыльного чердака, то вы совершенно правы – так оно и было. По-моему, Сенешаль Цитадели опустошила все старые сундуки до единого, позволив моей приемной дочери выбирать все, что придется той по вкусу. – Приятная тема для легкого, ни к чему не обязывающего разговора. Сэйтан с радостью понял, что может немного поворчать. – Я бы, конечно, не возражал, если бы хоть что-то пришлось Джанелль впору... хотя нет, даже в этом случае я бы возражал. Ей совершенно необходима новая одежда.

– В таком случае почему бы вам не отправиться за покупками в Амдарх, один из ближайших городков? Или хотя бы в Хэлавэй?

– Вы считаете, я не пытался?! – воскликнул Сэйтан.

Некоторое время Сильвия молчала, а затем осторожно произнесла:

– Видите ли, у меня двое сыновей. Просто замечательные – для мальчишек, разумеется, – но по магазинам с ними не походишь. – Женщина одарила Повелителя очаровательной улыбкой. – Возможно, если бы две дамы могли встретиться где-нибудь в деревне, пообедать и посетить несколько магазинчиков...

Сэйтан призвал кожаный бумажник и вручил его Сильвии:

– Этого хватит?

Она открыла бумажник, перебрала пальцами тонкие золотые марки и рассмеялась.

– Думаю, этого будет более чем достаточно, чтобы Джанелль обзавелась замечательным гардеробом. Скорее, даже тремя.

Сэйтану понравился звонкий, серебристый смех – и веселые морщинки, прорезавшиеся вокруг глаз.

– И разумеется, часть этого вы потратите на себя.

Сильвия одарила его взглядом, исполненным истинно королевского высокомерия:

– Я вовсе не имела в виду, что потребуется плата за помощь юной Сестре.

– Плату я вам и не предлагал. Однако, если вы чувствуете, что не желаете потратить некоторую сумму себе в удовольствие, сделайте это, чтобы доставить удовольствие мне. – Сэйтан наблюдал за тем, как выражение ее лица изменяется с недовольного на обеспокоенное, и невольно задумался, с какими дураками она жила до этого и почему они не захотели сделать счастливой такую Королеву. – Кроме того, – мягко добавил он, – вы должны подавать пример.

Сильвия заставила бумажник исчезнуть и встала с кресла.

– Разумеется, я предоставлю вам чеки на все покупки.

– Разумеется, – эхом откликнулся Повелитель.

Он проводил женщину в большой зал. Забрав плащ из рук дворецкого, Сэйтан сам набросил его на плечи Сильвии.

Пока они неспешно шли к двери, Королева задумчиво изучала резные деревянные панели, чередующиеся с литыми вставками, которые украшали стены у самого потолка.

– Я была здесь всего лишь пять или шесть раз, если не ошибаюсь. Честно признаться, раньше не обращала внимания на эти панели. – Она помолчала, а затем вкрадчиво продолжила: – Резчик, судя по всему, человек весьма одаренный. Скажите, а наброски всех этих странных существ тоже выполнял он?

– Нет. – Сэйтан скривился, услышав обиженные нотки в своем голосе.

– Значит, наброски вашего авторства... – Сильвия с куда большим интересом пригляделась к резьбе, с трудом подавив смехок. – Боюсь, резчик немного пошалил, испортив один из ваших набросков, Повелитель. У этого чудовища, что висит прямо напротив входа, глаза сведены к носу и высунут язык. К сожалению, он расположен именно в том месте, где любой гость может его заметить. По всей видимости, он не слишком высокого мнения о посетителях Зала. – Сильвия остановилась и изучила Сэйтана с интересом, не уступавшим тому, с каким она смотрела на резное чудовище. – Впрочем, судя по всему, резчик не внес ничего своего, верно?

Сэйтан ощутил, как к щекам прилила кровь, и с трудом подавил готовое вырваться рычание.

– Нет.

– Ясно, – после непродолжительного молчания изрекла Сильвия. – Это был весьма интересный вечер, Повелитель.

Не зная, как понимать это замечание, Сэйтан проводил женщину и помог ей сесть в карету с излишней торопливостью, которую легко можно было назвать нарушением этикета.

Когда скрип колес наконец стих вдали, Повелитель вернулся к открытым дверям, жалея, что нельзя откладывать следующий разговор. Однако Джанелль была больше расположена к беседе в ночные часы, смелее открывая свою душу, пока тело прячется во мраке...

Резкий звук привлек его внимание. Задержав дыхание, Сэйтан повернулся к лесу, подступающему к Залу с северной стороны и граничащему с садами и лужайками имения. Он подождал немного, но странный звук не повторился.

– Ты слышал это? – спросил он Беале, стоявшего в дверях.

– Что именно, Повелитель?

Сэйтан покачал головой:

– Ничего. Вероятно, один из деревенских псов забрел слишком далеко от дома.

Она еще не легла спать – гуляла в саду, примыкавшем к ее комнатам.

Сэйтан неспешно направился к маленькому водопаду в центре маленького прудика, располагавшемуся посреди зарослей, позволив девушке заранее ощутить его присутствие и вместе с тем не нарушить молчание. Здесь было приятно побеседовать, потому что свет, льющийся из окон ее спальни на втором этаже, не достигал поверхности воды.

Сэйтан устроился поудобнее на краю маленького бассейна и позволил покою тихой летней ночи проникнуть в свою душу. Журчание воды исподволь заставляло расслабиться. Ожидая Джанелль, он лениво коснулся воды кончиками пальцев и улыбнулся.

Сэйтан разрешил приемной дочери обустроить этот внутренний садик в полном соответствии с ее вкусом. В первую очередь исчез скучный, невыразительный фонтан. Глядя на кувшинки, лилии и карликовые камыши, которые Джанелль посадила в бассейне, и папоротники, растущие вокруг, Сэйтан невольно задумался, какого эффекта Джанелль пыталась добиться – сделать это место больше похожим на лесную полянку или же воссоздать садик, который она некогда знала.

– Неужели, по-твоему, это совсем не подходит этому особняку? – спросила Джанелль. Ее голос донесся из тени.

Сэйтан погрузил руку в бассейн и зачерпнул пригоршню воды, наблюдая за тем, как тонкие струйки сбегают вниз, просачиваясь сквозь пальцы.

– Нет, напротив. Честно говоря, очень жалею, что сам не додумался до этого раньше. – Стряхнув с ладоней капли воды, Сэйтан наконец взглянул на девушку.

Темное платье, которое Джанелль надела сегодня, сливалось с окружающими их тенями, создавая странное впечатление, будто ее лицо, обнаженное плечо и золотистые волосы появились среди ночной тьмы сами по себе и у этой странной скульптуры не было тела.

Он отвел взгляд, вновь устремив его на воду, но вместе с тем не мог не ощущать присутствие приемной дочери.

– Мне нравится слушать, как поет вода, встречаясь с камнем, – доверительно сообщила Джанелль, подойдя чуть ближе. – Этот звук успокаивает.

«К сожалению, даже он не может подарить тебе покой, ведьмочка. Какие призраки продолжают мучить тебя?» – подумал Сэйтан, слушая журчание воды. Он слегка повысил голос, чтобы его звуки не нарушали гармонии.

– Ты когда-нибудь раньше сажала ведьмину кровь?

Джанелль так долго молчала, что Сэйтан решил: она не собирается отвечать на этот вопрос. Однако девушка произнесла глубоким полуночным голосом, от которого у Повелителя по спине всегда бежали мурашки.

– Да, я сажала эти цветы.

Почувствовав по краткости ответа, что он вновь приближается к так и не зажившей душевной ране и тайнам Джанелль, Сэйтан, снова погрузив пальцы в воду, тихо спросил:

– Скажи, а он будет цвести в Марастенских Садах?

Последовала долгая пауза.

– Он будет цвести.

Это означало, что там похоронена ведьма, умершая насильственной смертью.

«Тяни за попавшую тебе в руки ниточку очень и очень осторожно, Повелитель, – посоветовал Сэйтан самому себе. – Этот клубок нужно разматывать не спеша, бережно. Ты ступаешь на опасную почву». Он взглянул на дочь своей души, желая узнать, что расскажут ему эти древние, призрачные глаза.

– А нам придется посадить нечто подобное в Хэлавэе?

Джанелль отвернулась. Ее профиль сплошь состоял из острых углов и теней, экзотическое, нездешнее лицо было словно вырезано из мрамора.

– Я не знаю. – Девушка замерла. – Скажи, а ты доверишь своим инстинктам, Сэйтан?

– Да. Но твоим я верю куда больше.

На ее лице появилось странное выражение, но оно исчезло без следа, прежде чем Сэйтан успел понять его значение.

– Возможно, не следует так на них полагаться. – Она сцепила пальцы и сжала их с такой силой, что ногти пронзили кожу. Темная кровь мелкими бусинами побежала по рукам. – Когда жила в Белдон Море, я часто была... больна. Меня отправляли в больницу на несколько недель, иногда даже месяцев. – Помолчав немного, девушка добавила: – Я была больна не телесно, Повелитель.

«Дыши, Са-Дьябло, дыши, будь ты проклят! – выругался про себя Сэйтан. – Не спеши примерзнуть к месту!»

– А почему ты никогда не упоминала об этом?

Джанелль тихо рассмеялась. Горечь, которой был наполнен этот звук, разрывала его сердце на части.

– Я боялась рассказывать тебе об этом. Боялась, что, узнав все, ты больше не захочешь быть моим другом, не станешь учить меня Ремеслу. – Ее голос звучал тихо-тихо и был полон невыразимой боли. – И еще боялась, что ты сам был лишь еще одним проявлением этой болезни, как единороги, драконы и... другие.

Сэйтан заставил себя побороть боль, страх и даже гнев. В тихую, нежную ночь вроде этой подобным чувствам нельзя давать волю.

– Я вовсе не часть сновидения, ведьмочка. Если ты возьмешь меня за руку, плоть прикоснется к плоти. Царство Теней и все, кто населяет его, вполне реальны. – Он заметил, как глубокие синие глаза наполняются слезами, но так и не понял, каким чувством они вызваны – болью или облегчением. Когда Джанелль жила в Белдон Море, над ее инстинктами жестоко надругались, их извратили, и теперь девушка боялась полагаться на них. Она обнаружила первые признаки опасности в Хэлавэе до того, как Сильвия заметила неладное, но, до крайности сомневаясь в себе, не решилась рассказать об этом – на случай, если кто-то вдруг скажет, что ей просто померещилось.

– Джанелль, – тихо произнес Сэйтан. – Я не буду действовать, не предприму ничего, пока не проверю то, что ты сообщишь, но прошу тебя, ради всех тех, кто слишком юн, чтобы защитить себя, расскажи мне, что можешь.

Девушка отошла прочь, понурившись. Золотистые волосы волной упали на лицо. Сэйтан отвернулся, дав ей возможность справиться с эмоциями и вместе с тем успокаивая своим присутствием. Камни, на которых он сидел, стали казаться холодными и твердыми. Он стиснул зубы, покорно терпя неудобства и чувствуя, что, если сдвинется с места, Джанелль не сможет подыскать слова, которые ему так нужно услышать.

– Ты знаешь ведьму, которую называют Темной Жрицей? – прошептала девушка, затеявшись среди теней.

Сэйтан невольно оскалился, но сумел ответить ровным, спокойным тоном:

– Да.

– Лорд Мензар тоже ее знает.

Повелитель Ада долго смотрел в пустоту, изо всех сил вжимая ладони в камни, почти наслаждаясь болью, причиняемой острыми гранями. Он не шевелился, едва осмеливаясь даже дышать – до тех пор, пока не услышал, как Джанелль поднимается по лестнице, ведущей на балкон в ее комнатах, и тихий щелчок запираемой двери.

Но и тогда он не сдвинулся с места, только устремил вверх золотистые глаза, наблюдая за тем, как одна за другой гаснут свечи в комнате его дочери.

Наконец за стеклом потух последний огонек.

Сэйтан сидел под ночным небом, слушая негромкое пение воды, плещущейся о камни.

– Игры и ложь, – наконец прошептал он. – Что ж, я тоже знаю правила разных игр и умею в них играть. Тебе не следовало бы забывать об этом, Геката. Я не люблю их, это правда, но ты только что сделала ставки достаточно высокими, чтобы рискнуть. – На его губах заиграла улыбка – слишком мягкая, слишком опасная. – И я умею быть терпеливым. Но однажды я обязательно поговорю с Джанелль о ее идиотах родственничках с Шэйллоа, и тогда будет петь уже не вода, но кровь, плещущаяся о камни... в одном очень... укромном садике.

– Запри дверь.

Мефис Са-Дьябло неохотно повернул ключ в замочной скважине, войдя в личный кабинет Сэйтана глубоко в недрах Зала, в котором Повелитель Ада предпочитал проводить самые важные беседы. Он на мгновение задержался на пороге, лишней раз напомнив себе, что не успел ничего натворить, к тому же мужчина, вызвавший его сюда, был его родным отцом, а не просто Верховным Князем, которому он служил.

– Князь Са-Дьябло.

Глубокий голос завораживал, заставляя подойти ближе к человеку, сидевшему за письменным столом из черного дерева.

Выражение лица Повелителя изрядно напугало Мефиса – слишком уж оно было спокойным, бесстрастным, расслабленным. На висках Сэйтана Са-Дьябло густые черные волосы подернулись сединой, невольно притягивая взгляд к глазам необычного золотистого цвета. В них сейчас горело чувство такой силы, что слова «ненависть» или «ярость» казались слишком слабыми, чтобы описать его. В языке существовало лишь одно слово, совершенно точно подходившее к атмосфере, царившей в комнате: холод.

Сделать несколько необходимых шагов Мефису помогли только века обучения и придворного воспитания. И еще воспоминания. Мальчишкой он не раз заставлял отца сердиться, однако никогда не боялся его. Этот суровый мужчина пел ему колыбельные, смеялся вместе с ним, выслушивал все детские секреты, уважал его. Только повзрослев, Мефис понял, почему Повелителя следует бояться. И через очень, очень много лет он узнал, *когда* Повелителя следует бояться.

Например, сейчас.

– Сядь. – Голос Сэйтана походил на музыкальное, басовитое мурлыканье. Обычно оно было последним, что его невезучему собеседнику доводилось слышать в своей жизни – если не считать собственных криков.

Мефис попытался удобнее устроиться в кресле. Огромный стол из черного дерева, по-прежнему разделявший их, ничуть не успокаивал. Сэйтану не было необходимости прикасаться к человеку, чтобы уничтожить его.

В глазах Повелителя мелькнула первая искорка раздражения.

– Выпей ярбараха.

Графин покорно поднялся со столика в углу и аккуратно накренился по очереди над двумя бокалами, расставаясь с содержимым. Два язычка колдовского огня появились под каждым из бокалов, подогревая вино. Они, покачиваясь, поднимались и опускались, медленно вращаясь над лепестками пламени. Когда цвет напитка побледнел, один кубок медленно поплыл по воздуху к Мефису, второй опустился в протянутую руку Повелителя.

– Не переживай, Мефис. Мне потребуются лишь твои умения, ничего больше.

Мефис, немного расслабившись, сделал первый глоток.

– Мои умения, Повелитель?

Сэйтан улыбнулся. Почему-то получившаяся гримаса придала ему злодейский и вместе с тем хищный вид.

– Ты весьма педантичен, делаешь работу въедливо и тщательно, и, самое главное, я тебе доверяю. – Сэйтан помолчал немного. – Я хочу, чтобы ты собрал все возможные сведения о лорде Мензаре, главе школы Хэлавэя.

– Я должен узнать нечто определенное?

Холод, царивший в комнате, усилился.

– Пусть тебя ведет инстинкт, – усмехнулся Сэйтан, плотоядно оскалившись. – Но это между нами, Мефис. Я не хочу, чтобы другие начали задавать вопросы о том, что ты пытаешься отыскать.

Мефис чуть не спросил, у кого хватит глупости, чтобы осмелиться ставить под вопрос действия Повелителя, однако спохватился, сообразив, что уже знает ответ. Геката. Поручение отца связано с Гекатой.

Мефис осушил свой бокал и бережно опустил его на стол из черного дерева.

– В таком случае, с вашего позволения, Повелитель, я бы хотел приступить к делу безотлагательно.

3. Кэйлеер

Лютвиан горестно поникла при виде непрошенных гостей и с излишним усердием принялась скрести пестиком в ступке, не обращая ни малейшего внимания на девушку, застывшую в дверях. Если они не перестанут доставать ее глупыми вопросами, эти тоники так и останутся незаконченными.

– Ты так быстро закончила свой урок Ремесла? – спросила Лютвиан, не обернувшись.

– Нет, леди, но...

– Тогда почему донимаешь меня? – выкрикнула она, швырнув пестик в ступку и повернувшись к нерадивой ученице.

Девушка, стоявшая у порога, съежилась, но казалась скорее смущенной, чем испуганной.

– Вас хочет видеть один человек.

Огни Ада, можно подумать, эта девица раньше никогда не видела мужчин!

– И что, из него кровь бьет фонтаном, заливая пол?

– Нет, леди, но...

– Тогда отведи его в комнату исцеления, пока я закончу с этим.

– Он пришел не за лечением, леди.

Лютвиан стиснула зубы. Она была эйрианской Черной Вдовой и Целительницей. Ее гордость постоянно страдала от необходимости обучать Ремеслу этих рихлендских девиц. Если бы Лютвиан по-прежнему жила в Террилле, подобные дурочки были бы ее служанками, а не ученицами. Впрочем, останься она в Террилле, пришлось бы по-прежнему обменивать свои знания и умения Целительницы на жесткую крольчатину или ковригу черствого хлеба.

– И если он пришел не...

Она содрогнулась. Если бы Лютвиан не укрепляла с таким тщанием внутренние барьеры, стараясь заглушить исходящее от глупых девчонок раздражающее бляение, то почувствовала бы его присутствие в тот же миг, как этот мужчина переступил порог дома. Темный ментальный аромат было невозможно спутать ни с чем.

Лютвиан пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить голос звучать ровно и спокойно.

– Передай Повелителю, что я скоро присоединюсь к нему.

Глаза девочки расширились. Она стрелой вылетела в коридор, схватила за рукав подружку и возбужденно что-то зашептала.

Целительница тихонько закрыла за ней дверь рабочего кабинета. Она тихо, безрадостно рассмеялась и засунула трясущиеся руки в карманы фартука. Эта маленькая двуногая овца была вне себя от волнения при мысли о том, что вскоре ей доведется обменяться любезностями с самим Повелителем Ада. Лютвиан тоже дрожала, но совсем по иной причине.

«Ох, Терса, возможно, в своем безумии тебе и впрямь было безразлично, какое копьё скользит в твоих ножнах. Я же, хоть и была молода и испугана, оставалась в здравом уме. Он заставил мое тело петь, и я думала... я думала...»

И пусть миновало столько веков, но от одного воспоминания об открывшейся правде во рту появился горький привкус.

Лютвиан сняла фартук и разгладила складки на своем старом платье. Ведьма-домохо-зьяйка знала бы какое-нибудь маленькое, хитрое заклинание, после которого одежда выглядела бы новой и отглаженной. Ведьма-горничная применила бы свою магию, чтобы в считанные секунды выпрямить волосы и заплести их в ровную, элегантную косу. Однако сама Лютвиан не была ни той ни другой, а изучение бытового Ремесла было ниже достоинства Целительницы. И переживать о том, что мужчина – любой мужчина – подумает о ее внешности или одежде, ниже достоинства Черной Вдовы.

Заперев дверь кабинета и заставив ключ исчезнуть, Лютвиан горделиво расправила плечи и подняла подбородок. Что ж, есть лишь один способ узнать, что ему здесь понадобилось.

Лютвиан нарочито степенным и царственным шагом, как и подобает Сестре из ковена Песочных Часов, двинулась по главному коридору, проходившему через весь нижний этаж ее дома. Ее рабочий кабинет, комната для приема больных, столовая, кухня и кладовка занимали заднюю часть особняка. Класс, комната для выполнения домашних заданий, библиотека, где были собраны книги, посвященные Ремеслу, и большая гостиная располагались в переднем крыле. Ванные и спальни для обитателей дома находились на втором этаже. Ее личные покои и несколько гостевых комнат занимали третий этаж.

Она не держала прислугу, живущую в особняке. В конце концов, Дун находился всего в нескольких ярдах отсюда, за поворотом, поэтому нанятые ею работники каждый вечер возвращались домой, к своим семьям.

Лютвиан задержалась, понимая, что еще не готова открыть двери гостиной. Она была эйрианкой, затерявшейся в добровольном изгнании среди рихлендцев, эйрианкой, по счастью рожденной без крыльев, которые были бы неприятным напоминанием о ее происхождении от расы бесстрашных воинов, которые правили горами. Именно поэтому она шипела, рычала и скалилась, никогда не позволяя рихлендкам почувствовать себя с ней слишком свободно. Но это не означало, что Лютвиан не терпелось уйти отсюда или что работа не приносила ей никакого удовольствия. Она наслаждалась оказываемыми ей почестями, люди благоговели перед ней, потому что Лютвиан действительно была замечательной Целительницей и весьма умелой Черной Вдовой. Да, эйрианка пользовалась немалым влиянием в Дуне.

Но этот дом не принадлежал ей, как и окружавшие его территории. Все земли в Эбеновом Рихе были собственностью Цитадели. Разумеется, особняк был выстроен по ее просьбе с учетом всех пожеланий, но это не означало, что владелец не мог в любой момент указать Целительнице на дверь и запереть за ней замок.

Неужели он здесь именно затем, чтобы напомнить о долге и получить все, что ему причитается?

Сделав глубокий вдох, Лютвиан наконец распахнула двери гостиной, так и не сумев достойно подготовиться к встрече с бывшим любовником.

Он стоял, окруженный толпой ее учениц, которые непрерывно хихикали, флиртовали и хлопали ресницами. На его лице не было ни скуки, ни желания как можно быстрее избавиться от несносных девиц, и вместе с тем он не раздувался от гордости, как самонадеянный юнец, на которого изливается поток женского внимания. Сэйтан был самим собой – учтивым собеседником и прекрасным слушателем, который не стал бы перебивать поток бессмысленной болтовни до тех пор, пока это не оказалось бы неизбежным. Мужчина, способный весьма умело озвучить отказ.

Об этом последнем качестве Лютвиан знала не понаслышке.

Он наконец увидел ее. В золотистых глазах не было гнева. Правда, в них не появилась и теплая приветственная улыбка. Это сказало ей все, что она хотела знать. По какому бы делу Повелитель ни явился сюда, оно было личным, но не *личным*.

Лютвиан, сообразив это, пришла в ярость, а разгневанная Черная Вдова – не та женщина, с которой можно поиграть в свое удовольствие. Повелитель мгновенно заметил перемену в ее настроении, продемонстрировал свою наблюдательность легким изгибом брови и наконец прервал бесконечную девичью болтовню.

– Дамы, – глубоким голосом произнес он, – я благодарю вас за то, что скрасили мое ожидание, однако более не смею отвлекать вас от учебы. – Даже не повышая голос, он с легкостью перекрыл хор протестов. – Кроме того, не будем забывать о том, что леди Лютвиан дорога каждая минута.

Целительница отступила от дверей ровно настолько, чтобы пропустить стайку своих учениц. Рокси, самая старшая из них, замерла на пороге, оглянулась и напоследок стрельнула глазами в Повелителя.

Лютвиан захлопнула двери перед ее носом.

Она ожидала, что Сэйтан приблизится к ней, проявляя боязливое уважение, которое каждый мужчина, служащий ковену Песочных Часов, неизменно оказывает Черной Вдове. Когда Повелитель не сдвинулся с места, Лютвиан гневно покраснела, вспомнив, что он вообще никому не служит. Сэйтан оставался Верховным Жрецом, то есть Черной Вдовой более высокой ступени, чем ее.

Она двинулась вперед неспешно, с нарочитой небрежностью, словно вовсе не стремилась оказаться рядом, и замерла в центре комнаты. Этого вполне достаточно.

– И как только ты можешь выносить эту пустую болтовню? – поинтересовалась Целительница.

– Я нашел ее вполне интересной – и крайне поучительной, – сухо отозвался Сэйтан.

– А-а, – понимающе протянула Лютвиан. – Видимо, Рокси уже посвятила тебя во все детали своей Первой ночи? Она пока единственная из всех моих учениц, достигшая подходящего возраста и прошедшая церемонию, что заставляет ее, жеманно изгибаясь, объяснять другим девочкам, что она слишком устает, чтобы посещать утренние уроки. Потому что ее любовник о-о-очень требователен.

– Она совсем молода, – тихо произнес Сэйтан. – И...

– И ведет себя вульгарно! – оборвала его Лютвиан.

– ...юные девушки часто ведут себя глупо.

Целительница почувствовала, как ее глаза обжигают слезы. Нет, она не станет плакать перед ним.

– Значит, вот что ты подумал обо мне?

– Нет, – мягко отозвался Сэйтан. – Ты была Черной Вдовой от природы, целеустремленной, жаждущей проявить свое владение Ремеслом и больше всего на свете желающей выжить. Нет, ты была отнюдь не глупа.

– Однако мне хватило глупости, чтобы довериться тебе!

Золотистые глаза сохраняли бесстрастность.

– Я рассказал тебе, кто я и что я такое, прежде чем мы оказались в одной постели. Я вел себя как опытный Консорт, который согласился помочь юной ведьме пережить Первую ночь, чтобы наутро единственной ее потерей стала девственная плева – не разум, не Камни, не дух. Эту роль я раньше играл много раз, прежде чем начал править Демланом в обоих Королевствах. Я понимал и глубоко читил правила этой церемонии.

Лютвиан схватила со столика вазу и швырнула ее в посетителя.

– Скажи-ка, а беременность тоже была частью этих чтимых тобой правил?! – выкрикнула она.

Сэйтан легко поймал вазу, а затем разжал пальцы, уронив ее на деревянный пол. Его глаза наконец-то вспыхнули гневом, а голос стал хриплым.

– Я действительно не считал, что мое семя по-прежнему обладает какой-либо силой. И верил, что эффекта от заклинания не хватит на такой долгий срок. И надеюсь, ты извинишь старого человека за возможные провалы в памяти, так как мне почему-то упорно кажется, что я спрашивал, пьешь ли ты специальный отвар, предотвращающий беременность. И ты заверила меня, что принимаешь его регулярно.

– А что я должна была ответить? – воскликнула женщина. – С каждым часом опасность оказаться под одним из мясников Доротеи и быть уничтоженной становилась все реальнее. Ты остался моим последним шансом выжить. Я знала, что приближается опасное для меня время, но мне пришлось пойти на риск!

Сэйтан долгое время не двигался и ничего не говорил.

– Ты знала, что риск есть, ты ничего не сделала, чтобы предотвратить беременность, ты намеренно солгала мне и все равно сейчас *осмеливаешься обвинять меня в этом?!*

– Да не в этом! – завопила она, отбросив сдержанность. – А в том, что последовало после! – В золотистых глазах не отразилось и тени понимания. – Тебя интересовал только ребенок! Ты... н-не хотел б-быть со м-мною больше...

Сэйтан вздохнул и подошел к окну, устремив взгляд на невысокую каменную стену, огибавшую поместье.

– Лютвиан, – устало произнес он, – мужчина, который разделяет с ведьмой ее Первую ночь, не становится ее любовником. Это происходит только в том случае, если между ними уже существует сильная связь, когда они принадлежат друг другу во всех смыслах, кроме телесного. Как правило...

– Вам вовсе не обязательно озвучивать мне правила, Повелитель! – отрезала Лютвиан.

– ...встав с постели, он может остаться ей хорошим другом или просто приятным воспоминанием. Он, разумеется, заботится о ней и ее чувствах – обязан заботиться, поскольку иначе не сможет помочь ей остаться собой, – однако между заботой и любовью большая разница. – Он оглянулся через плечо. – И я позаботился о тебе, Лютвиан. Я дал тебе все, что мог. Просто этого оказалось недостаточно.

Женщина обхватила себя руками, гадая, сможет ли когда-нибудь перестать испытывать горечь и разочарование, вспоминая о прошлом.

– Нет, недостаточно.

– Ты могла бы выбрать другого мужчину. Тебе *следовало* так поступить. Я сообщил тебе об этом, более того, попытался уговорить.

Лютвиан уставилась в спину Повелителя, думая: «Будь ты проклят! Я хочу, чтобы тебе, мерзавец, было больно точно так же, как мне!»

– А как ты сам думаешь, мужчины хотели иметь со мной хоть какие-то отношения, узнав, что мой сын был зачат Повелителем Ада?

Удар угодил в цель, однако боль и вина, отразившиеся в хищных глазах, не облегчили ее страданий.

– Я бы взял его и вырастил. Это ты тоже прекрасно знала.

Старый гнев и бесчисленные сомнения вырвались из-под контроля.

– Вырастил бы его? Для чего? Чтобы стать твоим кормом? Чтобы ты всегда имел в своем распоряжении свежую человеческую кровь? Выяснив, что твой сын наполовину эйрианец, ты хотел убить его!

Глаза Сэйтана опасно блеснули.

– А ты хотела отрезать ему крылья.

– Тогда у него был бы шанс на нормальную жизнь! Без них он вполне мог сойти за демланца. Он мог бы управлять одним из твоих поместий, стать уважаемым человеком!

– И ты действительно уверена, что обмен был бы равноценным? Жить в средоточии фальшивого уважения, не зная о своей эйрианской крови, никогда не понимая голода, вспыхивающего в душе с каждым порывом ветра, пытаюсь объяснить желания, на первый взгляд не имеющие смысла, – до того самого момента, когда он взглянул бы на собственного первенца и увидел крылья? Или же ты собиралась потом обрезать их у каждого ребенка на протяжении поколений?

– Крылья были бы лишь напоминанием о прошлом, отклонением в развитии.

Сэйтан внезапно замер.

– Я повторю тебе еще раз то, что сказал после его рождения. Он – эйрианец в душе, и это нужно ставить превыше всего. Если бы ты настояла на своем и лишила его крыльев, я перерезал бы ему глотку прямо в колыбели. Не потому, что не был готов к такому повороту, Лютвиан,

хотя это действительно так – ты же не стала утруждать себя рассказом о своих корнях, – но потому, что он бы слишком жестоко страдал.

Она отточила гнев, превратив его в смертельно опасное острие копья.

– Значит, по-твоему, он не страдал?! Ты ничего не знаешь о Люциваре, Сэйтан.

– Скажи мне лучше, почему он не вырос окруженный моей заботой, Лютвиан? – слишком тихо и мягко произнес Повелитель. – Скажи мне, кто ответствен за *это*?

Слезы вернулись – вместе с воспоминаниями, болью и мучительным чувством вины.

– Ты не любил меня – и не любил его.

– Это правда, но лишь наполовину, дорогая моя.

Лютвиан усилием воли подавила всхлип, изучая взглядом потолок.

Сэйтан покачал головой и вздохнул:

– Даже столько лет спустя нам нет смысла говорить друг с другом. Ничего хорошего из этого не выходит. Мне лучше уйти.

Женщина поспешно вытерла единственную слезинку, которая успела сбежать вниз по щеке.

– Ты так и не сказал, зачем пришел сюда.

Впервые она посмотрела на него чистым, незамутненным взглядом, в котором прошлое не затмевало настоящее. Сэйтан состарился – и, казалось, был чем-то озабочен.

– Боюсь, воплощение в жизнь моего плана будет слишком сложным для всех нас.

Лютвиан терпеливо ждала. Его беспокойство и очевидное нежелание развивать эту тему пробудили в ней смутные опасения – и жгучее любопытство.

– Я собирался предложить тебе обучать юную Королеву, Черную Вдову и Целительницу от природы. Девочка очень одарена, но ее образование было довольно... хаотичным. Уроки должны быть частными и проходить в Зале Са-Дьябло.

– Нет, – резко отозвалась Лютвиан. – Здесь. Если я соглашусь на это, то буду обучать ее только здесь.

– Если девочка станет приходить сюда, ее потребуется сопровождать. Поскольку ты всегда находила Андальвара и Протвара слишком... эйрианцами и, спорить готов, не выносишь их до сих пор, боюсь, эта миссия ляжет на мои плечи.

Лютвиан задумчиво постукивала пальцем по губам. Королева, да к тому же от природы Целительница и Черная Вдова? Смертельно опасная комбинация талантов... Это и впрямь будет достойный вызов ее собственным умениям.

– Она должна обучаться у меня целительству и Ремеслу, подобающему Сестрам Песочных Часов?

– Нет. У нее по-прежнему много проблем с тем, что мы называем основами Ремесла, поэтому я бы хотел, чтобы ты обучала ее именно этому. Однако я с радостью включил бы в список ремесло Целительницы, если это представляет интерес для тебя самой. О Ремесле, к которому прибегают в ковене Песочных Часов, я позабочусь сам.

Гордость требовала бросить ему последний вызов.

– Скажи лучше, какой ведьме может потребоваться наставник, носящий Черный Камень?

Князь Тьмы, Повелитель Ада пристально посмотрел на женщину, оценивая ее и взвешивая каждое слово, и наконец ответил:

– Моей дочери.

4. Ад

Мефис небрежно бросил папку на письменный стол в личном кабинете Сэйтана и стал растирать руки, словно пытаясь соскрести с кожи невидимый слой приставшей грязи. Повели-

тель взмахнул рукой, словно открывая книгу. Папка послушно распахнулась, явив его взору несколько листов бумаги, исписанных убористым почерком старшего сына.

– Надеюсь, мы сделаем с ним что-нибудь? – оскалился Мефис.

Сэйтан призвал свои очки с линзами в форме полумесяцев, осторожно пристроил их на переносицу и поднял первый лист.

– Сначала позволь мне прочесть.

Мефис в сердцах хлопнул ладонями по столу:

– Он начисто лишен каких-либо моральных принципов!

Сэйтан взглянул поверх очков на своего старшего сына, стараясь не показывать гнева, уже начавшего прорасти в его душе.

– Позволь мне прочесть, Мефис.

Тот отошел от стола, зарывав, и стал мерить шагами кабинет.

Сэйтан прочитал отчет. Помедлил и снова проглядел его. Наконец он закрыл папку, заставил очки исчезнуть и принялся спокойно ждать, когда сын снова усядется в кресло напротив.

Лишен моральных принципов – какая мягкая характеристика лорда Мензара, главы Хэлавэйской школы... Ряд несчастных случаев или странных заболеваний позволили этому человеку занять высокий пост в школах в нескольких Округах Демлана, причем ко всем этим неприятностям лорд, разумеется, не имел ни малейшего отношения. Он всегда демонстрировал почтение без раболепия, что невольно располагало к нему, и уверенность в себе без примеси гордыни, не позволявшей другим усомниться в его способностях. И на этом ответственном посту многоуважаемый лорд стал потихоньку подрывать древний кодекс чести, разрушая и без того хрупкую паутину доверия, связывавшую мужчин и женщин Крови.

Что случится с Кровью, когда эта сеть наконец порвется и о доверии можно будет забыть? Достаточно посмотреть на Террилль, чтобы получить ответ.

Мефис стоял возле стола, сжав кулаки.

– Что мы будем делать?

– Я позабочусь об этом, Мефис, – с обманчивой мягкостью произнес Сэйтан. – Если Мензар на протяжении столь долгого срока ухитрился распространять свой яд, значит, я был недостаточно бдителен, чтобы изобличить его.

– А как же все эти Королевы и их приближенные, которым не хватило мозгов вычислить, чему он посвящает свое драгоценное время? Лорд Мензар, в конце концов, управлял школами в *их* землях! Ты ведь не игнорировал поступавшие предупреждения, ты их попросту *никогда не получал* – до того дня, пока Сильвия не отважилась прийти к тебе.

– И все же ответственность лежит на мне, Мефис. – Сэйтан жестом прервал протесты сына и жестко произнес: – И потом, чего ты от меня хочешь? Чтобы мы передали эти сведения Королевам Провинций прямо сейчас? Наглядно, с примерами пояснили, как ими манипулировал *мужчина*? Ты хочешь, чтобы *они* призвали его к ответу?

Мефис содрогнулся:

– Нет, этого я точно не хочу. Их гнев будет гореть на протяжении очень, очень долгого времени.

– И обратит в пепел гораздо больше чем одного-единственного мужчину. – Сэйтан заставил себя говорить мягче. – Среди попавших в его сети есть и совсем юные ведьмы – Королевы, Черные Вдовы и даже Жрицы, которые скоро достигнут совершеннолетия и будут жить с грузом того, что он сделал с ними. Придется рассказать о том, что случилось, некоторым самым сильным мужчинам в соответствующих Округах, чтобы они были готовы и сумели сделать все, что в их силах, дабы восстановить пошатнувшееся стараниями Мензара доверие девочек. – Повелитель печально покачал головой. – Нет, Мефис, если я не захочу принять ответственность за то, что произошло, боюсь, мне следует отказаться от прав на эту землю.

– Его кровь не должна быть только на твоих руках, – тихо произнес сын Сэйтана.
«Спасибо тебе, Мефис, – подумал Повелитель. – Спасибо тебе за это».

– На официальной казни требуется присутствие лишь одного палача. – Помедлив, Сэйтан спросил: – Скажи мне еще кое-что: есть люди, которые полностью от него зависят?

Мефис кивнул:

– У него есть сестра, которая занимается домом.

– Ведьма, владеющая бытовой магией?

Глаза Мефиса неприятно, хищно пожелтели.

– Она не получила подходящего обучения. И судя по тому, что мне довелось наблюдать, желания исправить это положение у нее тоже нет. Похоже, он просто разрешает женщине жить в его доме «из чистого великодушия». Если верить деревенским сплетням, она понесла от него, поскольку ей не хватает ни ума, ни мудрости, чтобы самой позаботиться о себе. Вот наш лорд и «милостиво» позволяет ей платить за жилье и стол разными... услугами, в том числе и хлопотами по хозяйству. – Мрачный тон не оставлял сомнений насчет того, какие именно «услуги» демон имел в виду.

– А ты полагаешь, что ей хватит ума и мудрости самой позаботиться о себе?

Мефис пожал плечами:

– Сомневаюсь, что у нее когда-либо была такая возможность. Она даже не носит Камни. То ли никогда не обладала нужной силой, то ли все способности были безжалостно растоптаны. Теперь трудно сказать наверняка.

«Да, Геката, – мелькнула у Сэйтана невеселая мысль, – ты хорошо обучаешь своих прихвостней».

– Возьми нужную сумму из дохода нашей семьи, чтобы обеспечить женщину достойными средствами на жизнь, равными зарплатку Мензара. Дом арендован? Оплати жилье на пять лет вперед.

Мефис скрестил руки на груди.

– Если его сестре не придется выплачивать ренту, в ее распоряжении будет больше денег, чем когда-либо.

– Я готов предоставить ей необходимое время и возможность отдохнуть. Нет никаких причин заставлять женщину расплачиваться за преступления ее брата. Если ее разум и способности были подавлены коварными манипуляциями Мензара, без его тлетворного влияния они непременно проявятся вновь. Если же она и впрямь не способна позаботиться о себе, мы придумаем что-нибудь еще.

На лице Мефиса промелькнуло беспокойство.

– Да, и насчет казни...

– Я позабочусь об этом, Мефис.

Сэйтан обошел стол и встал вплотную к сыну.

– Кроме того, у меня есть для тебя еще одно поручение. – Он сделал паузу и молчал до тех пор, пока Мефис не поднял на него глаза. – Скажи, у тебя по-прежнему есть тот городской дом в Амдархе?

– Ты же и сам прекрасно знаешь ответ.

– И тебе по-прежнему нравится театр?

– Очень, – озадаченно отозвался демон. – Я каждый сезон приобретаю абонемент на отдельную ложу.

– А там, случайно, нет каких-нибудь пьес, способных заинтересовать юную пятнадцатилетнюю девушку?

Мефис понимающе улыбнулся:

– На следующей неделе как раз ставят парочку очень неплохих представлений.

Сэйтан в ответ скривил губы в холодной, волчьей усмешке:

– Как кстати! Полагаю, экскурсия по столице Демлана со старшим братом – то, что нужно. Девочка успеет посмотреть город до того, как наставники начнут занимать все свободное время моей дочери, а мы успеем реализовать свои планы в ее отсутствие.

5. Террилль

Ноги Люцивара дрожали от боли и изнеможения. Прикованный так, что приходилось почти прижиматься лицом к задней стене каморки, он пытался прислониться к каменной кладке грудью, чтобы хоть немного облегчить мучительное напряжение в коленях. Он старался не обращать внимания на судороги в плечах и шее.

Затем пришли слезы. Сначала медленные и беззвучные, они постепенно превратившиеся в хриплые всхлипы, разрывавшие грудную клетку и исполненные глубокого, безутешного горя.

Наказание сегодня привел в исполнение угрюмый, рослый стражник. Люцивара били не по спине, а по ногам. Не кнутом или хлыстом, который взрезал плоть, а широким, толстым кожаным ремнем, хлеставшим напряженные мышцы. Подчиняясь медленному ритму барабанов, стражник тщательно, почти заботливо наносил удары, чтобы каждый следующий перекрывал предыдущий, не пропустив ни клочка кожи. Вниз и вверх, вниз и вверх. Если не считать дыхания, с шипением вырывавшегося сквозь стиснутые зубы, Люцивар не издал ни звука. Когда наказание наконец завершилось, его рывком подняли на ноги, болевшие слишком сильно, чтобы выдержать вес тела, и снабдили последним изобретением Зуультах – металлическим поясом верности. Он крепко обхватывал талию, но между ног сидел свободно, по крайней мере, особых неудобств не доставлял. Люцивара это ненадолго озадачило – вплоть до того момента, как его втолкнули в камеру. После этого не осталось места ни для чего, кроме боли. Потому что, оказавшись внутри, эйрианец сразу понял, что должно произойти.

К задней стене крепилась новая цепь с толстыми, прочными звеньями. Нижняя петля пояса протягивалась через специальное кольцо, и к ней пристегивалась цепь. Ее длины не хватало даже для того, чтобы пошевелиться. Люцивар мог только стоять, и если его ноги невзначай подогнутся, то удар – и вес тела – примет на себя не пояс, а то, что находится ниже. Вне всякого сомнения, Зуультах наслаждалась массажем с ароматическими маслами и притираниями, ожидая вопля, исполненного муки.

Но плакал Люцивар по другой причине.

Крылья стали медленно покрываться гнойной слизью. Если в ближайшее время не обратиться к Целительнице, пятна станут разрастаться до тех пор, пока от его крыльев не останутся только жирные, скользкие лохмотья тонкой кожи, свисающие с оголенных костей. В соляной шахте расправить крылья, не получив удар плетью, было нельзя, а теперь к тому же руки сковывали за спиной каждую ночь, прижимая тонкую темную кожу к телу, покрытому соляной пылью и мокрому от едкого пота.

Однажды он сказал Демону, что предпочел бы потерять яйца, но не крылья, и это не было шуткой.

И все-таки плакал Люцивар по другой причине.

Он больше года не видел солнца. Если не считать нескольких драгоценных минут, когда его вели из камеры в шахту и обратно, он не вдыхал чистый воздух, не ощущал ветерка на коже. Его мир сосредоточился в двух вонючих, грязных, темных дырах и крытом дворе, где его регулярно растягивали на камнях и жестоко били.

Несмотря ни на что, плакал Люцивар по другой причине.

Его и раньше наказывали, пороли, били, запирали в темных камерах. Его и раньше продавали в услужение жестоким, извращенным ведьмам. И всегда он до последнего боролся с теми зверствами, которые они приносили в его жизнь, бросая все силы на защиту своего «я».

Становился зачастую такой разрушительной силой, что Королевы не выдерживали и отправляли его обратно в Аскави – из страха за собственную жизнь.

Люцивар ни разу не попытался сбежать из Прууля, не позволил своей жажде разрушения и мести вырваться на свободу, чтобы рвать и уничтожать все живое. Еще несколько лет назад кровь Зуультах и ее стражников омыла бы все стены в этом бездушном дворце, а он стоял бы посреди развалин, разрывая ночную тишину эйрианским победным боевым кличем.

Но так было бы раньше, пока Люцивар еще верил в легенду, в мечту. Так было раньше, пока он еще надеялся, что однажды встретит Королеву, которая сможет понять его, принять, оценить. Встреча с ней была его мечтой, единственным цветком, растущим в иссохшей пустыне его выжженной души. Хозяйка Черной горы. Королева Эбенового Аскави. Ведьма.

Затем эта мечта стала явью, обрела кровь и плоть – и Деймон убил ее.

Вот истинная причина его горя. Люцивар оплакивал потерю госпожи, которой всем сердцем желал бы служить, и потерю единственного человека, которому мог доверять.

Теперь не осталось ничего, кроме пустоты и отчаяния, настолько глубокого, что оно покрыло его душу и стало постепенно разъедать ее, как едкая слизь – кожу крыльев.

Осталась только одна мечта.

Боль в груди наконец немного стихла. Люцивар подавил последний всхлип и открыл глаза.

Он с детства знал, где и как хотел умереть. И этим местом определенно не были соляные шахты Прууля.

Ноги подгибались и дрожали от невыносимого напряжения. Он впился зубами в нижнюю губу и стискивал их до тех пор, пока по подбородку не потекла кровь. Еще пара часов – и стражники освободят его, чтобы оттащить в соляные шахты. Где боль и страдания только возрастут.

Он немного похнычет... На следующей неделе похнычет больше, станет съезживаться при приближении стражников. Постепенно они забудут то, о чем всегда следует помнить, имея дело с Люциваром Ясланой. И вот тогда-то...

Люцивар улыбнулся окровавленными губами.

Ему еще было ради чего жить.

6. Террилль

Доротей Са-Дьябло гневно взглянула на капитана стражи:

– Что значит – вы велели прекратить поиск?

– Его нет в Хейлле, Жрица, – ответил лорд Вальрик. – Я и мои люди обыскали каждый сарай, каждый дом, каждую деревню – как людей Крови, так и лэнденскую. Мы прочесали каждый тупик в каждом городе. Деймона Сади нет в Хейлле, более того, *он не был* здесь. Я готов поставить на кон свою работу.

«В таком случае ты проиграл».

– Ты велел прекратить охоту без моего разрешения.

– Жрица, я готов отдать за вас жизнь, но, поймите, мы гонялись за бесплотными тенями. Его никто не видел – ни Кровь, ни лэндены. Мои люди устали. Им необходимо на время вернуться домой, к своим семьям.

– Конечно. А десять месяцев спустя армия ноющих отродий станет свидетельством того, как сильно устали твои люди.

Вальрик ничего не ответил на это.

Доротей ходила по комнате, постукивая кончиками пальцев по подбородку.

– Значит, его нет в Хейлле... Начинайте прочесывать соседние Края и...

– У нас нет права осуществлять подобный поиск в других Краях.

– Все эти Края подвластны Хейллю. Королевы не осмелятся бросить вам вызов или отказать в доступе на свои земли.

– Власть Королев, правящих этими Краями, и без того слаба. Мы не можем рисковать, еще больше подрывая ее.

Доротея отвернулась от своего капитана. Вальрик был прав, будь он проклят! Но нужно же делать хоть *что-то*, а не сидеть сложа руки!

– Значит, вы оставляете меня на милость Садиста, – произнесла она, и ее голос жалко дрогнул от сдерживаемых слез.

– Как можно, Жрица? – напряженно произнес капитан. – Я беседовал с капитанами стражи во всех пограничных Краях и поставил их в известность относительно его кровожадной природы. Они прекрасно понимают, что их собственные дети могут оказаться в опасности. Если кто-то обнаружит Сади на своей территории, живым ему не выбраться.

Доротея резко развернулась на месте:

– Я не давала разрешения убивать его!

– Он – Верховный Князь. Это единственный способ...

– Вы не должны убивать его.

Доротея покачнулась, испытав немалое удовлетворение, когда Вальрик поспешил подхватить ее и провести к креслу. Обхватив за шею, она притянула мужчину к себе и прижалась к его лбу своим лбом.

– Его смерть отразится на всех нас. Он должен оказаться в Хейлле живым. Ты должен, по меньшей мере, руководить поисками во всех остальных Краях.

Вальрик поколебался, затем вздохнул:

– Я не могу. Даже ради вас и ради Хейлля... я не могу.

Прекрасный слуга. Опытный, немолодой, уважаемый, честный.

Доротея скользнула правой рукой по его шее в чувственном поглаживании, а затем запустила ногти глубоко в плоть и впрыснула в нее весь яд из змеиного зуба.

Вальрик, потрясенный, отстранился, прижимая руку к шее.

– Жрица... – Его глаза остекленели. Он, спотыкаясь, отшатнулся.

Доротея изящно слизнула кровь с пальцев и улыбнулась ему:

– Ты же сказал, что с радостью отдашь жизнь за меня. Теперь ты это сделал.

Она продолжала рассматривать свои ногти, не обращая на Вальрика ни малейшего внимания. Он, спотыкаясь, вышел из комнаты, зная, что обречен. Призвав пилочку, Верховная Жрица Хейлля заострила кончик ногтя.

Какая жалость – потерять такого опытного капитана стражи! Теперь придется искать ему подходящую замену... Доротея заставила пилочку исчезнуть и улыбнулась. Что ж, по крайней мере, Вальрик личным примером заставит своего заместителя выучить необходимый урок: излишек чести легко может погубить человека.

7. Кэйлеер

Сэйтан смял в руках свежевыглаженную рубашку, превратив ее в невзрачный комок. Затем встряхнул, с мрачным удовлетворением полюбовался результатом и надел.

Он ненавидел это. Он всегда ненавидел это.

Черные брюки и длинную верхнюю куртку, больше похожую на тунику, постигла та же участь, что и рубашку. Застегивая последние пуговицы, Сэйтан криво ухмыльнулся. Хорошо, что он настоял на том, чтобы Хелена и остальные слуги взяли сегодня выходной. Если бы чопорная экономка увидела Повелителя в таком наряде, то сочла бы это личным оскорблением.

Странная штука эти чувства. Он готовился к казни, к расправе над живым человеком, а испытал лишь облегчение, вызванное мыслью, что экономка не застанет его в подобном виде.

Нет, не совсем. Был еще гнев, вспыхнувший вновь при мысли о необходимости сего действия, и страх, охватывавший его вновь и вновь, стоило только представить, что однажды, заглянув в глубокие сапфировые глаза, он найдет в них лишь презрение и отвращение вместо любви и тепла.

Но сейчас она в Амдархе вместе с Мефисом. И никогда не узнает о том, что произойдет этой ночью.

Сэйтан призвал трость, которую убрал несколько недель назад.

Разумеется, Джанелль все поймет. Она слишком сообразительна и умна, чтобы не понять, что означает внезапное исчезновение Мензара. Но что она подумает о своем приемном отце? Что это будет значить для нее?

Сэйтан надеялся – какое удивительное, горько-сладкое чувство! – что сможет жить здесь тихо и мирно, не предоставляя никому повода слишком часто вспоминать о том, кто он и что собой представляет. Повелитель Ада надеялся превратиться наконец в чужих глазах и в своих собственных в заботливого отца, воспитывающего дочь-Королеву.

Но жизнь никогда не была такой простой. Только не для него.

Никто никогда не спрашивал, почему Сэйтан стал на сторону Демлана в Террилле, когда Хейлль много веков назад начал угрожать этой тихой, спокойной земле. Обе стороны полагали, что Повелителем двигали в первую очередь амбиции, жажда власти. Однако на самом деле Сэйтана толкнуло на это более тонкое и соблазнительное чувство: он хотел обрести свой дом.

Он мечтал получить страну, о благополучии которой необходимо заботиться. Людей, которые не будут ему безразличны. Детей – своих или чужих, – которые наполнят его дом смехом и весельем. Он мечтал о простой жизни, в которой можно будет использовать Ремесло лишь для того, чтобы обогащать, а не разрушать.

Однако Верховный Князь, носящий Черный Камень, да к тому же являющийся Черной Вдовой и уже тогда получивший титул Повелителя Ада, попросту не мог гармонично влиться в спокойную жизнь тихой деревеньки. Поэтому он назвал цену, достойную своей силы, выстроил Зал Са-Дьябло во всех трех Королевствах и с того дня правил Демланом с железной волей и открытым сердцем, мечтая о том дне, когда, наконец, встретит женщину, чья любовь к нему превзойдет ее страх.

Вместо этого он встретил Гекату и женился на ней.

Какое-то – очень недолгое – время Сэйтан был уверен, что сбылась его мечта. Вплоть до того дня, когда родился Мефис и его мать обрела странную, ничем не оправданную уверенность, будто Повелитель никогда не расстанется с ней, не покинет свое дитя. Даже тогда, поклявшись ей в вечной верности, Сэйтан пытался быть хорошим мужем – едва ли не более рьяно, чем он хотел стать хорошим отцом. Когда Геката понесла во второй раз, он осмелился надеяться, что и она любит его и хочет выстроить новую жизнь с ним. Однако милая женушка любила лишь свои амбиции, а дети были чем-то вроде расплаты за поддержку и силу мужа. Только забеременев в третий раз, она наконец поняла, что Сэйтан никогда не прибегнет к своей силе и власти, чтобы сделать ее единственной Верховной Жрицей всех трех Королевств.

Он так и не увидел своего третьего сына. Лишь его останки.

Сэйтан закрыл глаза, сделал глубокий вдох и бросил краткое заклинание, тут же слившееся со спутанной тенью снов и видений, которую сплел сегодня. Мышцы ног неприятно дрожали. Он открыл глаза и устремил взгляд на свои руки. Грубые и несгибаемые на вид, они едва заметно тряслись.

– Как же я это ненавижу!

Повелитель медленно растянул губы в ухмылке. Теперь он и заговорил как старый, ворчливый дурак.

К тому времени, как Сэйтан добрался до официальной приемной, спина разболелась от непривычной сутулости, а мышцы ног стали предательски гореть. Однако Мензар достаточно

умен, чтобы распознать ловушку, поэтому физические неудобства помогут скрыть иллюзии, таящиеся в спутанной сети.

Сэйтан шагнул в большой зал и тихо зашипел, увидев человека, стоявшего у дверей.

– Я же велел тебе взять сегодня выходной. – В голосе Повелителя больше не было привычной силы, делавшей его звучание похожим на далекий гром.

– Вам было бы весьма неудобно лично открывать дверь, когда придет гость, Повелитель, – отозвался Беале.

– Какой еще гость? Я никого сегодня не жду.

– Миссис Беале сегодня решила навестить свою младшую сестру в Хэлавэе. После того как придет ваш гость, я присоединюсь к ним – мы обедаем в ресторане.

Сэйтан обеими руками оперся на трость и вопросительно поднял бровь:

– Миссис Беале – обедает в ресторане?!

Уголки губ дворецкого слегка приподнялись в ироничной усмешке.

– Лишь изредка, Повелитель. С великой неохотой.

Ответная улыбка Сэйтана быстро угасла.

– Лучше присоединитесь к жене, лорд Беале.

– Только после того, как придет ваш гость.

– Я никого не жду...

– Мои племянницы тоже ходят в школу в Хэлавэе.

На груди Беале под безупречно белой рубашкой блеснул кровавый Красный Камень.

Сэйтан со свистом втянул воздух сквозь зубы. Все должно быть сделано тихо. Темный Совет ничего не сможет доказать и, соответственно, предъявить ему обвинения, однако если до них дойдут слухи... Он пристально посмотрел на Предводителя, носящего Красный Камень.

– И сколько человек об этом знают?

– О чем, Повелитель? – мягко ответил вопросом на вопрос Беале.

Но Сэйтан не отвел взгляд. Неужели он ошибся? Но нет... На краткий миг в глазах Беале промелькнуло жестокое удовлетворение. Эта семья никому ничего не расскажет. Но они отпразднуют этот день.

– Вы будете в своем рабочем кабинете?

Примирившись с присутствием и решением Беале, Сэйтан вернулся в хорошо знакомую комнату. Налив и подогрев бокал ярбараха, он заметил, что руки задрожали не только от недавно наложенного заклинания.

Хейллианец по рождению, он служил при многих терриллианских дворах и правил большей частью именно в Террилле, а потом уже в Аду. Несмотря на то что Демлан в Кэйлеере официально по-прежнему находился в его власти, Сэйтан все это время предпочитал не появляться здесь, отдавая приказы издали. Он был скорее гостем, а не хозяином, поэтому и видел только то, что обычно открывается редким посетителям.

Он знал, что в Террилле думали о Повелителе. Однако сейчас Сэйтан находился в Кэйлеере, Царстве Теней, куда более дикой, жестокой и коварной стране, которая обладала магией куда более темной и сильной, чем та, которую когда-либо могло познать Королевство Света.

«Благодарю тебя, Беале, – подумал Сэйтан. – Благодарю тебя за предупреждение, за напоминание. Я не забуду больше, на какой земле стою. Я не забуду, что именно ты показал мне ложь, скрытую тонким плащом Кодекса и цивилизованного поведения. Я не забуду. Потому что все это Кровь, которую непреодолимо тянет к Джанелль».

Лорд Мензар потянулся было к дверному молоточку, но в последний миг отдернул руку. Бронзовый дракон, изогнувший толстую шею и исподлобья глядящий на посетителей, словно буравил его зелеными стеклянными глазами, таинственно поблескивающими в свете факелов,

с трудом разгонявшем тьму. Молоток же, висящий прямо под ним, был в виде когтистой лапы, обхватившей ровный, гладкий шар. Скульптура была выполнена на редкость реалистично.

Темная Жрица должна была предупредить об этом, мелькнула мысль.

Схватив лапу за основание вспотевшей рукой, он ударил один раз, другой, третий, а затем сделал шаг назад и нервно огляделся. Факелы отбрасывали неверные блики, порождая призрачные тени, и лорд Мензар в который раз пожалел, что эта встреча не назначена на светлое время суток.

Он взмахнул рукой, отгоняя последнюю непрошеную мысль, и снова потянулся к молотку, но в этот же миг дверь распахнулась. Посетитель едва не отшатнулся от высокого мужчины, стоявшего у порога, в последний момент сообразив, что черный костюм и жилет принадлежат не Повелителю, а дворецкому.

– Можете сообщить Повелителю, что лорд Мензар уже здесь.

Дворецкий не сделал ни единого движения, не сказал ни слова.

Мензар невольно прикусил нижнюю губу. Этот человек – живое существо, а не истукан, верно? Он знал, разумеется, что многие жители Хэлавэя работали в Зале, исполняя те или иные обязанности, поэтому ему и в голову не приходило, что после заката солнца слуги могли вести себя иначе, чем при дневном свете. Разумеется, с такой-то девицей, живущей с ними под одной крышей... И это вполне объясняло ее многочисленные странности.

Дворецкий наконец шагнул в сторону, освобождая гостю дорогу:

– Повелитель ожидает вас.

Облегчение, которое Мензар ощутил, шагнув внутрь, продлилось недолго. В наполненном мятущимися тенями большом зале царила тишина. Он последовал за дворецким к другому концу просторной комнаты, немало обеспокоенный отсутствием прислуги. Куда все подевались? Может, собрались в другом крыле? Или ужинают на кухне? В здании такого размера... здесь могло спрятаться полдеревни, и их присутствия никто бы не заметил.

Дворецкий открыл последнюю дверь справа и объявил о приходе посетителя.

Это была обычная комната без окон. Дверь, ведущую в другое помещение, Мензар не заметил. Кабинет Повелителя был прямоугольной формы, по длинной стороне стояли большие, мягкие кресла, низкий стол из черного дерева, обтянутый черной кожей диван. На полу лежал дхарский ковер, в многочисленных кованых подсвечниках горели десятки свечей, на стенах висели реалистичные картины, которые почему-то очень не понравились лорду. Но короткая сторона...

Мензар невольно подался назад, наконец заметив золотистые глаза, мерцающие в темноте. Во второй части комнаты располагался огромный письменный стол из черного дерева. За ним стояли книжные стеллажи, занимавшие все пространство от пола до потолка. Стены по обеим сторонам стола были задрапированы темно-красным бархатом. Это место отличалось от остальной комнаты, невольно заставляло ощутить настороженность. Здесь пахло опасностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.